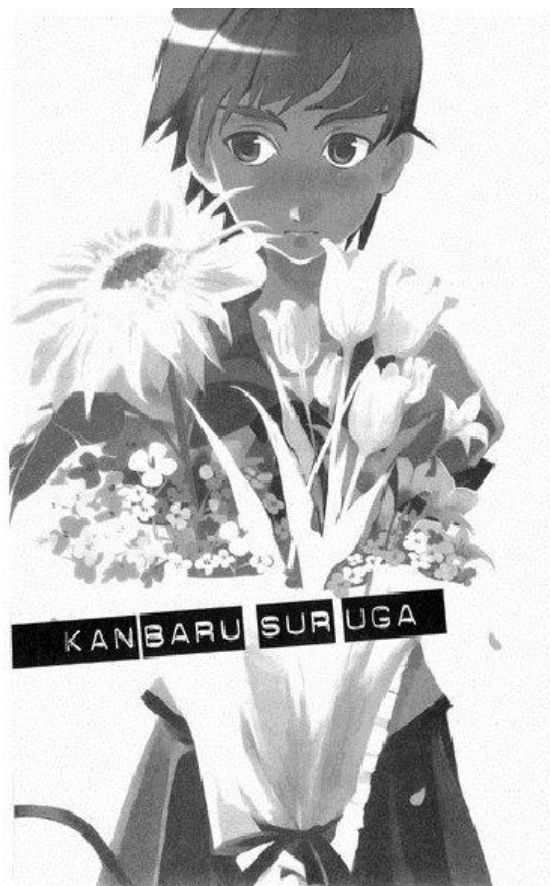

Bakemonogatari Vol. 1

Обезьяна Суруга

Камбару Суруга из того рода школьных знаменитостей, которые известны настолько, что вряд ли найдётся хоть один ученик, который не знал бы её, и, конечно же, я множество раз слышал её имя. Ну если говорить просто о знаменитостях, то мои одноклассницы Ханэкава Цубаса и Сендзёгахара Хитаги с лёгкостью утрут ей нос, но лишь среди учеников нашего года, третьего. Да, Камбару Суруга на год младше меня с Ханэкавой Цубасой и Сендзёгахарой Хитаги, а уже получила такую необыкновенную известность, что даже я, третьеклассник, достаточно отдалённый от всяческих слухов и сплетен, слышал о ней. Уже это говорит о многом. Если даже пошутить, что она просто нечто для своего возраста, это будет не так уж и далеко от истины.

Хотя в случае Камбару Суруги «звезда» передаёт нюанс правильней, чем «знаменитость». Её известность не имеет ничего общего с известностью серьёзной и высоконравственной отличницы Ханэкавы Цубасы и известностью так называемой прилежной ученицы Сендзёгахары Хитаги, конечно же, она не славилась и как главарь школьной банды. Дорога, по которой она идёт в противоположность Сендзёгахаре Хитаги и Ханэкавы Цубасы, избравшим большей частью путь учёбы, это дорога спорта. Камбару Суруга — ас баскетбольного клуба. С самого поступления на первый год старшей школы она вступила в жалкий, никого не впечатляющий клуб женского баскетбола, который ни одного матча не выигрывал, и с первой же официальной игры ни с того ни с сего вывела этот жалкий, безнадёжный баскетбольный клуб на национальные соревнования. Было бы странно, что того, кто возвёл такую будоражащую легенду, не стали бы величать звездой. Эта легенда настолько внезапно «возвелась», что так и хотелось спросить, что же она такого сделала. Клуб женского баскетбола нашей школы неожиданно поднялся, стал командой настоящих чемпионов, и приглашения на дружеские матчи с клубами мужского баскетбола из других школ уже перестали быть шутками. И всё это благодаря одной-единственной ученице.

Она не особенно высокая.

Телосложение обычной старшеклассницы.

Скорее даже миниатюрная и стройная.

Слово «грациозность» подходит ей как нельзя лучше.

Однако Камбару Суруга умеет прыгать.

В прошлом году я один раз за компанию мельком видел матч, в котором она участвовала: мастерки даже прошла сквозь, а не пробил вражескую защиту, а затем с лёгкостью заколотила слэм-данк, как в той сёнен-манге, известной по всей Японии. Спокойно и легко, с широкой улыбкой спортсменки Камбару проделала это ещё с десятков раз. Сколько вообще старшеклассников видали на матчах клуба женского баскетбола, где в норме броски с обеих рук, слэм-данк? Отлично помню, что как зритель я скорее не мог смотреть на растерянную, совершенно ошарашенную её игрой, жалкую команду соперников, чем был потрясён её игрой, и не в силах продолжать это, просто по-тихому ушёл.

Как бы то ни было, хоть наша школа и направлена в основном на подготовку к поступлению в вузы, но всё-таки в школу ходят подростки с чувствами и эмоциями, и естественно, что яркая

спорт-героиня получит больше внимания, чем прилежные ученики, которые только и могут, что учиться. Стоит Камбару Суруге сделать что-нибудь, любое действие, и слухи об этом тут же облетят всю школу. Если собрать все эти слухи воедино, можно целую книгу написать. Даже если тебе всё равно, более того, даже если специально избегаешь этого, всё равно что-нибудь, да и услышишь о Камбару Суруге. Любой в нашей школе независимо от класса и положения мог узнать, что сегодня она ела в кафетерии на обед. Достаточно всего-то спросить любого проходящего мимо.

Но слухи есть слухи.

Половина из них.

Не обязательно правда.

На самом деле большинству слухов, что доходили до меня, верилось с трудом, да и доверять им я бы не стал: не мало диаметрально противоположных слухов бродили по школе одновременно. Она грубая, нет, спокойная; дружелюбная, нет, замкнутая; скромная, нет, надменная; любвеобильная, нет, даже с парнями не общается... если и существует кто-то, подходящий под все эти характеристики, то этот человек наверняка тронулся умом. Если я и видел её, то ни разу не заговаривал, да даже ближе, чем на пять метров не приближался, так что всё предоставляется лишь моему воображению. Хотя нужда использовать воображение, если не соврать, равна нулю — всё-таки она с другого года обучения, к тому же, звезда спорта, ас клуба женского баскетбола (клубная деятельность у нас в школе разрешена только до второго класса, так что слуху о том, что её назначили капитаном, наверное, можно доверять), и ничего общего с таким третьеклассником-разгильдеем, как я, ничего общего иметь не может.

Никак не связана, ничего общего.

Естественно, она обо мне и знать не знает.

Незачем.

Так я думал.

Был убеждён.

Осознание моего заблуждения пришло ко мне в конце мая, прямо перед июньской сменой формы на летнюю... тогда я уже подумывал наклеить пластырь, чтоб закрыть едва прикрытые волосами две небольших дырочки на шее... тогда прошло где-то десять дней с тех пор, как я и Сендзёгахара Хитаги так неожиданно начали встречаться.

Когда Камбару Суруга с громким топотом подбежала ко мне и заговорила, её левую руку уже закрывала белая повязка...

— О... Аряряги-сан.

— Арараги.

— Прости. Оговорилась.

В пятницу, возвращаясь из школы, я катил на велосипеде по дороге на уклон и затормозил, увидев впереди фигуру Хачикудзи Маёй, маленькой девочки с двумя хвостиками и огромным рюкзаком. Я приблизился к ней слева и позвал, Хачикудзи захлопала глазами, а после словно от удивления как обычно исковеркала моё имя.

Под впечатлением того, что она до сих пор умудряется придумывать всё новые способы ошибаться в моём имени, я лишь вежливо поправил её.

— Вообще, хватит уже называть людей как Уккари Хачибээ¹...

— Но это же мило.

— Звучит, будто я никчёмный какой-то.

— М-м. Ну, не так далеко от истины.

Пятиклассница, а уже говорит такую жуть.

— Похоже, у тебя всё хорошо, Арараги-сан. Очень рада, что ещё раз смогла встретиться с тобой. Как дела, Арараги-сан? Что-нибудь интересное происходило?

— М? А, да ничего. Интересное нечасто случается. Живу тихо-мирно. Мирно и спокойно. О, совсем скоро пойдут экзамены, так что всё-таки не так мирно и спокойно.

Где-то недели две назад, четырнадцатого мая, в День матери.

В одном парке я встретил Хачикудзи Маёй, а после ввязался в такой водоворот... Ну, это не что-то настолько конкретное, чтобы назвать событием, но и не настолько абстрактное, чтобы рассматривать особо, в любом случае это оказался несколько *необычный опыт*.

Необычный в плане самый что ни на есть не обычный.

Ну, в конце концов, силами этого поганца Ошино и с помощью Сендзёгахары удалось найти решение без всяких дальнейших проблем, но, если то четырнадцатое мая было неизбежностью, а не случайностью, то, думаю, и те последующие две недели тишины моей мирной и спокойной жизни тоже неизбежность, а не случайность.

Похоже, Хачикудзи в полном порядке, значит, все события того Дня матери полностью улеглись. Большая редкость. В моём случае, случаях Ханэкавы и Сендзёгахары последствия необычного опыта и само разрешение проблемы были куда серьёзней, можно даже сказать, куда жёстче. Или безжалостней.

Хачикудзи Маёй.

Ей можно позавидовать.

— Ох, что такое? Арараги-сан уставился на моё тело таким страстным взглядом, непристойности.

— Каким таким страстным?..

Ещё и непристойности?

Не надо мне такой страсти.

— У меня икота от таких взглядов.

— У тебя проблемы с диафрагмой.

Поразительно.

Ну, если вспомнить, через что прошла Хачикудзи, то ситуация явно не та, которой можно завидовать... Наверное, Хачикудзи пришлось серьёзней и жёстче всех, больше чем мне, Ханэкаве и Сендзёгахаре. Думаю, с такой точкой зрения согласятся многие.

Пока я размышлял об этом, слева, мимо моего велика, прошло двое старшекласников. Две девушки. Форма другой школы. Эти двое смотрели на меня с Хачикудзи с откровенной подозрительностью и прошли мимо с наглыми перешёптываниями, как некрасиво... Похоже, для нормальных людей крайне странно наблюдать беседу третьеклассника старшей школы Арараги Коёми с пятиклассницей начальной Хачикудзи Маёй.

Ну да ладно.

Этому миру нас не понять.

Я позвал Хачикудзи не просто так, поэтому на самом деле, неважно, что понимаем только мы двое. Всяким предубеждениям не пошатнуть нашу дружбу.

— Ой-ой, похоже, они просекли, что ты лоликонщик, Арараги-сан. Зрят в самый корень.

— Вот не надо тут!

— Стыдиться нечего. Закон не запрещает саму любовь к маленьким девочкам. У всех есть право на свои вкусы. Но только пока ты не дашь волю своим ненормальным желаниям.

— Если б мне и нравились маленькие девочки, тебя я бы ненавидел!

Нет никакой дружбы.

Неужели меня окружают только такие?

Я мельком оглянулся.

Никого.

Пока что.

— Уф... Любишь ты поизворачиваться. Так Хачикудзи, почему ты бродишь здесь в такое время? Что, опять пошла куда-то и заблудилась?

— Как грубо, Арараги-сан. Да я может, ни разу в жизни не терялась?

— Какая выдающаяся память.

— Ох, я смущена.

— Было бы замечательно забывать всё неприятное.

— Да уж. Кстати, вы кто?

— Забыла!

Ловко парировала.

Не лишена остроумия.

— Хотя я и знаю, что это шутка, но всё равно очень обидно, когда тебя забывают, Хачикудзи...

— Просто я забываю всё глупое.

— Я не настолько глуп, чтобы слышать такое! И я сказал неприятное, а не глупое!

— Просто я забываю всё неприятное.

— Вот-вот, правиль... Нет! Совершенно неправильно! Не называй других людей неприятными!

— Но ты ведь сам сказал.

— Тихо, нечего сваливать всё на других.

— Какой ты капризный, Арараги-сан. Хорошо, впредь буду следить за речью.

— Как?

— Назову антиприятным.

— ...

Забавный разговор.

На самом деле, меня несколько беспокоило, что я, третьеклассник старшей школы Арааги Коёми, болтаю на равных с пятиклассницей начальной, однако эти беседы не особо-то и отличаются от моих разговоров с моими младшими сёстрами-среднеклассницами... И если указывать разницу между младшеклассницами и среднеклассницами, то разговор с Хачикудзи протекал куда плавней, без странных взвинчиваний и подозрительных увиливаний.

— Эх...

Со вздохом я слез с велосипеда.

И пошёл, толкая велик за руль.

Болтать с Хачикудзи, конечно, весело, но если я продолжу тут стоять и балагурить с ней, то все мои планы пойдут коту под хвост. Не сказал бы, что у меня времени в обрез, но я решил продолжить беседу на ходу. Предпочёл разговор на ходу разговору стоя. Хачикудзи, похоже, никуда определённо не шла — она без лишних слов побрела рядом с моим велосипедом. Балдёжница, что сказать.

Была и ещё одна причина идти, но когда я ещё раз мельком оглянулся, то причина моих волнений, похоже, ещё не показалась.

— Арааги-сан, ты куда идёшь?

— Хм. Домой сначала.

— Сначала? А потом куда-то ещё?

— Ну, тип того... Я разве не говорил уже? У меня экзамены на носу.

— Они проверяют твою силу, то есть, хотят узнать, чего ты стоишь.

— Больно громко сказано... Они хотят узнать, смогу ли я окончить школу, только и всего.

— Вот как. Значит, хотят узнать, окончишь ли ты школу.

— ...

Смысл один, но какой нюанс.

Японский правда сложный.

— Арааги-сан, просто у тебя голова антиприятная.

— Сейчас было бы лучше, если б ты назвала меня просто глупым.

— Да уж, просто есть вещи, которые стоит сказать прямо, а есть то, что и без слов понятно.

— Значит, нет того, что ты не могла бы сказать?!

— Ну, не волнуйся. У меня тоже плохие оценки, мы с тобой похожи, Арараги-сан, похожи.

— ...

Меня утешает младшеклашка.

Я такой же, как младшеклашка.

Более того, про себя она сказала не «глупая», а «плохие оценки», ещё одна беспечная хитрость Хачикудзи.

— Ну, на самом деле это очень серьёзно. Если я завалю экзамены, то будет плохо.

— Тебя исключат из школы?

— Ну, моя школа, конечно, нацелена на подготовку в вуз, но вряд ли всё дойдёт до такого из-за заваленных экзаменов. Да и бывает ли такое? Больше похоже на шутку. Ну, самое худшее могут оставить на второй год... Но что-то мне этого совсем не хочется.

Избежать по возможности.

Нет, я должен избежать этого.

— Хм. Тогда, Арараги-сан, почему бы никуда не ходить? Лучше посидеть дома и хорошенько подготовиться к экзаменам.

— А ты на удивление говоришь разумные вещи, Хачикудзи.

— Арараги-сан, разумные вещи здесь излишни.

— То есть «на удивление» это нормально?!

Вот артистка.

— Ты напрасно волнуешься, тут всё связано, Хачикудзи. Никто и не говорил, что я иду по магазинам или развлекаться. Я иду учиться.

— Хм? — простодушно удивилась Хачикудзи. — Значит, ты пойдёшь в библиотеку или типа того? Хм-м. Лично мне лучше учиться в тишине в своей комнате, к которой я привыкла... О, а может, ты ходишь на какие-то курсы, Арараги-сан?

— Думаю, это будет ближе к курсам, чем к библиотеке, — сказал я. — Помнишь Сендзёгахару? У неё оценки лучше всех в классе, сегодня я иду к ней домой, она пообещала подтянуть меня по учёбе.

— Сендзёгахара-сан...

Хачикудзи скрестила руки на груди и повесила голову.

Неужто забыла?

Наверное, считает неприятной, потому что боится.

— Полностью — Сендзёгахара Хитаги... Эй, ну тогда была вместе со мной, волосы в конский хвост ещё...

— А, та цундере?

— ...

Кажись, помнит.

Вечно Сендзёгахару называют этим словом из семи букв, начинающимся с «цу» и заканчивающимся «ре»... Это вообще нормально? Интересно, что она сама об этом думает, нужно будет как-нибудь спросить. Моё отношение изменится соответственно.

— Прекрасный человек, полный терпимости. Она отнесла меня на спине до самого дома.

— Приукрашиваешь воспоминания?!

Хачикудзи, похоже, довольно болезненно восприняла Сендзёгахару. Ну, учитывая обстоятельства их встречи, думаю, понять можно...

— Хм-м, — промычала Хачикудзи не изменив положения рук. — А, но... Ты с Сендзёгахарой-сан... Ну, это, как бы сказать, э-эм...

Похуже, Хачикудзи старательно подбирала нужные слова. Она имела какое-то представление об этом, но, похоже, не хотела говорить прямо и пыталась нащупать, как бы сказать как-нибудь по-другому. Мне было не столько интересно, сколько любопытно, что же в итоге выдаст Хачикудзи со словарным запасом пятиклашки, потому намеренно отказался от подсказок и просто молча наблюдал.

Вскоре Хачикудзи проговорила:

— ...заключили любовный контракт?

— Худший выбор!

Ну, как и следовало ожидать, я опять на неё накричал.

Идеальный диалог, словно из учебника.

— А? Я сказала что-то странное, Арааги-сан?

— Может, на первый взгляд твои слова и не кажутся странными, но мало какой человек не почувствует неприятный оттенок в глубине...

— Если... контракт не подходит, тогда почему бы не сделка, Арараги-сан? Любовная сделка.

— Ещё хуже! Скажи уже нормально!

— Эх. Ну ладно, я послушаюсь и скажу нормально. Делать нормальные вещи для меня самое обычное дело. Вот смотри. Арараги-сан и Сендзёгахара-сан завели романтическую связь.

— Ну, сойдёт.

Романтическая связь?

Довольно старое выражение.

Это для тебя нормально?..

— Ты сказал про подтянуть по учёбе, но больше похоже на обычный предлог, может, у вас там тайные амуры?

— ...

Ещё одна старинность...

Со словарным запасом у неё явно что-то не то.

— Идти в дом своей девушки перед экзаменами, которые решат, останешься ли ты на второй год, как по мне, самоубийственно, Арараги-сан.

— Они решат смогу ли я выпускиться.

Похоже, считает меня идиотом.

Как же я жалок.

— И не надо называть это самоубийственным.

— Тогда это чистое самоубийство.

Похоже, надо мной издевается младшеклашка.

Как же я жалок.

— Знаешь, ты уже достаточно развита, чтобы я мог решить всё раз и навсегда...

— Развита? Ты про грудь и попу? Чего же ты желаешь от тела младшеклассницы, Арараги-сан?

— Тихо. Не пытайся вывернуть мои слова.

Я стукнул Хачикудзи по голове.

Хачикудзи пнула меня по ноге.

Око за око.

Полная солидарность.

— Но здесь не о чём волноваться, Хачикудзи... Сендзёгахара очень строга в таких делах.

— Строга в учёбе? Как спартанец? О, она, наверное, и идиотов ненавидит.

— Ага, так и сказала.

Потому Сендзёгахара и ненавидит детей.

И Хачикудзи тоже.

Наверняка и я не исключение.

Кстати, если развивать эту тему и дальше, то строгость Сендзёгахары касается не только учёбы... Но, наверное, таковы отличники.

— Прямо сердечный сержант.

— Какой-то добрый армейский офицер получился.

— Э-эм, а дом Сендзёгахары-сан не рядом с парком?..

— Нет, вроде бы, мы уже говорили об этом, но Сендзёгахара уже давно оттуда переехала... Незадолго до нашей встречи я бывал у неё дома, и это жёсть как далеко. Я иду домой, чтобы сменить велик... Ох, похоже, времени у меня не так уж и много.

— Если ты спешишь, то не буду задерживать.

— Не, время ещё есть.

К тому же, хоть я и иду к Сендзёгахаре, но иду туда учиться, так что на самом деле энтузиазмом особым не блистаю... Даже не представляю, сколько оскорблений и издёвок на меня обрушится, скажи я ей об этом.

Но тем не менее.

Сендзёгахара Хитаги.

Хачикудзи это одно, но Сендзёгахара это Сендзёгахара...

— Эй, Хачикудзи... Ты...

Как вдруг.

Не успел я и договорить, как сзади послышался шум.

Шум.

Топот.

Не частый резкий ритм шагов, а такой словно бежали большими прыжками, вот такой топот.

Я даже не стал оборачиваться, чтобы проверить.

Точно...

Была ещё одна проблема, тревожащая мою тихую и мирную жизнь, помимо экзаменов...

Я думал, что оторвался.

Топ-топ-топ-топ.

Топот быстро приближался.

Даже не нужно оборачиваться...

Однако я не мог не оглянуться.

Топ!

А когда я нехотя и неохотно медленно развернулся, она прыгнула.

Она.

Камбару Суруга прыгнула.

Прыжок с разбега вышел даже не на два или три метра, идеальной формы и траектории, она словно проигнорировала законы гравитации — Камбару пролетела справа от меня, почти у самого лица...

А затем приземлилась.

В этот момент её растрёпанные волосы мигом замерли.

Она в школьной форме.

Естественно, форма моей школы.

Жёлтый галстук — второй год обучения.

Кстати, благодаря этому прыжку её юбка, укороченная по последним стандартам, вскинулась к самому небу, однако удовольствия от этого я никакого не получил, из-за тайтсов по колено, которые она надела под юбку.

Через мгновение её юбка приняла изначальное положение.

В нос ударил запах жжёной резины.

Похоже, это подошвы её высокочкасных кроссовок так натёрлись об асфальт... Ну и силища у неё.

А затем ас баскетбольного клуба...

Камбару Суруга развернулась.

В её лице осталась толика детскости, однако оно уже обрело редкую даже для третьеклаанников величавость, её ясные глаза посмотрели прямо на меня.

Она приложила руку к груди, словно отдавала присягу.

А затем улыбнулась.

— О, Арараги-сэмпай. Какое совпадение.

— Не бывает таких продуманных совпадений!

Как день ясно за мной бежала.

Я огляделся, но Хачикудзи уже как ветром сдуло. Как бы бесцеремонно и запросто она не болтала со мной, Хачикудзи Маёй на удивления застенчивая, она быстро поняла ситуацию и резво смоталась. Ну, на самом деле, думаю, если б на вас с невообразимой скоростью неслась незнакомая девушка (а с точки зрения Хачикудзи казалось, будто бегут именно на неё), тут уж любой бы сбежал.

Ну право, замечательный друг...

Ну да ладно.

Я снова посмотрел на Камбару, та с рассеянным видом словно в глубоком восхищении снова и снова кивала головой.

— Что такое?..

— Я просто задумалась над вашими словами, Арараги-сэмпай. Они запечатлелись в самом сердце. «Не бывает таких продуманных совпадений»... Выглядит словно только пришло в голову и в то же время словно придумано заранее, отлично подходит ситуации. Это и есть находчивость.

— ...

— Да, это правда, — сказала Камбару и добавила: — На самом деле я бежала за вами, Арараги-сэмпай.

— Да я и так знаю...

— Вот как, знаете? Всё-таки Арараги-сэмпай видит насквозь такую неопытную молодёжь, как я. Я смущена и чувствую стыд, но ещё и восхищена.

— ...

Вот жеж, а...

Не уверен какое выражение у меня застыло на лице, но Камбару Суруга не обратила на него никакого внимания и бойко улыбнулась мне.

Три дня назад.

Я шёл по коридору, и тут ко мне с громким топотом подбежала Камбару Суруга и как ни в чём не бывало поздоровалась. Это вышло настолько естественным, что я тогда отреагировал на это обычно, однако передо мной стояла выдающаяся знаменитость, звезда второго года. Даже я, отдалённый от всяческих слухов и сплетен, не мог не узнать её, однако нас ничего не связывало и не имелось никакого контакта, поэтому я был довольно удивлён.

Но что меня действительно удивило, так это её характер. Ну, чего-то конкретного сказать не могу, однако такого загадочного характера, такой загадочной личности, как Камбару Суруга, я не встречал за всю свою жизнь.

И.

С тех пор, с того момента три дня назад и до сегодняшнего дня, Камбару Суруга всюду следует за мной. Неважно когда, неважно где, сколько бы ни было рядом людей, Камбару всюду мчится за мной.

— На переменах ещё ладно, но разве после уроков тебе не надо в клуб, Камбару? Зачем ты здесь?

— Охох. А вы проницательны, Арараги-сэмпай. Ни одна мелочь не ускользнёт от ваших зорких глаз, вы прямо главный герой детектива. Даже Филип Марлоу² сбежал бы со стыда.

— Я лишь заметил странность того, что баскетболист национального уровня сейчас ошибается здесь, восхищаться нечем.

Не очень-то хочется читать детектив, где главный герой сбегает со стыда от такого.

— Ни за что не увильнёте от своего второго оружия в жизни, скромности, ваши слова полны сдержанной самодисциплины... Я склонна ошибаться в себе, но чувствую, вы станете для меня прекрасным примером для подражания. Ха-ха, как говорится с кем поведёшься, от того и наберёшься, прямо ощущаю, как по-человечески расту рядом с вами, Арараги-сэмпай. Это и значит быть примером, — с улыбкой проговорила Камбару.

В улыбке не ощущалось и тени издёвки.

Я всегда думал, что хороший человек это кто-то вроде Ханэкавы, но доведи его до конечной формы и получится что-то на подобии Камбару.

Короче, она куда ужасней Ханэкавы.

Куда беспокойней этой старосты.

— Но посмотрите сюда, — с этими словами Камбару указала на свою левую руку.

Её руку стягивала белая повязка. От кончиков пальцев и по всему запястью, ни единого зазора. На самом деле дальше просто не видно из-за длинных рукавов формы, но, похоже, повязка тянется до самого локтя. Говорили, что недавно она оступилась на самостоятельной тренировке и вывихнула руку или ещё что... Ну, эти слухи я услышал прямо перед тем, как Камбару впервые поздоровалась со мной.

Слухи есть слухи.

Как-то с трудом верится, что человек такой силы, кроме того, Камбару Суруга отличилась и высокой гибкостью, смог вывихнуть что-то себе пусть даже и на самостоятельной тренировке, однако повязка на руке у неё и правда имеется. Раз в год и палка стреляет, и на старуху бывает проруха, конь о четырёх ногах, и то спотыкается.

— Так я не могу играть и буду только мешаться, поэтому решила пока не ходить на тренировки.

— Но ты же капитан? Разве без тебя команда не падёт духом?

— Ваши слова о том, что моя команда держится на одном человеке, огорчают, Арараги-сэмпай. Моя команда не команда слабаков, их дух не пропадёт из-за моего отсутствия, — сказала Камбару суровым тоном. — Баскетбол это жёсткий спорт. Тут всё не зависит от одного человека. Может, моя роль и позиция и выделяются, однако это не только моя заслуга, это благодаря всей команде. Все похвалы в мой адрес нужно делить между всеми членами моей команды.

— О, и правда...

Вот такая вот она.

Добропорядочная, честная.

Или ещё какая.

Камбару не впервой так чувствительна, когда как-то задевают (даже если и непреднамеренно) членов её команды. Ходил слухок, что на первом году в школе во время интервью для школьной газеты из-за того, что кто-то грубо высказался о её сэмпаете, она перевернула парту (впрочем, слух оказался ложным, но что-то похожее наверняка могло иметь место).

Камбару рассмеялась.

— Я поняла, Арараги-сэмпай. Вы сейчас проверяли какой из меня капитан, да?

— ...

Говорит с таким торжествующим самодовольным видом.

Не надо на меня так смотреть.

— Серьёзно, Арараги-сэмпай, если записывать ваши слова для будущих поколений и не выделить курсивом или жирным шрифтом, то читатель не поймёт оттенок и не уловит вес, вложенный в каждое ваше слово. Обычно, когда убеждение исходит от говорящего, а не от содержания, слова приобретают плохой смысл, однако ваши слова принимаются исключительно в хорошем. Не волнуйтесь. Я не собираюсь забывать свои обязанности капитана. Да и не настолько я о себе высокого мнения, чтобы прогуливать. Я показала им порядок тренировки. На самом деле без меня им легче будет сосредоточиться на упражнениях. Как говорится, кошки нет, мышам раздолье.

— Кошка, говоришь... Ну, рад слышать это от тебя.

— Пусть и спортивный, но это всё-таки школьный клуб. Не говоря уже о том, что школа готовит к поступлению в вузы. И клуб обычно это самое лучшее, беззаботное и весёлое место для создания счастливых воспоминаний о юности. И вы беспокоитесь не только о такой малознакомой девушке, как я, но и о моей команде, вы действительно заботливый, Арараги-сэмпай. Я тронута такой нежной опекой. Ни за что не обидите баскетбольный клуб. Это по-настоящему чуткий поступок по отношению к младшим. Я никогда не встречала никого, похожего на вас.

— И я такую, как ты, не встречал...

Это что-то новенькое...

Так естественно выдаёт такие сомнительные комплименты...

— Вот как. Большая честь слышать от вас такое, Арараги-сэмпай. Ха-ха, ничто так чудно не вдохновляет, как похвала от такого благочестивого человека, во мне пылает невиданная до этого доблесть. Чувствую, могу сейчас горы свернуть. Отныне, когда меня будет что-то тяготить, обязательно встречусь с вами, Арараги-сэмпай. Одна лишь встреча даст мне сил держаться до конца.

Камбару не прекращала улыбаться.

Эта улыбка делала её практически беззащитной, однако внутри ощущался прочный стержень, который говорит, что она далеко не беззащитна. Это улыбка полной уверенности в себе.

Совершенно иной мир.

Совершенно иной человек.

Ну, думаю, само по себе очевидно, даже не вдаваясь в её личность, что спортсменка, звезда школы Камбару совершенно иной человек по сравнению с Арараги Коёми, однако почему же Камбару Суруга обратилась ко мне тогда?

И не просто обратилась.

Она продолжает обращаться.

Продолжает преследовать меня.

И причина вовсе не в словах Камбару о том, что её что-то тяготит, и она не обратилась ко мне, чтобы воспрянуть духом, нет. У меня нет такой сверхспособности. А если б была, то сам бы с удовольствием использовал.

Я задал Камбару вопрос, который за эти три дня задавал уже бесчисленное количество раз.

— Так, Камбару. Что на этот раз?

— О, точно...

Камбару до того бойко и без колебаний выстреливала ответы, однако на этот раз впервые замялась. Но продлилось это лишь мгновение, и она тут же с улыбкой на лице обратилась ко мне:

— Читали сегодняшнюю колонку мировых новостей? Я бы хотела услышать ваше мнение о политической ситуации в России.

— Издеваешься?!

К тому же, выбор не очень подходящий.

Я в политике Японии-то не шарю, а она отправляет меня за море, в Россию...

— О, вам лучше поговорить об Индии, Арараги-сэмпай? Но к сожалению, мне больше по душе спорт и природа, я не разбираюсь в IT-технологиях. Кроме того, проблемы России мне кажутся куда более актуальными.

— Я не читал сегодняшних новостей...

Такое простое оправдание не могло обмануть даже меня самого. На самом деле я читал, читал, но не настолько искусен в обсуждениях...

Однако Камбару лишь медленно сощурила глаза.

— Вот как. Неудивительно, что такому занятому человеку некогда читать новости. Я проявила бестактность, извините. Думаю, нам лучше перенести этот разговор на завтра.

— Конечно...

— Как великодушно. И не думала, что буду удостоена такого лёгкого прощения. Наверняка вы посчитали мои слова пустопорожней болтовнёй, но скрыли это и всё равно дали такой щедрый ответ. Это и есть альтруизм и широта души. Я ещё больше очарована вами, Арараги-сэмпай.

— Вот как, спасибо...

— Не стоит благодарностей. Я лишь высказываю свои чувства.

— ...

Она ещё и довольно умна.

Немного против правил, когда человек одарён в спорте и при этом ещё умён... Конечно, и Ханэкава с Сендзёгахарой в хорошей физической форме, но с ней они не идут ни в какое сравнение. Конечно, в средней школе Сендзёгахара даже была асом легкоатлетического клуба, но в старшей она вообще не занималась, особенно, если учитывать её особые обстоятельства.

Конечно, нет.

Конечно же, я не думаю, что Камбару хочет обсудить со мной политическую ситуацию в России, это очевидный предлог.

Я бесчисленное количество раз спрашивал, что же ей нужно, но она до сих пор так и не дала ясного ответа.

Думаю, у неё есть какая-то другая причина.

Однако я понятия не имею какая.

И с чего вообще она вдруг так стала за мной ходить? У Камбару, звезды школы, и меня, разгильдяя-третьеклассника, нет ни единой точки соприкосновения.

Никак не связаны, и ничего общего.

— Кстати, Арараги-сэмпай, у вас за день ничего странного не приключалось?

— А? Да нет... Всё как обычно.

Кроме тебя.

Хотя и к тебе потихоньку привыкаю.

— Только от того, что экзамены на носу, немного беспокоюсь...

— Экзамены? Хм, у меня тоже из-за них уже голова болит. Тесты доставляют кучу проблем тем, кто ходит в клуб. На целую неделю запрещают все тренировки, и остаётся только довольствоваться самостоятельными упражнениями.

— Хм-м.

Понятно.

Мне трудновато понять, зачем самостоятельно тренироваться в период перерыва, когда стоило бы отдохнуть, ну, это разговор другого мира.

— Но разве тебе от этого не удобней? Твоя рука успеет восстановиться.

— М? А... А, ну да.

Камбару опустила взгляд на левую руку.

— Всё-таки вы видите мир по-другому, Арараги-сэмпай. Всегда углядите, как осчастливить другого человека. Невероятное позитивное мышление.

— Мне и за тысячу лет не преодолеть твоё позитивное мышление...

Как нужно воспитывать человека, чтобы он вырос таким?

Жутко странная.

— Ну, пусть это и банально, но всё-таки главная задача учеников — учиться. Это проблемно, но экзамены это экзамены, мы должны упорствовать до конца.

— Хорошо, что ты повредила не правую руку.

— Я левша, — ответила Камбару. — В обычной жизни это, как правило, неудобно, но в спорте это зачастую становится преимуществом.

— А-а, вот как?

— Да, это справедливо для любых соревнований. В современной Японии родившиеся левшами в большинстве случаев переучиваются, и получается, что на одного спортсмена-левшу приходится десять правшей. Арараги-сэмпай, как думаете это соотношение действует в баскетболе? Баскетбол — игра с мячом пять на пять, то есть на площадке всего один левша, и это я. Это одна из причин, почему я стала асом.

— Хм-м...

Я одновременно понимаю и не понимаю.

— Но из-за моей небрежности это обычное неудобство только усиливается.

— Левша, значит... Ну, я хоть и не спортсмен и такого не понимаю, но левши меня всегда привлекали.

Честно высказался.

Возможно, это предубеждение или же неверное впечатление, но действия левшей всегда казались мне умней поступков правшей.

— К слову, вы тоже левша, Арараги-сэмпай? Ха-ха, я сразу заметила, что часы у вас на правой руке. Левша левшу видит издали.

— ...

И под страхом пыток не расскажу ей, что часы на правой руке это просто моя прихоть... С этого дня, похоже, если она окажется поблизости, мне остаётся лишь писать и брать палочки для еды левой рукой. Левши, конечно, кажутся мне умнее, но переучиваться я совсем не собирался...

— Трудно тебе придётся на экзаменах. С такой ведущей рукой не сдать японский.

— Ну, на экзаменах эссе нам писать не нужно, так что я спокойна, что пока не могу выводить кандзи. Думаю, учителя примут это в расчёт. Я заставила вас лишний раз поволноваться, извините. А вы, Арараги-сэмпай, и правда очень волнуетесь за младших. У вас есть время беспокоиться обо мне перед экзаменами, как от вас и ожидалось. Должно быть, вы сами готовы более чем достаточно.

— Нет, на самом деле у меня нет времени.

Какой там.

Я не беспокоюсь о своём кохэе из-за излишка свободного времени, на данный момент я не готов от слова совсем.

— Как раз сегодня я иду в группу по подготовке.

— Группу по подготовке?

Камбару выглядела озадаченной.

Видимо, «группа по подготовке» для неё недостаточно убедительно.

— Э-эм, ну в общем, как бы попроще сказать, оценки у меня далеко не радужные... Да и за два года посещаемость не очень...

Почему должен что-то объяснять?

Пусть и звезда, она всё-таки кохай.

— В общем, экзамены это возможность поправить своё положение.

Какое показушничество.

Осознал всю свою ничтожность.

— Хм. Понятно, — закивала Камбару. — Я не особо волнуюсь над подготовкой, так что не очень знаю, но, вроде бы, одноклассники собираются у кого-нибудь дома перед экзаменами... Так, да?

— М-м. Ну, что-то типа.

— Вот как. Значит, вы собираетесь пойти домой к другу, Арараги-сэмпай. Но... — Камбару замялась. — В отличие от спорта, в учёбе объединение общих усилий, вряд ли...

— Не волнуйся. Я назвал это группой, но на самом деле нас там только двое, и учить будут лишь меня, что-то вроде частных уроков. Мне поможет одноклассник с невероятно хорошими оценками.

— Хм-м... А, — проговорила Камбару, словно догадалась о чём-то. — Сендзёгахара-сэмпай?

— Хм? Ты знаешь её?

— Ваш одноклассник с хорошими оценками, никто другой на ум и не приходит. Я слышала, как говорили о ней.

— Хм-м... Ну, ты права.

Всё-таки она тоже довольно известна.

Ничего такого странного в том, что второклассница знает о Сендзёгахаре.

Хм?

Но разве с одноклассником с хорошими оценками не должна прежде всего ассоциироваться неуступившая никому из параллели и более известная Ханэкава?.. По крайней мере, не сказал бы, что никто другой на ум не приходит, кроме Сендзёгахары. К тому же, обычно под группой по подготовке понимается группа лиц одного пола, разве не естественней было бы предположить мужское имя, а не женское?

С чего вдруг Сендзёгахара?

— Тогда не буду мешать. Доброго дня, прошу меня извинить.

— Хорошо.

С одной стороны, вроде бы, попрощалась, с другой пожелала доброго дня, в этом и есть Камбару Суруга.

Она рывком присела, вытянув ногу.

Разминается.

Тщательно разогрела мышцы и связки...

— Ну, удачи, Арараги-сэмпай.

В этот момент.

Камбару с топотом побежала обратно по той дороге, которой сюда пришла. Прекрасный бег, она бежала не просто быстро, её несло с просто страшной скоростью. Если взять на сто или двести метрах, она, может, и не оставит позади рекорды, однако на ультракоротких дистанциях, вроде десяти или двадцати метров, Камбару не дала бы продыху и постоянным членам легкоатлетического клуба. Камбару Суруга играючи доказала репутацию спортсмена, мастерски выкладывающегося на таком ограниченном поле, как баскетбольное... В мгновение ока она скрылась из виду.

Резкие движения пикантно задирали полы её юбки, однако Камбару это нисколько не волновало — под юбкой у неё тайтсы.

Лучше ей бегать в спортивках... обошлось бы ложных надежд прохожих.

Я вздохнул.

Будто гора с плеч.

На этот раз относительно быстро отстрелялся... Так и не могу понять, зачем она всюду за мной таскается, только подумаю, что это может продолжаться бесконечно, как всё спокойствие будто ветром сдувает. Ну, на самом деле никакого существенного вреда нет, и я хотел бы попросту не обращать внимания, но сама личность Камбару невообразимо утомляет меня... Интересно, существует хоть один человек, который не устал бы от разговора с Камбару Суругой? Быть может, только...

Да.

Подходит лишь Сендзёгахара.

— Лалалаги-сан.

— Чувствую, твоя асимптота к правильному варианту на сей раз куда ближе, но Хачикудзи, совсем не стоит попевать моё имя словно в мюзикле. Меня зовут Арараги.

— Прости. Оговорилась.

— Нет, это нарочно...

— Огоровилась.

— Нарочно же?!

— Олгдаделась.

— В поисках моего тела?!

Как-то незаметно рядом объявилась Хачикудзи.

Наверное, вернулась, когда увидела, что Камбару ушла. Не знаю, как на самом деле, но наверняка Хачикудзи показалась так быстро, потому что чувствовала вину за то, что бросила меня здесь одного. И в имени на этот раз ошиблась нарочно, чтобы скрыть смущение.

— Кто это был?

— Ты не разглядела?

— Хм-м. Из того, что она называла тебя сэмпам, чисто логически вытекает, что она твой кохай, Арааги-сан.

— Блестящая дедукция.

Будь здесь Камбару, она сделала бы отсылку к Марлоу или ещё какому старинному детективу и во всю мощь восхваляла бы Хачикудзи, на секунду мне хотелось сделать то же, но что-то внутри меня не позволило...

— Однако Арааги-сан, я только немного подслушала, но она, похоже, так и не сказала, что хотела. Я так до конца и не поняла о чём вы говорили. Она бежит за тобой, просто чтобы поболтать?

— А... Да нет, Хачикудзи, я и сам понятия не имею...

— Твои понятия нарисованы акварелью.

— Мои понятия участвуют в клубе рисования?

Бледновато, да.

Я решил сказать Хачикудзи честно:

— Она сталкерит за мной.

— Сталкерит? Это то, что девушки снизу надевают?

— Это stocking.

— Ох, вот как.

— Тебе не знакомо слово сталкерить? Ну, сталкер, в общем.

— О, так таких сталкеров девушки под поясом одевают.

— Skirt же? С чего ты решила, что я одержим нижней одеждой девушек?

С трудом могу придумать с каким ещё словом Хачикудзи могла бы перепутать тайтсы, но боюсь, для такого у меня словарный запас маловат, потому бросил эту затею и продолжил разговор.

— Не знаю зачем, но она уже третий день внаглую преследует меня и, как только заметит, тут же заводит разговор. Сама. И, как ты и сказала, это просто пустопорожняя болтовня... Мы говорим о всяком разном, но я так и не могу понять, чего же ей надо.

Но причина у неё всё-таки должна быть.

Вот только я никак не могу ухватиться за неё.

Вечно ускользает.

Третьеклассники и второклассники могут пересечься только на спортплощадке, потому видятся довольно редко... То есть, другими словами, Камбару намеренно разыскивает меня по переменам, но... это мне и так известно, точнее, только это и известно.

— Хм-м. Но Арараги-сан, почему бы не подумать проще? Быть может, она просто влюбилась?

— А?

— Точно, она даже что-то такое говорила.

— А, ну да. Но это немного не то. Это просто фигура речи такая... Я ж не герой галге³ какой, чтоб в один день стать сверхпопулярным у девушек.

— Вот как. Если б ты стал героем галге, мне пришлось бы стать одной из жертв, не очень-то охота.

— ...

Младшеклашка знает про галге?

Я сам-то не играл никогда.

— Но, если так, я по любому была бы сложнейшим персонажем.

— Да нет, довольно лёгким...

Достаточно преодолеть смущение, а дальше всё как по маслу... Если б в игре было шесть героинь, то она стояла бы четвёртой по счёту.

Хотя, если принять во внимание возраст, то она действительно станет сложноватым персонажем.

— Камбару, она... О, если правильно помню, ходил слух, что она довольно любвеобильная. Но ты понимаешь, что между нами общего — ноль? Я в отличие от них... от таких, как Камбару, знаменитостей, пустое место.

Хотя, если вспомнить, когда она впервые позвала меня, то уже знала по крайней мере моё имя и класс.

Откуда?

От кого она узнала?..

— Она видела, как ты подобрал брошенного котика?

— Я никого не подбирал.

Да и не видал я брошенных кошек.

Вообще, какая кошка станет сидеть без движения в коробке с надписью «заберите меня»?

Это ж сколько дрессировать надо.

— Тогда может, видела, как ты подобрал мусор?

— Ты сейчас кошку и мусор в один ряд поставила?

— Фигура речи такая. Не начинай. Наслаждаешься обвинениями в сторону хрупкой девочки, ты правда ужасен, Арараги-сан.

— Извинись перед кошками. Кошки бывают жуть какими страшными.

— Да я не о том, Арараги-сан, любовь с первого взгляда действительно существует. Отношения людей часто определяются первым впечатлением. А раз так, то разве это не объясняет, почему она всюду следует за тобой, Арараги-сан? — довольная собой с улыбкой заключила Хачикудзи.

Самая настоящая младшеклашка.

— Всё так и есть. Женщина внутри меня говорит, что это точно. Что будешь делать, Арараги-сан? Сейчас она ещё примеривается, но что если скоро признается, Арараги-сан? Что сделаешь? Что сделаешь? Что сделаешь?

— Эй. Меня не особо прельщает объяснять всё и вся любовью. Ох, такая сила любви старых зарубежных фильмов? Если б всё так решалось, мир был бы куда проще. Но так не бывает. Уверен, на самом деле есть совсем другая причина. К тому же, я... — говорил я. — Уже завладел самым сложным персонажем на свете.

Примечания

1. Персонаж японского исторического сериала «Мито Коомон». Его имя часто коверкали, например, «Тяккари Хачибээ», «Сиккари Хачибээ» и т.п.
2. Вымышленный частный детектив из Лос-Анджелеса, который является главным героем многих нуаровых рассказов и романов Раймонда Чандлера.
3. Жанр японских видео игр, в который всё сконцентрировано на взаимоотношениях с милыми девушками.

— Такое чувство, будто сейчас какую-то мерзость сказали, — вдруг пробормотала Сендзёгахара Хитаги.

Это оказалось настолько внезапно и неожиданно, что я от удивления перестал писать.

Но, похоже, пробормотала это она скорее себе, так как быстро сменила тему:

— Всё-таки трудно учить кого-то.

Хачикудзи дошла со мной до моего дома, мы болтали о всяком, включая и Камбару, а после разделились. Хачикудзи постоянно где-то бродит, так что я мигом смогу встретиться с ней где угодно. Дома я скинул рюкзак, переоделся, уложил учебники, тетради и прочие книги в сумку, пересел с велика с корзинкой, на котором езжу в школу, на горный и покатил к Сендзёгахаре. Я ожидал жутчайшего допроса от уже вернувшихся сестёр, но к счастью мне удалось проскользнуть незамеченным.

Как я и сказал Хачикудзи, до дома Сендзёгахары довольно далеко. Обычно я столько на велосипеде не езжу. Но если б я поехал на автобусе, то ещё больше пришлось бы топтать пешком, потому что велосипед показался мне лучшим вариантом... Я чувствовал сомнения: хоть я и еду к Сендзёгахаре уже второй раз, но от дома еду впервые, так что не сказал бы, что дорога ясна.

Тамикурасо, двухэтажный деревянный дом.

Квартира двести один.

Комната на шесть татами, небольшая раковина.

Двое старшеклассников стандартного телосложения сидят друг напротив друга за чайным столиком, а когда ещё и учебные принадлежности разложили, то комната заполнилась до отказа. Семья Сендзёгахары это, так сказать, семья без матери, Сендзёгахара, так сказать, единственный ребёнок в семье, а её отец, так сказать, работает без перерыва до самой ночи, потому, естественно, мы сейчас вдвоём.

Арараги Коёми и Сендзёгахара Хитаги.

Два здоровых подростка в тесной комнате.

Парень и девушка.

К тому же, официально пара.

Он её парень, она его девушка.

Однако...

— И почему я должен учиться...

— Э? Потому что ты тупой, нет?

— Зачем же так выставять!

Но да.

Хотя лучше, чтобы хоть что-нибудь случилось.

Всё-таки.

С того Дня матери, где я и Сендзёгахара сцепились с Хачикудзи Маёй, а после начали встречаться, с того четырнадцатого мая прошло уже где-то две недели, однако за всё это время не было и намёка на какую-то романтику.

...

А свидания-то у нас были?

Если так подумать...

Утром мы встречаемся в школе, разговариваем во время перемен... вместе обедаем... после школы вместе идём до перекрёстка... то же самое повторяется и на следующий день. Со стороны наверняка это всё выглядит, будто мы просто друзья, несвязанные любовными отношениями...

Не сказал бы, что так уж сильно хочу романтики, но пора бы уже хоть как-то вести себя как пара.

— У меня никогда в жизни не возникало проблем с учёбой, потому не могу понять, отчего у тебя такие трудности и что тебя ставит в тупик... Я не понимаю, чего ты не понимаешь, Арараги-кун.

— Вот как...

Я уже почти готов сдаться...

Даже не представляю, какой глубины пропасть между нашими способностями. Должно быть, настолько глубока, что и дна не разглядеть.

— Я даже думала, что ты притворяешься, что ничего не понимаешь, ради особого отношения.

— Какой отчаянный шаг... Но Сендзёгахара, ты же не с самого рождения была такой умной? Наверняка ты до крови из носу занималась, чтобы стать лучшей в классе?

— Думаешь, люди, которые прилагают усилия, осознают это?

— Нет, что ли?..

— О, но не пойми неправильно. Мне жаль таких, как ты, у которых все усилия оборачиваются провалом и которые даже не знают, как нужно стараться.

— Не надо меня жалеть!

— Я разочарована в тебе.

— Гх, у-у! Все эти жестокости ко мне стали уже правилом?! Мне теперь и пощады просто так не вымолить!

Что это вообще за игра такая?

— Нет такой травы как сорняк, но есть такие рыбы как слизняки...

— Нет таких рыб!

— Нет такой травы как сорняк, но есть люди, которых называют сорняками...

— Если есть те, кого называют, значит, есть и те, кто называет!

— Но если тебе сейчас удастся не завалить экзамены, то я продвинусь как человек, стоит мне только подумать об этом, как сердце переполняет воодушевление.

— Не стоит приписывать мои оценки к своему испытанию... К тому же, тебе стоит вырасти как человеку в кое-чём другом.

— Не шуми. Я задушила тебя.

— Прошедшее время?! Я уже мёртва?!

Наверное, было ошибкой просить её поднатаскать меня... Да, стоило всё-таки обратиться к Ханэкаве.

Но.

Как справедливо заметила Хачикудзи, если мы останемся наедине дома у Сендзёгахары, то наверняка что-то может случиться, и с таким прекрасным, немного смущающим расчётом я и сделал свой выбор...

Я мельком глянул на Сендзёгахару, оторвавшись от тетради.

Её невозмутимый вид несколько не поколебался.

Лицо словно окаменело.

Хоть мы и стали встречаться, она не стала проявлять каких-то особенных эмоций, предназначенные лишь мне... В этом смысле она совсем не цундере.

Отношение тоже несколько не изменилось.

Эх.

Наверняка, как обычно, это просто мои завышенные ожидания. У меня были какие-то туманные представления о том, что парень и девушка, начав встречаться, ведут какие-то особые разговоры, но к удивлению, даже в отношениях содержание разговоров не изменяется. Похоже, все эти милые щебетания влюблённых просто глупое заблуждение.

— ...

Уверен.

Если подумать о нынешней Сендзёгахаре, если вдаваться в детали, как Сендзёгахара Хитаги стала Сендзёгахарой Хитаги, то, конечно же, всё дело в её высоком чувстве нравственности, но кроме того, уверен, Сендзёгахару вполне устраивают наши нынешние отношения.

Она сказала, что не потерпит компромиссных отношений.

Раз сказала, значит, не потерпит.

Ну...

Но тем не менее...

Вообще, сомневаюсь, что Сендзёгахара сама ни о чём таком не думала... Прошлый мой визит в Тамикурасо выдался куда эротичней этого... Вряд ли она настолько не искушена здравостью, чтобы совсем не осознавать, что приглашает своего парня в дом без родителей... Ну, если приглядеться, то одежда Сендзёгахары, сидящей напротив меня за чайным столиком, недостатком благоразумия не блистает и подобрана с умом, но юбка всё-таки больно длинная. Она не надела чулок, однако ног практически не видно из-за длины юбки. Похоже, насторожённость у неё более чем осознанная.

Ух.

Или мне как мужчине следует быть понастойчивее? Но до этого я ни разу с девушкой не встречался, и понятия не имею как действовать.

— Что такое, Арараги-кун? Ты перестал писать.

— Да ничего... Просто думаю, уровень сложности высоковат.

— Здесь? У нас проблемы.

Сендзёгахара выглядела глубоко поражённой и даже не хотела понять мои чувства. Она смотрела на меня взглядом человека, привыкшего смотреть на других свысока.

А затем она раздосадовано пробормотала:

— Ну вот и всё.

— Э? Погоди, почему ты устало отложила карандаш в сторону и так апатично выглядишь, Сендзёгахара, неужто ты решила бросить меня?

— Не совсем.

Решительна.

— 6:4... Нет, скорее 7:3.

— Что семь, что три, больно реалистичное соотношение...

Лучше бы сказала 9:1.

И всё же, что на самом деле 7?

— Я в смятении. Если б я совсем не старалась, то моя гордость не пострадала бы.

— Пожалуйста, не бросай меня...

Похоже, остаётся только положиться на Ханэкаву.

Так или иначе, мне этого совсем не хочется.

Я попросту не могу просить эту старосту, которая свято верит, что любой способен научиться, если постарается...

— Ну, если ты так говоришь, то не брошу.

— Ты бы очень помогла.

— Да-да, любой может войти, но никто не вернётся.

— Жуть!

— Не волнуйся. Когда примемся за работу, ты умрёшь, но сделаешь.

— Лучше не доводить до смерти! Давай просто выложусь во всю силу! Сколько же ты собираешься заставить меня сделать?!

— Но Арараги-кун, ты, вроде бы, способен в математике?

— Э? Ну да.

Откуда она знает?

— Услышала от Ханэкавы-сан, — ответила Сендзёгахара прежде, чем я успел задать вопрос.

Да, никто, кроме Ханэкавы, так не осведомлён в моих оценках.

— Хм-м... Но Ханэкава не из тех, кто просто так разболтает чужие оценки.

— О, ты не так понял? Я тайком подслушала, когда вы с Ханэкавой-сан говорили друг с другом.

— И правда не так понял...

Подслушать это тебе не спросить у кого-то.

— Так что?

Сендзёгахару это совсем не волновало.

Вечно с ней проблемы.

— В математике особо много запоминать не надо, потому и справляюсь. А ещё там всякие формулы и уравнения, очень похоже на всякие секретные техники, не думаешь? Типа спейсум луча¹ или камехамена², такое вот. Вот бы и в других предметах были такие секретные техники.

— Если б такое существовало, всем зажилось бы удобней. Если забыть о изучении самого предмета и сконцентрироваться только на подготовке к тестам, то, хоть и не секретные техники, но существуют кое-какие приёмы...

Сендзёгахара снова взялась за карандаш, который до того отложила.

— Этот метод подготовки несколько нечестен и чем-то схож с азартной игрой, он может войти в привычку, и я бы не стала к нему прибегать, но, исходя из обстоятельств, нам сейчас лучше всего подойдёт как раз эта полумера. У нас связаны руки. Проще говоря, нам нужно, чтобы ты прошёл по минимальным баллам, Арараги-кун, так что за границу возьмём половину среднего балла...

Она легко начертила числа в тетради.

Ожидаемый средний балл и его половину.

Ну, в таком виде баллы кажутся весьма достижимыми, но, конечно, нужно пытаться на наилучшие баллы.

— На предметах, где требуется много запоминать, учителя поставят несколько «обязательных вопросов», нужно нацелиться на них. Вместо того, чтобы действовать по ситуации, ты научишься бить по чётким ориентирам. Таким образом, в результате ты не засядешь на вопросах, которые не можешь решить, пропуская при этом вопросы, которые решить мог бы. Я понятно объясняю, Арараги-кун?

— Ну, понятно.

Всё-таки умные думают об экзаменах совершенно в другом ключе... До сегодняшнего дня я даже и не думал о мыслях учителей, составляющих тесты. Ну, может, в средней школе, когда ещё хорошо учился, я о чём-то таком и задумывался... Но это дела уже давно минувших дней.

Средняя школа.

Нисколько не скучаю.

— Тогда начнём с чего-нибудь простого, мировой истории.

— Это мировая история простая?..

— Простая. Тебе просто нужно будет просто запомнить самые важные даты.

— ...

— Я не требую от тебя чрезмерного. Но Арараги-кун, допустим, сейчас ты сможешь с моей помощью подготовиться к экзаменам, но ты вообще думал о потом?

— О потом?

— О будущем.

Сендзёгахара указала на меня кончиком карандаша.

— О будущем... Как-то внезапно...

— Ты третьеклассник, и уже середина мая. Хочешь сказать, ты ни разу не задумывался? До этого ты говорил, что тебе достаточно просто закончить школу, но это значит, что по окончании школы ты пойдёшь работать? У тебя есть какие-то конкретные планы? Есть связи или знакомства, чтобы устроиться?

— Э-эм...

— А может, ты хочешь стать фритером³? Или же NEET⁴? Я не очень люблю эти слова, они слишком упрощают дело, но, конечно, твои желания и взгляды на первом месте, Арараги-кун. О, можно ведь сначала получить профессию в техникуме?

— Ты мама моя, что ли?..

Она колола по мелочам.

Так закидала вопросами, что я и ответить не в состоянии... Она должна понимать, что у меня и без того голова забита предстоящими экзаменами.

— Мама? Не носи чепухи. Я твоя девушка.

— ...

Прямолинейно.

Секретная техника.

Это больше секретная техника, чем просто язвительность.

По крайней мере, для меня.

— Будущее?.. Хорошо. Нужно всё решить побыстрее... Кстати, а ты что будешь делать, Сендзёгахара?

— Пойду в университет. Наверное, смогу получить рекомендательное письмо.

— О-о?..

— Возможно, «наверное» это слишком скромно.

— Для тебя.

— Во всяком случае, я пойду в университет.

— В университет?

Говорит, как само собой разумеющееся

Хотя, наверное, так оно и есть.

Не из-за недавних слов Сендзёгахары, но я никогда в жизни не понимал и не понимаю и сейчас, какие вообще рассудительные чувства у умных людей.

— Из-за оплаты на обучение у меня не так много выбора. Было бы унижительно назвать это везением, но нет ничего определённого, что я хотела бы выбрать, потому, думаю, почувствую, когда придёт время.

— Куда бы ты ни пошла, ты везде останешься собой.

— Да. Но, — сказала Сендзёгахара, — по возможности, я бы хотела пойти тем же путём, что и ты, Арааги-кун.

— Ну... Это немного...

Я, конечно, рад слышать такое, но не нужно и говорить, что это физически невозможно...

Сендзёгахара согласно закивала.

— Невежество — преступление, но не глупость. Глупость это не преступление, а наказание. Если бы ты был таким же добродетельным в прошлой жизни, как я, то не стал бы таким, бедненький Арааги-кун. Сейчас я ясно представляю себе чувство муравья, глядящего на

застывшего в заморозках кузнечика. Ты заставил меня почувствовать себя насекомым, браво, Арараги-кун.

— ...

Спокойствие...

Возражения только ухудшат дело...

— Всё станет лучше, после твоей смерти. Труп кузнечика станет ценной пищей для муравья.

— В следующий раз встретимся в суде!

Не стерпел.

С выдержкой у меня плохо.

— Но даже так, Сендзёгахара, если мы будем заниматься разным, это же не значит, что наши пути разойдутся?

— Не значит. Да. Но что, если мои чувства изменятся в университете, полным свиданий вслепую?

— А ты намерена полностью испытать студенческой жизни!

— А что тогда? После выпуска станем жить вместе? — без колебаний высказала она. — Тогда мы будем проводить больше времени вместе, несмотря на разные занятия.

— Ну... Звучит неплохо.

— Не плохо? Что это значит?

— Я хочу. Давай так и сделаем.

— То-то же, — сказала она и как ни в чём не бывало опустила взгляд в учебник.

Она приняла безразличный вид, и на первый взгляд это казалось обычной шуткой, но уж я-то понимал, что она не из тех, кто станет шутить в такой момент.

Всё-таки она Сендзёгахара Хитаги.

Наверняка продумала всё до мелочей.

Или не до мелочей, скорее всего, нужно понять, что Сендзёгахара действительно всерьёз думает обо мне. Обычно, школьные парочки так не продумывают свои отношения.

Но что такое встречаться?

Устное соглашение, никаких гарантий.

Эх.

До этого с девушками я не встречался, и мало того, что не знаю как действовать, так я не понимаю, как следует реагировать в подобных ситуациях.

Ни малейшего понятия.

Всё-таки надо было играть в галге.

Была бы какая-то опора.

Но в отличии от игры после захвата всё совершенно непонятно.

— Ты так часто вздыхаешь, Арараги-кун. Ты знаешь, что с каждым вздохом теряешь частичку счастья?

— Тогда я уже потерял тысячу частичек счастья...

— Мне не интересно, сколько ты частичек счастья потерял, я бы предпочла, чтобы ты так не вздыхал передо мной. Наводит тоску.

— Опять гадости говоришь.

— Любовную тоску.

— Даже не знаю, что и ответить...

Я почувствовал её едва заметную радость.

Снова ловушка.

— Кстати, знаешь что, Арараги-кун? — проговорила Сендзёгахара. — Я никогда не расставалась с парнями.

— ...

Нет, ну слышали, да?

Прозвучало, будто она жутко популярна у парней, но на самом деле она открыто заявила, что у неё опыта в отношениях — ноль.

— Поэтому, — она продолжала. — Я не собираюсь расставаться с тобой, Арараги-кун.

Всё такой же невозмутимый вид. И бровью не повела. Может показаться, что у неё и вовсе не существует эмоций. Но всё-таки, думаю, она не может ничего не чувствовать.

Два года.

Между средней и старшей школой, когда не была ни среднеклассницей, ни старшекласницей, когда ещё не начались весенние каникулы, Сендзёгахара Хитаги полностью закрылась от других людей. Вполне естественно, что она не помнит, как нужно общаться, и уже ничего не сделать с тем, что она негативна больше обычного и сдержана больше необходимого. Она словно ловкая и осторожная бродячая кошка... Хотя, если кто и кошка, то это Ханэкава.

Мы оба не знали, что нужно делать.

— Эй, Сендзёгахара.

— Что такое?

— Ты ещё носишь с собой степлер?

— Хм... В последнее время нет.

— Вот как.

— Как беспечно.

— Беспечно?

Если так, то это уже прогресс.

Несколько странно из-за таких изменений называть её цундере, но раз уж такой у неё характер...

М-м, точно.

До того, два года назад, Сендзёгахара...

— В средней школе ты же была асом клуба лёгкой атлетики?

— Угу.

— Не хочешь снова заняться?

— Нет. Незачем, — быстро, практически мгновенно, ответила Сендзёгахара. — Не хочу снова возвращаться к тому времени.

— Хм-м...

В средней школе Сендзёгахара была общительной и непритворной, ко всем относилась по-доброму, не чуралась прилагать усилия, ас легкоатлетического клуба — полная энергии и жизни. Это лишь слухи, но слухи весьма правдивые.

Это изменилось перед поступлением в старшую школу.

А через два года.

Изменения ушли.

Изменения ушли, но далеко не всё вернулось.

И сама она не собирается возвращаться.

— Не вижу ни необходимости, ни пользы, более того, думаю, уже поздновато возвращаться — ноша сильно возросла. Вдобавок, я уже в третьем классе. Но почему ты спрашиваешь, Арараги-кун?

— Да просто было интересно, какой ты была, когда занималась спортом... Ну, с таким перерывом, думаю, и правда не стоит.

Если при слове «кошка» вспоминается Ханэкава Цубаса, то при слове «спорт» у меня в голове всплывает Камбару Суруга, и с этим вопросом мне тут же вспомнилась эта кохай... Но я сразу же забыл о ней.

С виду-то с виду, но...

Действительно хорошо закрывать глаза на своё прошлое?

Всё-таки сейчас Сендзёгахара...

— Не волнуйся. Я не буду заниматься спортом, но продолжу следить за фигурой.

— Нет, я спрашивал не поэтому.

— Разве тебя не привлекло это гибкое и своенравное тело, к которому никогда не прикасался мужчина?

— Звучит, словно меня только тело и интересует!

Вообще, своенравное тело...

По-другому как-то нельзя было сказать?

— Так. Значит, тебя интересует не тело, — разыгрывала невинность Сендзёгахара. — Тогда, ты сможешь какое-то время потерпеть.

Она об этом?

Если так, то выбрала она больно окольный путь, довольно уклончивые слова, словно она не могла сказать всё прямо.

Чувство нравственности.

Думаю, всё-таки не только оно, но...

— Ах да. Надеюсь, ты, Арараги-кун, не из тех бесстыдников, которые, отведав еды шведского стола, по-простофильски высказываются, вроде «съел всё, за что платил» или «жаль, что не съел побольше», хоть и платят одинаково, сколько бы ни заказали.

— ...

Понятия не имею, что она подразумевала под этой аллегорией, но наверняка хотела меня приструнить, это уж точно...

Она сдержана в отношениях.

Осторожна в отношениях со мной.

Если так, то упорствовать не буду.

Всё-таки я не очень понимаю, что значит встречаться, но раз уж начал встречаться, значит, наверное, нужно посвятить себя этому.

— А, точно.

Я решил всё же спросить Сендзёгахару о Камбару Суруге. Ну, на самом деле меня не так уж сильно это беспокоило, да и я думал, что просто нет нужды говорить об этом, потому хотел просто промолчать, чтобы не волновать Сендзёгахару, но если недавние предположения Хачикудзи, основанные на ощущениях младшеклассницы, о поведении Камбару Суруги могут хоть в какой-то степени отражать истину, то промолчать своей (вроде как) девушке было бы несколько нечестно.

Недавно мне она вспомнилась.

К тому же, кое-что меня ещё беспокоило.

— Эй, Сендзёгахара

— Что такое?

— Ты знаешь Камбару Суругу?

— ...

Она ответила молчанием.

Хотя, скорее ничего не ответила.

Если уж говорить о нечестности, то сам мой вопрос довольно нечестен — нельзя учиться в нашей школе и не знать звезду Камбару Суругу. Не знаю как сейчас, но думаю, слух о том, что Камбару преследует меня, разлетится не раньше следующей недели. Ну, особых проблем мне бы это не доставило, всегда можно всё это назвать выдумками, однако поэтому мой вопрос нёс иной смысл. Я не пустился в объяснения и выдержал возникшую тишину.

— Оу, — проговорила Сендзёгахара. — Камбару Суруга? Знакомы.

— Вот как...

Всё-таки старые знакомые.

Так и думал.

Поэтому-то, когда я заговорил о группах по подготовке, Камбару сперва подумала не о лучшей в параллели Ханэкаве, а о Сендзёгахаре — здесь не только оно, кое-что в словах Камбару заставляло почувствовать некий нюанс. Я не принимал возможности, высказанной Хачикудзи, так как чувствовал, что за очевидным скрывается что-то другое, неявное. Чувствовал, что Камбару нацелена не на меня, а на кого-то рядом со мной...

— Ты поэтому вспомнил о моей средней школе, Арараги-кун? Да, тогда она была моим кохаем.

— Да и сейчас тоже. Вы же в одной школе учитесь. А, или в средней школе Камбару была в клубе лёгкой атлетики?

— Нет, тогда она была в баскетбольном... Камбару? Как вольно ты её называешь.

В одно мгновение лицо Сендзёгахары приняло опасное выражение. В её глазах, обычно ничего не выражающих, вдруг загорелся пугающий огонёк. Не успел я и рта открыть, чтобы объяснить, как кончик карандаша, зажатого в её правой руке, с немыслимой скоростью устремился к моему левому глазу. Я тут же рефлекторно попытался уклониться, но Сендзёгахара одновременно с движением правой руки закинула колено на чайный столик, разбросав тетради в стороны, и схватила меня за затылок левой рукой, лишая возможности двигаться.

Кончик карандаша остановился не просто у глаза, он замер настолько близко, что мне даже не моргнуть. Выполнено настолько искусно, что казалось, будто Сендзёгахара держит меня левой рукой не для того, чтобы не промахнуться правой, а чтобы я не делал лишних движений.

С-Сендзёгахара Хитаги.

Ты и без степлера не изменилась!

— Так что с ней, Арараги-кун?

— !..

Эй-эй!..

Ты чего такая ревнивая?..

Такой порыв больше на какую-то шутку похож... Вообще, это сейчас не будет считаться за вольность. Я же просто без вежливости назвал своего кохая? Если только одно моё

знакомство с другой девушкой вызывает такую реакцию... То, что же со мной будет, если я и правда изменю ей?

Хоть всё и обернулась так пугающе, но хорошо, что я сказал об этом сразу, потому что внутренне я был спокоен. Нет, правда хорошо, что я узрел эту сторону Сендзёгахары, когда у меня есть достаточные объяснения!..

— Арараги-кун, у тебя же раны очень быстро заживают. Тогда ничего, если я заберу один глаз?

— Погоди-погоди! Глаз это плохо! Я не виноват, между нами ничего нет, мне нужна только ты!

— Вот как. Я удовлетворена.

Сендзёгахара разом убрала карандаш. Она покрутила его пару раз в руке и положила на стол, затем собрала разбросанные тетради и учебники. Я глядел на неё и пытался унять колотящееся сердце.

— Я могла немного переборщить. Должно быть, я напугала тебя, Арараги-кун.

— Ты скоро реально убьёшь кого-нибудь...

— И это будешь ты, Арараги-кун. Станешь мой первым. Я даже не взгляну ни на кого другого. Обещаю.

— Не говори мило о таких жутких вещах! Я люблю тебя, но умирать не собираюсь!

— Любить настолько, что хочется убить, быть убитым от рук возлюбленной. Высшая смерть.

— Не надо мне такой извращённой любви!

— Да? Жаль. Какая досада. Уж кто-кто, а ты...

— Должен быть убит?

— М-м? Э, ну, вроде того.

— Как-то размыто!

— Вроде того, да, но это не так уж.

— Яснее не стало!

— Пойми. Если я убью тебя, то буду самой тебе близкой на твоём смертном одре. Разве это не романтично?

— Нет, пусть меня убьёт кто-нибудь другой, но не ты, чувствую, что лучше мне пасть от руки другого, чем от твоей.

— Я не приму этого. Если тебя убьёт кто-нибудь другой, я убью его. Обещаю, я защищу тебя.

— ...

Её любовь уже более чем извращена.

Хотя, я теперь прочувствовал, насколько она любит меня...

— Но мы говорили о Камбару.

Мы завершили опасный разговор, и Сендзёгахара как ни в чём не бывало вернулась к прежнему разговору.

— Ну, мы учились на разных годах, но обе были асами своих клубов, и поэтому часто пересекались... К тому же...

— К тому же?

— Ну, это не то, что стоит сейчас упоминать, но даже за пределами клубов я часто досаждала этой девочке, или скорее даже заставляла помогать мне... Но, Арараги-кун, — привлекла моё внимание Сендзёгахара. — Сначала я хотела бы узнать, почему ты назвал имя этой девочки. Если ты не виноват, то дай подробное объяснение.

— Д-да.

— Естественно, мне нужно подробное объяснение, даже если ты виноват.

— ...

Я, словно Сендзёгахара действительно убьёт меня, утаи я хоть что-то, выложил, что Камбару Суруга уже три дня преследуется меня. Бодрый ритмичный топот за спиной, бессмысленные разговоры, и всё повторяется без какого-либо намёка на причину, и это Камбару Суруга. Какая-то причина у неё есть, но какая — непонятно.

За объяснением мне кое-что пришло в голову.

Камбару прибегала ровно, когда Сендзёгахары рядом со мной нет. За исключением сегодняшнего случая, когда я был с Хачикудзи, она всегда подбирает время, когда я один. Другими словами, Сендзёгахара не случайно до сегодняшнего дня не знала о преследованиях Камбару.

И ещё одно.

Сендзёгахара тут говорила о вольности, но сама называла её куда развязнее. Камбару, конечно, была её кохаем в средней школе, но даже так что-то здесь есть... Хотя, может, это просто фигура речи такая.

Ни голосом, ни выражением лица Сендзёгахара не показала каких-либо эмоций. Она говорила практически невыразительным тоном. Только подумаю, насколько сильную волю для этого нужно иметь, в дрожь бросает.

Но «эта девочка»?

— Ясно.

Послушав моё краткое объяснение, Сендзёгахара вскоре кивнула. На лице ноль эмоций, всё такой же ровный тон.

— Эй, Арараги-кун.

— Чего?

— Сверху вода, снизу огонь, что это?

— ?..

С чего бы эта внезапная загадка?

Раздумывая над тем, с каких пор Сендзёгахара ударилась в загадки, я дал ей ответ. К счастью, загадка знакомая.

— Это водонагреватель, да?

— Неверно. Ответ... — Сендзёгахара говорила всё таким же ровным голосом, — дом Камбару Суруги.

— Ты что собираешься сделать с домом школьной звезды?!

Она реально жуткая!

Снова огонь в глазах!

— Да я шучу.

— Знаю я твои шуточки... Спокойно можешь так и сделать.

— Так, значит. Но раз уж ты так говоришь, Арараги-кун, я буду лишь шутить.

— Нет, надо так всегда...

— Камбару узнала мой секрет за год до тебя, — она проговорила это как ни в чём не бывало, обычным тоном, но в то же время это звучало несколько мрачно. — Когда я только перешла во второй класс, то есть, когда Камбару поступила в Наоэцу. Учитывая расположение школы, я ожидала, что кто-то из поступивших узнает меня, и предприняла кое-какие свои меры, но относительно Камбару я допустила некоторую небрежность.

— Хм-м.

Сендзёгахара Хитаги.

Её секрет...

Она подскользнулась на лестнице, я поймал её и узнал этот секрет; так сказать, обычная случайность. Но это говорит и о том, что этот опасный секрет может быть раскрыт такой случайностью. Как сказала сама Сендзёгахара, я не первый, кто узнал, так что, похоже, Камбару...

Судя по её характеру...

— Она... Камбару, наверное, пыталась помочь тебе, да?

— Да, конечно. Но я отказалась, — спокойно проговорила Сендзёгахара.

Словно это обычная грамматика, словно так и нужно говорить.

— Я приняла похожие меры, что и с тобой, Арараги-кун. Но ты остался со мной. Камбару больше не возвращалась. Ну, значит, такие у нас отношения.

— Не возвращалась...

Год назад, значит.

Похоже, отказ был исчерпывающий. Камбару хорошо знала о её прошлом, когда Сендзёгахара была асом легкоатлетического клуба, так что боюсь, как бы силён не был отказ мне, ему не сравниться с отказом Камбару. Иначе, не думаю, что такая, как Камбару, так просто отступилась бы. Точно, восьмого мая на лестнице, когда я узнал секрет Сендзёгахары, «Сейчас в школе об *этом* и про *это*, кроме тебя, знает только медсестра Харуками-сэнсэй», — сказала она.

Сейчас.

То есть, Камбару Суруга в прошлом узнала секрет Сендзёгахары и стала несчастной жертвой, которую заставили всё забыть... Хотя, наверное, стоит говорить одной из жертв. Но могла ли такая, как Камбару, на самом деле забыть Сендзёгахару?

— Вы же дружили?

— В средней школе. Сейчас нет. Мы совершенно чужие люди.

— Но то, что было год назад... Сейчас уже всё по-другому, твой секрет разрешился...

— Я ведь говорила, Арараги-кун, — перебила меня Сендзёгахара. — Я не хочу возвращаться.

— ...

— Я выбрала такую жизнь.

— Вот как...

Ну.

Если такая жизнь это её выбор, то не думаю, что мне стоит вмешиваться, пусть будет так. К тому же, Сендзёгахара не настолько эгоистична, чтобы после разрешения своей проблемы пойти мириться с человеком, которому сама же грубо отказала до этого.

— Ладно... Я понял, как Камбару связана с тобой, но это не объясняет, почему она преследует меня.

— Вероятно, она узнала, что мы с тобой встречаемся. Мы начали встречаться две недели назад, а преследовать она тебя начала три дня назад, время идеально подходит.

— Что? То есть, она беспокоится, какого человека представляет из себя твой парень... и изучает меня?

— Как-то так. Как же хлопотно, Арараги-кун. Да, у меня нет определённого объяснения, которое я могла бы тебе дать. Это моя вина, что я не похоронила эти отношения до конца.

— Похоронила...

То ещё словечко.

Даже жутковатое.

— Не волнуйся. Я приму ответственность и...

— Лучше не надо! Даже не представляю, что ты сделаешь! Не надо, я сам решу свои проблемы!

— Не стесняйся. Ты слишком мягок.

— А ты больно жёсткая...

М-м.

Но кое-что всё-таки не увязывается.

— Ты отказала Камбару год назад, так? И с тех она больше не приходила? Тогда почему сейчас её волнует твой парень?

— В обычном случае не было бы ничего удивительного в том, что её заинтересовало, что её сэмпай нашла пару, но этот случай отличается, не так ли, Арараги-кун? Ты сделал то, что не смогла Камбару, так что я не вижу ничего поразительного. Камбару видит, что ты можешь то, чего не смогла она.

— О... Вот оно что.

Когда она узнала секрет Сендзёгахары Хитаги... та её отвергла. Отвергла жестоко, беспощадно. И любой здравомыслящий человек предположил бы, что я как её парень не могу не знать об этом секрете, и то, что я нахожусь рядом с Сендзёгахарой, *даже зная её секрет*, конечно же, сильно заинтересовало Камбару.

Хотя.

Вряд ли Камбару понимает, что этот секрет уже разрешился. Если б знала, она наверняка обратилась бы прямо к Сендзёгахаре, а не ко мне.

— Мне не стоит говорить это самой, но для Камбару я была идеалом, — проговорила Сендзёгахара, отведя взгляд в сторону. — Я осознавала своё положение и играла ту, которую желала. Это дело прошлого. Думаю, это уже дело прошлого. Поэтому, когда отказывала ей, постаралась предупредить подобные проблемы в будущем. Всё-таки эта девочка не забыла меня.

— Не говори, будто она помеха какая-то. Она это же не со зла. Вообще, когда тебя забывают, это очень о...

— Она помеха, — отрезала Сендзёгахара.

Ни капли колебаний.

— Неважно, со зла она это делает или нет.

— Не стоит так говорить... если для Камбару ты была идеалом, к тому же, если она до сих пор беспокоится о тебе... Ну, может, будет странно помириться, но разве нельзя попробовать?

— Нет. Это произошло год назад, дружили мы в средней школе, к тому же, примирение выйдет странным. Я ведь говорила, что не хочу возвращаться. Или ты предлагаешь мне пойти сейчас к ней и сказать «прости за ожидание»? Ничего глупее не придумаешь.

Сендзёгахара, показывая, что тема закрыта, заговорила о другом, будто это только что пришло ей в голову. В таких делах она мастер.

— Точно, Арараги-кун, ты ведь скоро встретишься с Ошино-саном?

— С Ошино? М-м, ну, типа того...

Не совсем с Ошино — мне нужно сходить в те развалины, чтобы дать Шинобу выпить крови. Сегодня пятница, так что завтра-послезавтра думал выкроить время...

— Ясно. Тогда...

Сендзёгахара бесшумно поднялась, взяла бумажный конверт с комода и вернулась. После чего протянула конверт мне. На конверте стояла почтовая марка.

— Передашь это ему.

— Это чт... А-а.

Я понял прежде, чем спросил.

Ошино Мэмэ...

Плата за работу, которую выполнил этот парень в гавайской рубашке.

Плата или проще — цена за избавление от несчастья Сендзёгахары, её секрета.

Сто тысяч йен.

Я проверил содержимое, внутри ровно десять десяти тысячных купюр. Десять новеньких хрустящих бумажек, похоже, только из банка.

— О... Ты достала их быстрее, чем я думал. Ты же говорила, что устройство займёт какое-то время. Разве ты работала?

— Работала, — как ни в чём не бывало сказала Сендзёгахара. — Я немного помогала на работе отца. Ну, точнее заставила его позволить помогать, но деньги я заработала.

— Хм-м.

Отец Сендзёгахары работает в иностранной компании, но разумный ли это выбор? Всё-таки характер Сендзёгахары не подходит для обычных подработок, да и наша школа их запрещает.

— Пусть несколько нечестно полагаться на помощь своего отца, и мне это совсем не нравится, но я хочу выплатить эти деньги как можно быстрее. Я ведь выросла в семье с кучей долгов. Там немного останется, так что можешь купить что-нибудь в столовой, Арараги-кун. В нашей столовой качественная еда по разумным ценам, там что выбирай, что душе угодно.

— Спасибо...

Столовая?

Обед в школе?

Похоже, она и не собирается идти со мной на свидание...

— Тогда почему бы тебе не передать это Ошино самой?

— Нет. Не хочу его видеть.

— Ясно...

Говорить такое в открытую про своего спасителя...

Думаю, Сендзёгахара никогда не испытывала особой благодарности Ошино, не настолько она терпима.

Впрочем, это и не значит, что я люблю Ошино.

— Предпочла бы больше никогда с ним не встречаться, не хочу иметь с ним дела. С человеком, который видит других насквозь.

— Ну, всё-таки вы не слишком подходите друг к другу. Его дурашливая развязная манера не особо сочетается с твоим характером.

С этими словами я положил конверт рядом с дзабутоном. И хлопнул по нему, после чего кивнул Сендзёгахаре.

— Ладно. Я всё понял. Передам, конечно. В следующий раз, когда с ним встречусь, отдам прямо в руки.

— Премного благодарна.

— Ага.

А затем мне подумалось.

Сходство.

Манеры.

Характер.

Пробивная, непередаваемо сложная личность этого кохая, Камбару Суруги, — разве это не полная противоположность личности Сендзёгахары? Сходство, манеры, характер, да что угодно...

В средней школе Сендзёгахары была асом клуба лёгкой атлетики.

И не только, была объектом обожания. Конечно же, не только Камбару глядела на неё с почтением. В таком положении, они играла такую роль — роль, наверное, полностью противоположную нынешней, с издёвками и оскорблениями.

Оскорбления и восхваления.

Издёвка и поддержка.

Полная противоположность.

Вверх дном.

Вот что значит.

— Ладно, Арараги-кун, — сказала Сендзёгахара и посмотрела на меня глазами, не выражающими и тени эмоций. — Продолжим занятия. Слышал известные слова Томаса Эдисона? «Гений это один процент таланта и девяносто девять процентов труда». Сказано прекрасно. Эдисон определённо понимал важность этого одного процента. Ведь разница между геномом человека и обезьяны примерно такая же.

Примечания

1. Способность Ультрамэна, выстрел энергии из скрещенных рук.
2. Коронная техника Гоку (и не только) из Dragon Ball в виде луча энергии из сложенных ладоней.
3. Фритер - японский термин, обозначающий молодых людей, живущих на доход от непостоянного заработка, либо безработных.
4. Not in Education, Employment, or Training; Молодые люди 16—34 лет, которые в силу различных факторов экономического, социального и политического характера, не работают и не учатся.

Сендзёгахара — два года, я две недели.

Ханэкава всю Золотую неделю.

Хачикудзи, точно и не узнаешь.

Период встречи со странностью. Время *необычного опыта*. Период и время ужасного опыта, которого никак не назвать обычным.

Например, Арараги Коёми.

Мой случай.

В наши дни, в обществе двадцать первого века, я стал, стыдно так, что сквозь землю провалиться хочется, жертвой древнего вампирского обряда — меня охватил страх и ужас, от которого кровь стынет в жилах, а затем легендарный сакраментальный вампир выжал из меня всю эту кровь до дна.

Выжал, иссушил.

И я стал вампиром.

Пугался солнечного света, страшился крестов, избегал чеснока и не переносил святой воды, такова цена за силу в разы, в десятки, в сотни, в тысячи выше человеческой, но в цену ещё и входит непрекращающееся чувство жажды человеческой крови — становишься тем самым ночным бродягой из манги, аниме и фильмов. О да, реальные вампиры самые настоящие читеры. Нынешний вампир спокойно расхаживает в полдень по улицам, носит на шее крестик, ест пельмени с чесночным соусом и запивает их святой водой и при всём этом сохраняет свои сверхчеловеческие способности — вот вам и общепринятое мнение.

Но тем не менее.

Всё-таки то, что вампир обязан пить человеческую кровь, остаётся неизменным.

Демон, сосущий кровь, — вампир¹.

В конце концов меня спас из этого ада проходящий мимо мужик, не охотник на вампиров, не член христианской инквизиции, не вампир, который охотится на своих собратьев-вампиров, обычный мимо проходящий мужик, Ошино Мэмэ, парень в развязной гавайской рубашке — однако те две недели от этого никуда не исчезли.

Демон.

Кошка.

Краб.

Улитка.

Но не стоит забывать, что между этими тремя и мной есть принципиальная разница. В частности, между случаями Сендзёгахары Хитаги и Арараги Коёми есть значительное отличие.

И это не разница в продолжительности.

Несмотря на многие потери.

«Не хочу возвращаться», — сказала она.

Но это не было необходимым или нужным, но даже если Сендзёгахара захочет, сможет ли она вернуться к тем временам?

Потому что Сендзёгахара... два года, полностью отрицала общение с другими людьми, ни с кем не пересекалась в классе, два года Сендзёгахара Хитаги была такой, и теперь, по прошествии двух лет, ничего не изменилось.

Ничего не изменилось за малым исключением — меня.

Арараги Коёми стал особым случаем, особенным для Сендзёгахары, кроме этого, по правде говоря, Сендзёгахара нисколько не изменилась.

Что до, что после, никакой разницы.

Только теперь в медкабинет не ходит.

И физкультуру не пропускает.

Спокойно читает в углу класса. Даже в центре класса, среди одноклассников, это чтение воздвигает вокруг неё прочную стену...

Если честно, только со мной говорит.

И обедает со мной.

Но тем не менее она, болезненная и спокойная отличница, сидит в центре класса. Одноклассникам не заметить такого незначительного изменения в сторону выздоровления.

Ханэкава, староста, была искренне рада и считала это огромным скачком, но я не чувствовал в этой сцене чего такого позитивно-радостного.

Не потерянное.

А скорее, отброшенное.

Хотя итог тот же самый.

Но не стану говорить, будто понимаю всё, с чем бы не встретился, я бы вряд ли понял суть, да и не думаю, что мне стоит вмешиваться.

Не думаю, что совать нос и лезть, — правильно.

Но не могу не думать.

О Сендзёгахаре.

Теперь она уже не носит степлер с собой... Это прогресс, это изменение, разве это не хорошо, разве это не даст подвижку *большему продвижению*?

Не только ко мне.

Если она и с другими...

— Алло?

— Да, простите за ожидание, Ханэкава у аппарата.

— ...

Ну, на телефонный звонок так нормально отвечать, но не странно ли так отвечать на звонок по мобильному?

Ханэкава Цубаса.

Классная староста и лучшая ученица школы.

Девушка, рождённая стать старостой.

Староста старост, избранная богами, сначала я придумал это в шутку, но за два месяца работы помощником старосты, я со всей отчётливостью осознал настолько это оказалось точное выражение, без грамма смеха. Знания, конечно, крайне важны для человека, но я предпочёл бы этого не узнавать.

— Что случилось? Нечасто ты мне звонишь, Арараги-кун.

— Да ничего... Ну, то есть, хотел кое-чего спросить у тебя.

— Хотел спросить? Это хорошо. О! О программе культурного фестиваля? Но до конца экзаменов лучше не забивать голову фестивалем... Это не слишком для тебя, Арараги-кун? Конечно, все обязанности я возьму на себя. Или ты хочешь изменить программу? Думаю, будет трудно, заявку мы ведь уже подали. О, неужели этих изменений не избежать? Тогда надо действовать быстро.

— Дай хоть слово сказать...

Она реально из тех, кто сведёт весь разговор к своему.

Со всей мощью своего недопонимания она тараторила, словно заклинание читала.

И слова не сказать.

Восемь вечера.

Я возвращаюсь из дома Сендзёгахары в Тамикурасо, шагаю по асфальту, толкая велосипед за руль. Я катил велосипед, а не крутил педали не потому, что рядом Хачикудзи, и не потому, что ко мне бежит Камбару, просто мне захотелось немного поразмышлять.

В итоге мы так и прозанимались до восьми вечера.

Когда настало время ужина, я вдруг понадеялся, что Сендзёгахара, может, что-нибудь приготовит, но она и виду не показала в этом направлении. Когда я не вытерпел и намекнул, что голоден, она сказала: «Ясно. Тогда на сегодня закончим. Не забывай, что на улице проблемы с фонарями, так что будь осторожен по дороге. See you later, alligator²». И выпроводила меня. Её отец часто работает до поздней ночи, и Сендзёгахара Хитаги практически живёт одна, так что наверняка она умеет готовить...

Её хардкорность всё выше и выше.

Ну, сейчас я не так уж и голоден, так что едва ли не больше половины моих жалоб на голод были враньём.

Ладно.

Даже Сендзёгахара оставила попытки подтянуть меня, хотя бы, на средний балл, так что, сколько бы я ни размышлял, ничего продуктивного из моих размышлений не выйдет. Это почти самодовольство. Однако в этом мире есть то, что лучше закончить на самодовольстве, и то, что можно не заканчивать, этот случай из последних.

Так вот.

Правой рукой я придерживаю велосипед и, не прекращая шагов, набираю номер Ханэкавы. Уже девятый час... нормально ли звонить не так уж близкой девушке в такое время? Ну, чёрт его знает, но судя по реакции Ханэкавы всё в рамках приличия. Ханэкава сама серьёзность и поборница морали, так что она обязательно сказала бы мне, если я делаю что-то неподобающее.

— Э-эм. Наверное, это будет долгий разговор, ты сейчас не занята, Ханэкава?

— М? Занята? Занимаюсь слегка только.

— ...

Ответила без колебаний и иронии, поистине староста старост, избранная богами.

И что это за занятия «слегка»?..

— Ну, тогда постараюсь побыстрее... Ханэкава, ты же в одной школе с Сендзёгахарой до этого училась? Как её там... в средней школе Киёкадзэ?

— Ну да.

— Не припоминаешь одного кохая, на год младше, Камбару Суругу?

— Конечно, кто её не знает? То есть, я бы очень удивилась, если б кто-то не знал Камбару-сан. Даже ты ведь знаешь, Арараги-кун? Звезда школы, капитан баскетбольного клуба. Я даже ходила на пару её игр, чтобы поболеть за неё.

— Нет, это сейчас так, я спрашивал о том, когда Камбару была в средней школе.

— М-м? Вот как? Зачем?

— Да так.

— Хм-м... Но в принципе так же. Была асом баскетбольного клуба, имела большой успех. Со второй половины второго класса она, как и сейчас, стала капитаном. А что такого?

— Э-эм...

Не расскажу.

Не могу сказать.

Не поверит.

Не поверит, что эта более чем звезда таскается всюду за таким, как я.

Даже не так, проблема в том, сколько правды следует ей рассказать, однако мой собеседник — Ханэкава, так что некоторую часть правды стоит рассказать. Конечно же, нужно всё извернуть, пойти окольным путём.

— Слышал в средней школе Камбару и Сендзёгахара дружили, это правда?

— М-м? Думаю, я уже говорила, что мы просто учились в одной школе, и я никогда не пересекалась с Сендзёгахарой-сан? Сендзёгахара-сан была знаменитостью, я же обычная ученица и знаю немного...

— Тронут твоей обычной скромностью, но нельзя ли на хоть этот раз обойтись без этого...

— Вальхалакомбо.

— А?

— Сейчас вспомнилось. Вальхалакомбо, так их звали. Сендзёгахара-сан из легкоатлетического клуба и Камбару-сан из клуба баскетбола, Вальхалакомбо.

— Вальхалакомбо?.. Что значит Вальхалла? Где-то точно слышал. Но почему их так прозвали?..

— «Бару» из Камбару и «хара» из Сендзёгахара объединили в «Барухара», то есть, в Вальхалла, если катаканой. А Вальхалла из скандинавской мифологии это небесный дворец верховного божества Одина, куда попадают души павших в бою героев, и там кипит божественная битва...

— А, «бог» из Камбару и «поле битвы» из Сендзёгахара?

— Это и есть Вальхалакомбо.

— Ух...

Подходит даже слишком.

Хоть это не более, чем прозвище, но сказано крайне ловко... если говорить о сложности, то звучание даже слишком красиво, услышишь со стороны, только восхитишься, может, конечно, выйти и противоположная реакция, но думаю, тут всё зависит от человека.

— Ну, раз их прозвали комбо, то вряд ли они враждовали, так ведь? Сендзёгахара-сан не покидала клуб до самого выпуска, так что они как минимум пересекались, как члены спортивных команд.

— Ты правда знаешь всё.

— Я не знаю всего. Только то, что знаю.

Такие привычные слова.

Всё равно... чувствую, что нащупал что-то на дне её рассказа.

Только что мне с этим дном делать?

И что делать с поверхностью?

— Но если вспомнить твои слова, то Сендзёгахара тогда.... сейчас она чувствуется совсем по-другому.

— Да. Ну, в последнее время Сендзёгахара-сан будто бы немного изменилась, но по-другому, не как раньше.

— Вот как...

Изменилась.

Только со мной.

Поэтому и не как раньше.

— И всё-таки эта кохай была популярной?

— Да. Была популярной и у парней, и у девушек. И, наверное, не только среди кохаев? Сэмпаи её тоже любили, и, конечно, к ней хорошо относились одноклассники...

— В общем, популярна среди всех без исключения, так?

— Среди сэмпаев и кохаев точно, но не думаю, что прямо-таки среди всех. Но если так говорить, то она была крайне популярна среди девочек из младших классов. Ты это хотел узнать, Арараги-кун?

— Твои догадки как всегда в точку...

Вот только они даже слишком в точку.

Не как Ошино, но такое чувство, будто тебя видят насквозь.

— Но Арараги-кун, прошлое Сендзёгахары-сан никак с тобой не связано, ты любишь нынешнюю Сендзёгахару-сан, так ведь?

— ...

Ты прям сговорила с одной пятиклашкой начальной школы.

Кстати, мы никому ничего не объявляли, но все как-то сами прознали, что мы с Сендзёгахарой встречаемся. В классе Сендзёгахара позиционировала себя как тихую отличницу и позицию эту сохраняла по сей день, так что, конечно, ни её, ни меня одноклассники даже и не думали бездумно дразнить или нагло издеваться, однако не успели мы ещё и начать, как все само собой открылось, и установилось молчаливое понимание.

Слухи творят жуткие вещи.

Чтобы эти слухи преодолели стену между третьеклассниками и второклассниками и достигли ушей Камбару должно потребоваться какое-то время, но... Ну, Сендзёгахара всё-таки знаменитость, да и если подумать, то Камбару волнуется о Сендзёгахаре, тем не менее всё обернулось немного медленнее, думаю, проблема в расстоянии между классами разных годов.

— Я тебе уже много раз говорила, но, пожалуйста, держись добропорядочных и чистых людей, Арараги-кун. Не беспутствуй, чтобы о тебе не пошли дурные слухи. Сендзёгахара-сан порядочная девушка, боюсь, это может опалить её.

— Э-э... порядочная, говоришь.

Если так говорить, то даже Ханэкава до сих пор не знает истинной природы Сендзёгахары... душит даже гения, старосту Ханэкаву, узнавшую о том, что мы встречаемся ещё до того, как мы начали встречаться, чего уж говорить о других одноклассниках, ну и жук же она. В этом плане Сендзёгахара только мне показывает своё лицо, которое не являет никому другому... но

что-то я не особо-то счастлив. Когда я говорил об особом случае и об особенном, я совсем не это подразумевал.

Но таковы ли наши нынешние отношения, какими кажутся? Она даже и не готовила мне, так что вряд ли смогу как-то опалить её.

...

Ох.

Получила отказ, значит, Камбару ещё в средней школе чётко осознала натуру Сендзёгахары. И тем не менее сейчас Камбару приходит ко мне, значит...

— С Сендзёгахарой-сан трудно, да? — вдруг проговорила Ханэкава.

Мне вспомнилось, что Ханэкава уже говорила что-то похожее. Естественно, раз это сказала Ханэкава, это совсем не про трудность захвата Сендзёгахары Хитаги.

— Не хочу говорить, будто знаю всё на свете, но Сендзёгахара-сан возвела вокруг себя неприступную крепость.

— ...

— И ты такой же, Арараги-кун. У всех есть такая личная крепость, только с разной прочностью. Но у вас с Сендзёгахарой-сан стены укреплены так, словно вы переживаете осаду. Часто приходит на ум, что таким людям вообще неприятно общение с другими. Ничего не скажешь об этом?

— Обо мне? Или о Сендзёгахаре?

— О вас обоих.

— Ну, возможно.

Это верно.

Однако, если это верно...

— Но Арараги-кун, не любить общение и не любить людей это разные вещи.

— Чего? Разве они не связаны?

— «В дом мой родной / людей тьма нахлынула / тяжело быть здесь», — проговорила Ханэкава тихим ровным голосом. — «Но знаю всем сердцем я / тебе всегда рады, друг»³... сколько бы ты не был плох в японском, надеюсь, ты понял смысл сказанного? Понял, что я хотела сказать?

— Понял...

Я не мог промолчать.

Хоть и обижался на это отношение, словно к ребёнку.

Тем не менее ничего другого не пришло в голову, кроме как поблагодарить.

— Сенк ю. Прости, что отнял время из-за всяких глупостей.

— Это не глупости. Хотеть узнать побольше о своей возлюбленной это нормально, — сказала Ханэкава.

Спокойно проговорила такие смущающие слова.

Без сомнений староста старост.

— Но не думаешь, что не очень хорошо рыться в прошлом своей девушки? Не стоит разыгрывать это из-за простого любопытства или ради забавы, Арараги-кун, нужно знать меру.

И наконец после ещё одного строгого наказа Ханэкава попрощалась и замолчала.

Меня удивило, что она не повесила трубку после прощания, но я же сам рассказал Ханэкаве на весенних каникулах, что по правилам этикета класть трубку должен позвонивший.

Вежливая до жути...

За этими размышлениями я сказал: «Давай, увидимся завтра в школе» и — нажал кнопку сброса. Затем закрыл телефон и положил в задний карман штанов.

Ну и как с этим разбираться?

С одной стороны, я не могу не понять слов и отношения Сендзёгахары, как человек с такой же позицией, как человек, переживший похожее, но почему же я так сочувствую Камбару?

Думаю, если возможно.

И даже если «если».

Наверное, это не моё дело, я суюсь в чужие проблемы, и это медвежья услуга... тогда Сендзёгахара посвятила меня в свою девиантную философию — доброту рассматривает как попытку нападения, однако я бы не назвал это добротой.

Вообще, где-то в половину я это делаю из собственного расчёта. Я не могу ни высказать, ни даже раздумать такое хвастливое предположение.

Но не думать я не могу.

Хочу вернуть Сендзёгахаре потерянное.

Хочу подобрать отброшенное.

Потому что.

Для меня это уже невозможно...

— Ничего не поделать, придётся поговорить с Ошино... Этот шутливый идиот никогда не занимается последствиями и исходом дела. Ну, ни я, ни люди и не говорят ничего, но...
Погодите-ка.

Знаете, часто бывает в самый неожиданный момент вспоминаешь, что забыл нечто важное? Вот сейчас так и есть. Я расстегнул молнию сумки, которая висела на плече, и проверил содержимое. Итог проверки я уже знал, но никогда не перестаешь надеяться на внезапную удачу. Как и думал — конверта Сендзёгахары в сумке не оказалось.

Этот конверт с платой я должен передать Ошино.

— Неужто положил у дзабутона и там оставил?... Блин, и что делать?

Дела с деньгами, конечно, лучше заканчивать как можно раньше, но это не значит, что надо так спешить с ними, да и завтра она может передать их в школе, но... Что делать? Это маловероятно, но я же мог положить конверт в задний карман штанов и обронить не заметив, когда говорил по мобильнику с Ханэкавой и шёл. Придётся всё-таки позвонить и признаться Сендзёгахаре... Нет.

Я шёл пешком и катил велосипед рядом, и значит, продвинулся не слишком далеко, если я вернусь верхом, то мигом домчусь до Тамикурасо. Время уже позднее, так что в худшем случае могу столкнуться с засидевшимся на работе отцом Сендзёгахары, но она рассказывала о его непомерной занятости, и эта возможность близка к нулю.

Конечно, телефонным разговором всё бы разрешилось, но мне хотелось воспользоваться шансом встретиться с Сендзёгахарой.

С обаянием у меня проблемы.

Но всё-таки хочется хоть немного почувствовать атмосферу романтики.

— Ну ладно.

Я взобрался на велосипед и развернул его...

Дождь, что ли, идёт?

Нет, мне на лицо не попала капля дождя, просто там, куда я развернул велосипед... там впереди стоял «некто», словно всё это время он следил за мной.

«Некто».

В дождевике.

Глубокий капюшон полностью скрывал лицо.

Чёрные сапоги... и резиновые перчатки.

Было бы по погоде, если б шёл дождь... Однако я вытянул ладонь и не почувствовал ни одной капли.

Чистое звёздное небо.

Окраина пригорода, почти деревня — ни одно облако не смеет загородить свет луны.

— Э-эм...

Ух...

Понятно... Понятно, что происходит... Знаю, прекрасно знаю, что происходит. Такого я уже более чем насмотрелся на весенних каникулах...

Губы сложились в кривую улыбку, не подходящую ситуации, однако я не смеялся. Было не к месту, но на сердце заиграло такое знакомое чувство... сразу вспомнился случай с Ханэкавой на Золотой неделе.

Если взяться за проблему... Да, это не как на весенних каникулах, у меня уже не бессмертное тело, да и не вампир я.

Ситуация к спокойствию не располагает, но... чтобы распознать, «что» это и «каково» оно, просто необходимо спокойствие. Вообще, за последние месяцы я уже немного привык или даже поднабрал опыта...

В «странностях».

Порядок, если это какая-то физически безвредная странность, как улитка Хачикудзи в День матери... Вот только мои инстинкты твердили мне: надо бежать. Нет, не мои инстинкты, а угнездившиеся где-то в моём теле, остаточные сохранившиеся инстинкты легендарного вампира...

В попытке развернуться ещё раз я спрыгнул с велосипеда, почти свалился.

Решение верное, но в обмен я навсегда потерял свою любимый прекрасный горный велосипед. Дождевик прыжком приблизился с неуловимой глазам скоростью, и его левый кулак ударил прямо по центру руля велика, с которого я только спрыгнул, — велосипед словно картонный не выдержал этого яростного напора, смялся и отлетел. Он врезался в телефонный столб, и то, что раньше было велосипедом, теперь на него даже не походило.

Если б я не уклонился, то это мог бы быть я.

Да?

Мощным порывом ветра от удара мне разорвало одежду.

Лопнула лямка, и сумка рухнула мне на ноги.

— С-совсем не так...

Даже моя кривая усмешка слезла с лица.

Если и не прямым ударом, то лишь ударной волной нехило заденет, немислимо... до силы легендарного вампира не дотягивает, но такого же высокого уровня... физически опасная странность.

Не как в День матери.

Определённо как на весенних каникулах.

Велосипед потерял.

Смогу ли я сбежать без него? То, что я увидел по нынешним движениям дождевика... Точнее, то, что я не увидел, в общем, раз скорость у него такая, что и глазам не успеть, на своих двоих мне точно не убежать.

К тому же.

Если и получится убежать от этой странности, не думаю, что мне захочется поворачиваться к ней спиной — жутко не то, что поворачиваться спиной, даже взгляд отвести страшно. И мне не стряхнуть этого первобытного ужаса.

Беру свои слова обратно.

Привык я к такому чувству?

Какого я там вообще опыта поднабрал?

Приношу глубочайшие извинения.

Дождевик развернулся ко мне. Глубокий капюшон не давал разглядеть лицо, однако даже не походило, что там должно быть какое-то лицо, это скорее словно глубокая пещера. Мглистая и совершенно непроглядная.

Словно оно оторвано от этого мира.

Словно выпало из этого мира.

А затем, когда дождевик повернулся ко мне.

Левый кулак.

Одними рефлексамн мне не преодолеть такую скорость, однако, как и в тот раз с разрушением велосипеда это было абсолютно прямолинейное движение, я смог отреагировать с подготовленной первоначальным шоком волей и едва-едва увернулся ещё раз

— левый кулак с лёгкостью, как ни в чём не бывало врезался в бетонную плиту за моей спиной. Это было словно удар катапульты по вражеской крепости.

Сила нешуточная, и я думал использовать задержку, пока дождевик не вытащит руку из бетона, другими словами, я понадеялся на несколько секунд, пока дождевик не начнёт действовать словно обезьяна, просунувшая лапу в бутылку, однако это ожидание оказалось слишком наивным. Бетонная плита, которую пробил левым кулаком дождевик с грохотом взорвалась, словно продырявленная плотина, и осыпалась обломками на несколько метров.

Знакомая сцена.

Ни секунды задержки.

Оно развернулось всем телом, левый кулак всё так же направлен прямо на меня — ни движения, ни дрожи, сейчас моё тело разорвут на куски.

Катапультой.

Не успею даже прикрыться не то, что уклониться.

Не представляю, куда ударит.

Мир перед глазами перевернулся, раз, другой, третий, четвёртый, в голове запрыгали обрывки мыслей, зверский напор давил со всех сторон, вселенная завертелась и смялась, а затем меня швырнули лицом об асфальт.

Меня поволокло.

Асфальт врезался в кожу словно тёрка.

Больно, однако.

А раз больно, значит, ещё жив.

Всё тело болит, особенно живот — словно мышцы надорвал. Я сразу же попытался подняться, однако ноги дрожали и заплетались, по крайней мере, мне удалось перевернуться.

Дождевик ужасно далеко. Чувствовался далеко. Хотя, я думал, что это иллюзия — но нет, он и в самом деле был далеко. Похоже, одним прыжком покрыл такое расстояние. Точно катапульта.

Живот скрутило.

Я вспомнил... такую боль.

Это не кости.

Похоже, разорвало внутренние органы.

Но если внутренности и повреждены, общая форма моего тела, как я удостоверился, оказалась в некоем подобии порядка. О как, люди и велосипеды устроены по-разному, так что одинаковые удары не должны привести к одинаковому состоянию кучи картона... слава суставам, ура мышцам.

Хотя...

С такими ранами я всё-таки не скоро встану.

А затем дождевик приблизился ко мне — сейчас не так быстро, он оказался передо мной так, что наверняка отразился в моих глазах. Один, может, два-три удара, и всё для меня кончено — некуда торопиться и некуда спешить.

Ну, соглашусь, разумное решение.

Но... что же это такое?

Эта «странность» словно маньяк... размазала велосипед, пробила бетонную плиту, сколько бы по-человечески они не выглядели, уже стало ясно, что это не «люди», однако... почему эта «странность» нападает на меня?

У странностей должна быть заслуженная причина.

Они имеют цель.

Они рациональны, они следуют логике.

Этому меня научил Ошино, этому я научился, когда повстречался с той прекрасной вампиршей, это мой главный вывод. Следовательно, эта странность без сомнений имеет причину, но я всё никак не могу понять...

В чём источник?

Я вспомнил, что сегодня повстречал.

Вспомнил, кого сегодня встретил.

Хачикудзи Маёй.

Сендзёгахара Хитаги.

Ханэкава Цубаса...

Двое младших сестёр, классная, неясные лица одноклассников и... когда её имя случайно всплыло...

В конце концов мне вспомнилось имя Камбару Суруги.

— !..

Тогда же дождевик развернулся.

Развернулся в прямо противоположную сторону человеческой фигуре.

И вскоре побежал...

Тут же исчез.

Настолько неожиданно, что я оторопел.

— Э... Э-э?

С чего это вдруг?..

Боль, охватившая всё моё тело, с тупой сменилась на острую, я поглядел в небо — по-прежнему чистое звёздное небо, сияет незапятнанная луна. Всё тело источало запах, слабый запах крови, лишь это нарушало спокойный пейзаж ночи.

Во рту стойкий привкус крови.

Всё-таки повреждены внутренние органы... кишки у меня знатно перемешаны. Хотя это не смертельно... И даже недостаточно, чтобы обратиться в больницу. Хотя у меня уже не бессмертное тело, но в некоторой степени усиленная регенерация, думаю, за ночь всё придёт более-менее в норму... спасёт ли это мою жизнь?

Однако...

Память о недавних ударах неожиданно без всякой причины всплыла в голове. Левый кулак нацелен на меня, он вышел на крупный план, потом отошёл на второй. Когда оно ударило по велосипеду или, когда пробило бетонную плиту, наверное, из-за трения резиновые перчатки порвались, четыре дырочки в основании пальцев, и так же, как и в пещере капюшона, словно оторвано, словно выпало, однако...

Внутри этих перчаток...

Что-то звериное...

— Арараги-кун.

Позвали меня сверху.

Холодный, ниже точки замерзания, ровный голос.

Я поднял глаза, на меня такими же холодными, без капли эмоций глазами глядела Сендзёгахара Хитаги.

— Привет, давно не виделись.

— Э-э, давно?

Мы не виделись меньше часа.

— Ты кое-что забыл, я принесла.

С этими словами Сендзёгахара пихнула мне прямо в лицо конверт, который держала в правой руке. Даже без такого приближения я понял, что это тот конверт с сотней тысячью йен, которые Сендзёгахара должна заплатить Ошино.

— Ты забыл то, что я благородно попросила тебя передать, ты достоин высшей меры наказания, Арараги-кун.

— Ох... Прости.

— Извинения не помогут. Я шла за тобой, тщательно обдумывая каким пыткам тебя подвергнуть, но ты уже наказал сам себя, восхищена твоей верностью.

— Я не наказывал сам себя...

— Не стоит скрывать своих чувств. В силу твоей верности, я прощу тебя наполовину.

— ...

Ни оправдания, ни смягчения?

Суд Сендзёгахары придерживается строгих принципов.

— Ну, хватит шуток, — сказала Сендзёгахара.

— Тебя сбила машина? Похоже, твой обожаемый велосипед сломан. Или сломан, или врезался в телефонный столб. Неужели тебя переехал поезд?

— Э-эм...

— Не помнишь номер? Я отомщу за тебя. Разнесу машину на винтики и буду изничтожать водителя, пока он на коленях не попросит, чтобы я убила его переехав велосипедом.

Как ни в чём не бывало говорила Сензёгахара Хитаги такую жуть.

Я расслабился этой обычности. Колкости Сендзёгахары всегда такие жуткие и странные, но благодаря им я почувствовал, что ещё жив...

— Нет, я сам упал. Не смотрел куда еду... Говорил по телефону на велосипеде... И врезался в столб...

— Вот как, значит. Если так, то мне стоит сломать телефонный столб?

Вспышка ярости.

Это даже не ответный удар.

— Ты потревожишь людей в округе, лучше не надо...

— Да... Но врезаться с такой силой, что даже поломал прочный бетон, и отделаться такими травмами, у тебя очень мягкое тело, Арараги-кун. Я восхищена. Иногда и такая мягкость тела бывает полезна, да? Э-эм, тебе не нужно... в больницу?

— Не...

Что если Сендзёгахара специально решила отнести мне это письмо, потому что тоже хотела ещё немного встретиться со мной? Она бы и на автобусе доехала до моего дома? Если так, то я безумно рад только этому, хоть это и по-прежнему не так уж цундере...

К тому же, благодаря этому я выжил.

Неожиданно.

Дождевик, только завидев Сендзёгахару, тут же исчез.

— Я немного отдохну и смогу встать.

— Ясно. Тогда вот тебе мой сервис.

И тут...

Я лежал лицом вверх, и Сендзёгахара расставила ноги по обе стороны моей головы. Кстати, как я уже затронул, сегодня Сендзёгахара в длинной юбке. Чулок она не надела, и мне открылись её стройные голые ноги — с этого ракурса длина юбки не имела значения.

— Наслаждайся, пока не сможешь встать.

— ...

Если честно, я сейчас, наверное, и смог бы встать, но я решил немного пораздумать. Мои раздумья не несли чего-то продуктивного, однако... тем не менее, сейчас.

Сейчас, я думал о Сендзёгахаре.

О завтрашнем дне.

Примечания

1. Вампир на японском записывается через кандзи «демон», «кровь» и «сосать». 吸血鬼.
2. Слова известной песни Bill Haley & Comets «See You Later Alligator», слова припева вошли в народ и стали присказкой при прощании.
3. Известная в Японии песня Хяккэга Утиды, строки переделаны из танка Ота Нанпо.

Дом Камбару Суруги располагается в тридцати минутах езды на велосипеде от школьных ворот. Ну или в тридцати минутах бегом. Сперва я думал посадить её на багажник и поехать вдвоём, но она вежливо отказалась. «Ездить вдвоём опасно, да и противозаконно». Ну, может, так и есть, а может, Камбару просто не хочет держаться за меня во время езды. Раз такое дело, я думал было, идти пешком, а велик катить рядом, или вообще оставить его в школе, но Камбару сказала, что не стоит волноваться и можно ехать на велосипеде. Я несколько озадачился, а Камбару как ни в чём не бывало крикнула: «За мной» и побежала. Всё так же, как когда она таскалась за мной, Камбару Суруга в выбор способов передвижения из «пешком», «велосипед», «автомобиль» или «электричка» равносильно добавляет «бегом». Наверное, для спортсменов в этом ничего необычного. Камбару с бодрым топотом вела меня, её левую руку стягивала белая повязка. Когда мы добрались, Камбару лишь слегка вспотела, дыхание у неё осталось ровным.

Превосходный дом в японском стиле.

Чувствуется, у него есть история.

Именная табличка «Камбару» над воротами не давала усомниться, что это действительно её дом, но я всё равно как-то колебался входить в особняк с такой глубокой атмосферой.

Но не войти было невозможно.

Это словно визит в храм на школьной поездке по обществоведению, такое неопишное чувство, когда тревожишь это поместье. Мы прошли по коридору, выглядывающему в сад с сиси-одоси, до комнаты Камбару, она отодвинула раздвижную дверь.

Как она вообще смогла открыть дверь не особо-то знакомому сэмпая в такую комнату...

На полу валяется несобранный фuton, кругом разбросана одежда (включая нижнее бельё), учебники, ранобэ, манга в открытом и закрытом виде обложками вверх, в углу комнаты как на складе стоит груда картонных коробок, и самое страшное — кучи мусора, раскиданных по татами, в лучшем случае мусор запихан в пакеты из соседнего супермаркета.

Комната довольно просторная, на двенадцать татами.

Даже ногу поставить некуда.

— Простите за небольшой беспорядок.

Она развернулась ко мне лицом, приложила правую руку к груди и с невинной улыбкой на лице бойко проговорила это. Скорее всего, эти слова подходили к текущей ситуации, но разве так не говорят из скромности, когда приводят людей в хоть сколько-то убранную комнату?

Сверху вода, снизу огонь, да-а?

Идеально подходит.

У-ух...

Тут и прокладки кругом...

Я рефлекторно опустил глаза.

У меня такое чувство, что продолжи я смотреть ещё, то точно вылезет что-нибудь похлеще... Уверенность в себе это прекрасно, но от бесстыдства оно отличается, Камбару Суруга...

Ох.

Сендзёгахара такая же...

Только в её случае в комнате ни пылинки... Но это не только особенность её натуры, чувствую, её характер испортился в ответ на огромное влияние её личности времён средней школы.

— Не стесняйтесь. Вы, Арааги-сэмпай, может быть, слишком деликатны, чтобы войти в комнату малознакомой девушки, но сейчас не тот случай.

— Камбару...

— Что?

— Я отлично понимаю, что сейчас не тот случай... Но могу я тебя попросить кое о чём, пожалуйста.

— Конечно. Всё, что пожелаете. Я вам не откажу, Арааги-сэмпай.

— Час, нет, полчаса... Дай мне время прибраться здесь. И большой мусорный пакет.

Не скажу, что я такой уж чистюля... У меня у самого комната не сияет чистотой, но даже для меня это слишком жёстко... даже жестоко. Камбару с изумлением поглядела на меня, не понимая моих слов, однако причин отказать у неё не было, так что она согласилась и отправилась за мусорным пакетом.

Некоторое время спустя.

Ну, как-то так.

Конечно, беспорядок комнаты Камбару оказался не настолько лёгким, чтобы справиться с ним за полчаса, к тому же, это всё-таки комната малознакомой девушки, так что не стоит забывать о морали и этике, потому я собрал разбросанный мусор, в некоторой степени рассортировал книги и журналы (в её комнате не оказалось книжных полок, поэтому я просто составил их в стопки), в общем как-то прибрал квадратную комнату по кругу, в конце концов, когда я собрал футон и убрал его в шкаф, сложил одежду (вешалок у неё оказалось, не говоря уж о комод), на комнату уже стало можно смотреть, по крайней мере, открылось достаточно места, чтобы мы с Камбару могли сесть друг на против друга.

— Превосходно, Арааги-сэмпай. Так вот какого цвета татами в моей комнате? Впервые за столько лет я вижу пол.

— Лет?..

— Благодарю вас.

— Если договоримся, то можно и целый день... Нет, думаю, тут потребуется и ночь... Тогда и по-настоящему, принесу моющее средство, пятновыводитель, полный набор...

— Простите за беспокойство, Арааги-сэмпай. Я ни в чём, кроме баскетбола, не сильна, потому уборка и приборка, чистка и причистка мои слабые стороны.

— ...

Странно слышать такие слова с самоуверенной улыбкой... За эти полчаса она даже не пыталась как-то помочь, только поглядывала со скучающим видом из коридора, Камбару не неуклюжая и не ленивая, похоже, она и правда плоха в уборке, но тем не менее, хоть я и не должен заострять на этом внимание, такое точно никогда не наблюдали, не могли видеть все те в школе, кто относится к Камбару как к звезде. Она ни за что не позвала бы одноклассников к себе... и тем более уж кохав из клуба, это грозило в худшем случае психологической травмой. Внутри того мусорного пакета — куча коробок из-под еды быстрого приготовления, пакетов из-под чипсов и сухариков, смятых банок из-под газировки... Не то, что стала бы есть девушка-спортсмен национального уровня.

Подобные эпизоды, немного неподобающие знаменитости, иногда становятся причиной ещё большей любви, но это уже как-то слишком. Сколько не старайся не быть такому персонажу мюз...

— Ну... так вот.

Завтрашний день.

То есть, следующий день после пятницы.

Суббота.

В мире уже давно принята пятидневная рабочая неделя, но в нашей школе, частной старшей школе Наоэцу, уроки идут и по субботам. Я не смог прийти к решению даже когда завтра стало сегодня, потому на перемене между первым и вторым уроками отправился к зданию второклассников. Речь шла о классе школьной звезды, так что выяснять его не было необходимости. Второй класс второго года. От того, что в класс собирается навеститься третьеклассник, ученики сразу же вдруг зашумели (для меня, ставшим на класс старше, это оказалось новым, приятным ощущением), как я и ожидал, Камбару, Камбару Суруга, с величественным видом спокойно подошла, когда я ждал в коридоре.

— О, Арааги-сэмпай.

— Привет, Камбару. У меня есть к тебе небольшое дело.

— Ясно. Тогда...

Камбару ничего не спросила в ответ, просто ответила.

Словно это предустановленная гармония.

— После уроков я хочу сводить вас к себе.

Так...

Дом Камбару Суруги, здание в японском стиле.

Если это просто разговор, то идти к Камбару совсем не обязательно, можно воспользоваться пустым классом, крышей или спортплощадкой, или зайти в какую-нибудь забегаловку, если школа не годится. Так я и сказал, но у Камбару, похоже, есть свои причины поговорить со мной у себя дома.

Если есть причина, почему бы не согласиться.

Спрашивать не обязательно.

— С чего бы начать, Арараги-сэмпай... На самом деле с красноречием я не блистаю, так что не знаю, как следовать в таком случае, но, ну, сначала надо...

Камбару быстро встала на колени и склонила голову.

— Думаю, мне нужно извиниться за вчерашнюю ночь.

— О-о...

За день тело восстановилось, но боль всё равно оставалась, я погладил живот и кивнул.

— Значит, это всё-таки была ты.

Дождевик.

Резиновые перчатки и сапоги.

При недавней уборке они валялись вперемешку с остальной одеждой.

И спрашивать ничего не нужно.

— «Всё-таки», досадные слова, Арараги-сэмпай. Какой вы утончённый человек. Вы видели меня насквозь, да? Иначе ни за что не пришли бы ко мне.

— Не совсем... догадка. Рассудил по силуэту, контурам и телосложению... потом сопоставил с тем, кто знал, что я иду к Сендзёгахаре домой на подготовку, пораскинул мозгами, ну и... Ну, я уже пришёл, так что рассуждать, правильно ли это, нет смысла.

— Хм, ясно. Проницательно, — Камбару сияла неподдельным восхищением. — О, это как истории про парней, которые различают девушек по форме бёдер?

— Совсем нет!

Да и какие к чёрту бёдра под дождевиком?!

— Извините, я не собиралась этого делать.

Камбару снова склонила голову.

Думаю, её извинения искренни.

Однако, если она не собиралась делать этого... то что же собиралась? Очевидно, цель — я... однако даже так, возможно ли что-то ещё?

— Ну, извинения извинениями, но я хочу знать, зачем тебе это. Нет, зачем тебе вообще всё.

Зачем.

Не сказать, что мне ничего не пришло в голову.

Хоть я ничего и не сказал о той сцене, но в некоторой степени отправной точкой, возможно, было то, что Камбару надела тот дождевик.

Однако...

— Вообще, та сила, сверхсила...

Аномальная сила.

Странность.

Сломать велосипед словно картонный.

Раскрошить ударом бетонную стену.

А затем и человека...

— Хочу узнать... да. Вообще ты...

— М-м-м. Если уж с чего-то начинать, то, наверное, с этого. Да, но... сначала, Арараги-сэмпай, я хочу спросить, вы из тех, кто верит в таинственные вещи?

— Таинственные?

Это она о... А, ясно.

Камбару не знает обо мне. Не знает о моём бессмертном теле, раны прошлой ночи на котором затянулись прямо на глазах. Поэтому такое начало... Нет, не поэтому.

Если Камбару и не знает обо мне, она знает о Сендзёгахаре. Узнала про её таинственный секрет даже раньше меня. Поэтому я как парень Сендзёгахары не могу не знать о её таинственном секрете, то есть, похоже, Камбару сейчас меня проверяет.

— Не понимаете? Другими словами, я про то, поверите ли вы в то, что видели собственными глазами?

— Я верю только в то, что вижу своими глазами. Поэтому верю всему, что видел. И в случай Сендзёгахары тоже.

— Так вы и это узнали?

Камбару не выглядела ни виноватой, ни смущённой.

— Однако. Не поймите неправильно. Я вовсе не преследовала вас, потому что хочу узнать о Сендзёгахаре-сэмпай.

— Э?.. Правда?

Я был уверен, что так и есть.

Разве не для того, чтобы проверить слухи о том, что мы с Сендзёгахарой встречаемся? И вчера, когда она услышала, что я иду заниматься домой к Сендзёгахаре, где мы будем вдвоём, разве так не развеялись её сомнения?

Нет, это, конечно, так.

Не думаю, что тут что-то не сходится.

Какая же ещё может быть причина для всех этих тасканий?

— Вас же называли Вальхалакомбо, верно?

— О да. Впечатлена, что вы столько знаете, Арараги-сэмпай. Вы получили наивысшую оценку, я недооценивала вас. Даже нет, моей системы не хватит, чтобы оценить вас, Арараги-сэмпай. Чувствую, вы за гранью моего воображения.

— Я просто спросил кое-кого...

Она выстраивала изящные фразы, и при этом ни грамма шутовства или лести, в какой-то степени её речь — произведение искусства.

— Я слышал, откуда оно пошло. Весьма продуманно.

— Ага. Я придумала.

Камбару гордо выпятила грудь.

Сама придумала...

Давно не чувствовал такой жалости...

— Было непросто. Кстати, я ещё и для себя придумала, «Гамбару¹ Суруга-тян», но, к сожалению, оно не зашло.

— Весьма сожалею.

— Вот как. Вы жалеете меня?

Ох.

Ну у тебя и чувствительность.

— Вы добросердечны, Арараги-сэмпай. Ну, знаете, сейчас мне подумалось, что это длинновато для прозвища, ничего не поделаешь.

— Боюсь, твой самоанализ немного сбоят.

Похоже, в средней школе Камбару окружали исключительно хорошие люди.

Включая и тогдашнюю Сендзёгахару...

— Ну, может быть. Ну ладно с Вальхалакомбо, вы, Арараги-сэмпай, весьма догадливый, объяснение может немного запутанное, но Сендзёгахара-сэмпай и я в средней школе... Нет, перед рассказом вы должны сначала увидеть это. Именно за этим я потратила ваше драгоценное время и заставила прийти к себе домой.

— Хочешь, чтобы я увидел? А, ясно. Значит, это находится у тебя дома, раз мы не могли поговорить в школе.

— Нет, не совсем, мы не остались в школе, чтобы не пересекаться с людьми... Я бы не хотела, чтобы это кто-то ещё видел.

И Камбару распустила белую повязку на левой руке. Она сняла застёжку и круговыми движениями начала разматывать бинт от самых пальцев и по порядку...

Вспомнилось.

Прошлой ночью.

Когда измяло велосипед, когда разломало бетонную плиту, когда пробило мои внутренности...

Всё это кулаком левой руки.

— Честно говоря, я бы вообще не хотела это кому-то показывать. Я ведь девочка, как никак.

Полностью размотав повязку, Камбару задрала рукав формы. И тогда я увидел, как по её тонкой нежной руке начиная от локтя протянулась костлявая с чёрной шерстью, словно принадлежащая *дикому зверю*, левая рука.

Дырки в порванных перчатках.

Зверем пахивает.

— Ну, как-то так.

— ...

Очевидно, это не какая-то перчатка и не маппет. Ни длинна, ни тонкость совершенно не естественны, да и смысла нет в таком виде, на Золотой неделе я сам наблюдал *нечто похожее, нечто отдалённое напоминающее*, потому понимал.

Это не что иное, как странность.

Странность.

Нечто звериное, однако я понятия не имею чьё. Оно может принадлежать любому животному и одновременно ни одному. Оно похоже на что угодно и при этом никого не напоминало. Тем не менее, раз уж так говорить, пять пальцев, каждый достаточно длинный и на кончике каждого по ногтю...

Всё-таки это часть тела девушки, не думаю, что эпитет подходящий, но...

— Обезьянья лапа, — сказал я. — Похоже на обезьянью лапу.

Обезьяны.

Собирательное для млекопитающих приматов за исключением человека.

— Охо.

На лице Камбару отразилось какое-то даже восхищение.

А затем она хлопнула себя по согнутым коленям.

— Арараги-сэмпай, ваша наблюдательность не знает границ. Я тронута, у нас должно быть различна сама структура глаз. Понять истинную натуру лишь одним взглядом, у меня просто нет слов. Ваши познания в корне отличаются от моих простецких знаний, думаю, и нужды нет в дальнейших объяснениях.

— Не истолковывай всё по-своему!

Не останавливай объяснения на этом.

Выкладывай всё сразу.

— Я просто сказал, что увидел. Ничего я насквозь там не разглядел.

— Вот как? Но название рассказа Уильяма Уаймарка Джекобса — «Обезьянья лапа». В оригинале «The Monkey's Paw», так что вы верно перевели. Тема «обезьяньей лапы» используется в различном медиа-контенте, да и сам образ тоже получил довольно обширное распространение...

— Ничего этого не знал, — честно признался я.

— Вот как? — удивилась Камбару. — Выдать правильный ответ, ничего при этом не зная, Арараги-сэмпей, думаю, вы избраны кем-то на Небесах. Разглядели саму суть даже без малейшего представления.

— Ну, мне часто говорят, что у меня интуиция хорошая.

— Как я и думала. Да, думаю, мне можно гордиться собой, но не так, как вам, Арараги-сэмпей, я снимаю шляпу, моя интуиция ещё не достигла таких безумных высот.

— Ясно...

Но думаю, твои высоты превосходят все безумия.

Я ещё раз посмотрел на её левую руку.

Звериная лапа — обезьянья лапа.

— М-можно потрогать?

— Да. *Сейчас*, она в порядке.

— Я-ясно...

Получив разрешение, я мягко коснулся запястья Камбару.

Робко, боязливо.

Материальная, чувствительная... тёплая, есть пульс.

Живая.

Всё-таки эта странность из *типа живых странностей*.

Камбару Суруга со спокойной душой показала комнату в таком состоянии, но такую левую руку ей показывать не хотелось... конечно, вывих на самостоятельной тренировке это всего лишь уловка. Повязка не защищала ранение, она скрывала руку... Думаю, могло показаться странным, что она с вывихом совсем не старалась беречь левую руку... Хотя, как-то поздновато уже для убедительных рассуждений.

Но.

С такой левой рукой в баскетбол точно не поиграешь.

Задумавшись.

Я крепко сжал её запястье.

— М-м, о, а-а!

— Прекрати эти странные стоны!

Я рефлекторно отдёрнул руку.

— Просто вы меня странно потрогали, Арараги-сэмпай.

— Ничего я странно не трогал.

— Мне щекотно.

— Все эти внезапные крики полностью разбивают образ...

Хм, если вспомнить, Сендзёгахара тоже пару раз вытворяла такое. Конечно, сейчас она действует совершенно по-другому, но Камбару же усвоила это, так что неужели в средней школе Сендзёгахара постоянно так делала?..

— Может, ты забыла, но мы у тебя дома, в твоей комнате. Если будешь так стонать, могут услышать твои родители, я тогда даже не представляю, что будет.

— А, не беспокойтесь об этом, — бойко проговорила Камбару. — О родителях можно совсем не волноваться.

— Ну ладно тогда...

Чего?..

Сказала, словно не хочет затрагивать это, словно обрывает дальнейший разговор на эту тему... Эти слова, сказанные обычным бодрым тоном, даже больше разрушают образ.

— Так вот, — Камбару быстро вернулась к теме.

Она сжала и разжала ладонь левой руки.

— Как видите, сейчас я управляю ей по своему желанию, но иногда не могу. Нет, не так. Иногда она двигается против моего желания, так, наверное...

— Против желания?

— Ну, не столько против желания, сколько против намерения — да. Это сложно. Ну это очевидно, когда пытаешься объяснить то, что сама не особо понимаешь... В общем, Арараги-сэмпай, прошлой ночью именно я напала на вас, но это была не совсем я — я почти ничего не помню, — сказала Камбару. — Я была словно в полусне или в дрёме... Кое-что я помню, но словно смотрела это по телевизору и не принимала участия...

— Транс, — прервал я её объяснения. — Состояние транса, вот что это. Знаешь... Странность типа одержимости, овладевает телом и душой.

Это отличается от моего случая, но вот случай Ханэкавы, случай с кошкой Ханэкавы Цубасы, схож. Из-за этого Ханэкава практически не помнит инцидента Золотой недели, в котором она соприкоснулась со странностью. И данный случай довольно близок — тогда Ханэкава подвергалась трансформации тела...

— Вы такой эрудированный, Арараги-сэмпай. Ясно, так такое это странности называется...

— Ну, у меня тоже представление далеко не полное. Но почему-то в последнее время что-то часто натыкаюсь, к тому же, осведомлённый тут...

Ошино.

Это полностью его территория.

Его владения.

— ...есть один.

— Хм. Вот как, мне повезло, что вы такой замечательный человек, Арараги-сэмпай. Если бы вы убежали, когда я показала руку, мы не смогли бы поговорить. И думаю, это ранило бы меня в самое сердце.

— К счастью, я уже навиделся всяких таинственных вещей, можешь не переживать. Таинственных... и с Сендзёгахарой тоже, конечно...

Думаю, позже стоит рассказать о моей связи со странностями и о том, как я превратился в вампира... Строго говоря, для прозрачности мне нужно было рассказать об этом раньше, но для этого я ещё слишком многого не знаю о странности в левой руке Камбару.

— Хотя, всё-таки я удивился. Как сказала бы моя подруга пятиклашка начальной школы, до икоты. Но уверен, сейчас, что бы я не услышал, меня уже ничем не проймёшь.

— Ясно. Конечно, для этого я и показала сначала руку. Теперь самое сложное позади. Ну, думаю, пора двигаться дальше, — продолжала Камбару с улыбкой на лице. — Я лесбиянка.

— ...

Я офигел.

В лучших традициях манги Фудзико Фудзиро².

— М-м, ох.

— Вы парень, Арараги-сэмпай, так что, наверное, это прозвучало немного прямо. Э-эм, — Камбару, наблюдая мою реакцию, склонила голову набок. — Перефразирую. Я за юри.

— Это одно и то же! — вскрикнул я, стараясь сохранить лицо.

Э? Что? Это как вообще?

Говоришь в средней школе вы с Сендзёгахарой были Вальхалакомбо? Как сэмпай и кохай? Сендзёгахара говорила про Камбару «та девочка»? Да? Вчера она сказала, что никогда не расставалась с парнями, так это так понимать?

— О, нет. Сендзёгахара-сэмпай моя неразделённая любовь. Она навсегда останется для меня идеалом, желанной целью, я довольна и этим.

— Довольна и этим...

Звучит хорошо.

Правда хорошо.

Но она только что сказала о неразделённой любви как ни в чём не бывало....

Хачикудзи, женщина в тебе вообще не попала с ответом... Стоп, успокойся, нельзя всё вот так порицать, не выслушав. Да... может, для нынешних девушек это нормально? Может, это я просто отстал от жизни? Может, нужно подумать об этом легче, толерантней?

— Вот как, юри, значит... ясно.

— Ага, юри.

Камбару отчего-то выглядела довольной.

Но это всё равно...

Вампир, кошка, краб, улитка, староста, болезненная девушка, младшеклашка, кошкодевочка, цундере, потерявшийся ребёнок, теперь вот юри, этот мир не перестаёт проверять меня на прочность, а может, это я просто алчен...

Ну, как вам угодно.

А знает ли вообще Сендзёгахара об этой стороне Камбару Суруги?.. Судя по рассказу Камбару, нет. Ну, да или нет, но не думаю, что их в средней школе связывали такие отношения.

Звезда клуба лёгкой атлетики и звезда баскетбольного клуба.

Вальхалакомбо.

— Сендзёгахара-сэмпай была популярна, но я знала, что мои чувства к ней другие. Это честь. Ради Сендзёгахары-сэмпай я готова даже умереть. Да, так сказать, dead or i love.

— ...

Э... Э-эм?

Ловко или нет? Сложно понять.

— М. Сейчас такую штуку выдала. Даже для меня слишком alive с i love спутать. Не думаете, Арараги-сэмпай?

— Ох. Сперва я не очень разобрался, но после твоих слов, всё встало на свои места.

Не ловко.

Ладно.

Я попросил Камбару продолжать историю.

— Ну, не совсем продолжение, я ведь буду говорить о прошлом. В продолжении я расскажу о последующем. Для начала, я выбрала старшую школу Наоэцу из-за Сендзёгахары-сэмпай.

— Наверное... Я всё-таки предполагал услышать что-то такое. Здесь я скорее чувствую понимание, а не удивление.

Если скажу, то, наверное, снова могу оскорбить членов команды Камбару, потому я решил промолчать и оставить в сердце, но ас баскетбольного клуба средней школы мог без труда получить спортивную рекомендацию и заниматься баскетболом где-нибудь в более подходящем месте. И почему же Камбару, вкладывающая все силы во внеклассные занятия, в том числе и в баскетбол, поступила в старшую школу Наоэцу, занимающуюся подготовкой в вузы? Какой у неё был мотив?

Лишь одна мысль.

Даже слишком очевидно.

— Я была так очарована, что даже сосала конфеты, которые сосала она.

— ...

Вообще нормально такое говорить другим?

— Но Арараги-сэмпай, с того момента, как Сендзёгахара-сэмпай выпустилась, весь год третьего года в средней школе была полнейшая серость.

— Серость?

— Да. Серость моей юри-жизни.

— ...

Ей реально юри по душе.

Ну, её дело.

— Серая юри-жизнь как серое вещество в голове.

— Не пытайся словчить так очевидно!

Не пытайся вставлять такие шуточки в разговор.

Ей точно не достаёт сосредоточенности.

— Вы так строги, Арараги-сэмпай. Ваши строгие стандарты — непреодолимо высокая планка для меня. Но когда думаю, что вы всё это говорите ради меня, могу лишь покорно принять их.

— Так... Что-то произошло в год серости твоей юри-жизни?

— Да. За этот год я осознала насколько важна для меня Сендзёгахара-сэмпай. Удивительно, но этот год без неё был для меня, наверное, даже важнее двух лет вместе. Поэтому я собралась поступать в Наоэцу и в следующую нашу встречу признаться. Ради этого я занималась днями и ночами, — сказала Камбару.

Она говорила в своей обычной полной уверенности манере, однако щеки её порозовели. Похоже, она смущается... Ох, просто жуть как мило. Когда она только начинала таскаться за мной, я сквозь смущение и смятение подумал, что Камбару Суруга правда милая кохай. Ох, похоже, во мне забурила новая область моз — юри...

Как-то уже даже и неважна левая звериная рука Камбару... Стоп, её рука же должна быть темой её истории...

— Даже не конфету. Жвачку. Я настолько очарована ей, что буду жевать жвачку, которую она пожевала.

— Это вообще не норма...

Сравнение для лучшей передачи образа?

— Но, — Камбару едва понизила тон. — Сендзёгахара-сэмпай изменилась.

— Ох...

— Совершенно изменилась.

Краб.

Сендзёгахара Хитаги повстречала краба. Сендзёгахара Хитаги многое потеряла, многое отбросила, многое уничтожила — она отказалась от всего. Ханэкава тоже, однако в

Сендзёгахаре такое изменение, что если знавший её со средней школы поглядит на неё, то примет за другого человека. А уж для Камбару, её поклонницы, в такие изменения не хотелось даже верить.

Не могла поверить даже увидев своими глазами.

— Я слышала, что в старшей школе она тяжело заболела, слышала, что из-за долгой болезни даже ушла из клуба лёгкой атлетики. Я уже знала это. Но даже не представляла, что она настолько изменится. Я думала, это грязные слухи.

Тяжело заболела, говоришь...

Ну, не скажу, что интерпретация неверная... В конце концов Сендзёгахара до сих пор полностью не оправилась, словно от хронической болезни.

— Но я ошиблась. Сами слухи, конечно, упускали истину, но им было далеко до правды. С телом Сендзёгахары-сэмпай случилось нечто ужасное. Я заметила и подумала, что должна что-то сделать, должна помочь Сендзёгахаре-сэмпай. А как же ещё? Сендзёгахара-сэмпай очень помогала мне в средней школе. Я вечно буду благодарна ей. Мы ходили в разные клубы, и я училась на год младше, но она всё равно была очень добра ко мне.

— Эта доброта...

Это как понимать эту доброту со стороны Сендзёгахары? Думаю, наверное, лучше не сейчас говорить и спрашивать о таком.

— Поэтому я попыталась спасти её, хотела спасти. Но получила не терпящий возражений отказ.

— Понятно...

Как я и ожидал, она не рассказала, как именно Сендзёгахара ей отказала. Наверное, до сих пор защищает её... Что бы ни случилось, у Камбару и язык не повернётся сказать что-то плохое про свою сэмпай.

Всё-таки выходит, что, столкнувшись с тем же, что и я, ей досталось куда больше, чем мне... Если честно, даже спрашивать не хочется.

И для меня, и для Камбару.

И для Сендзёгахары.

Степлер.

— Думала, что смогу что-нибудь, — проговорила Камбару, от неё исходила аура сожаления, она уже не могла выносить этот стыд, но тем не менее с бравым видом и стойкостью продолжала говорить. — Я думала, что смогу что-нибудь сделать с тем, что случилось с Сендзёгахарой-сэмпай. Даже если я и не могу убрать причину, если не могу улучшить состояние, но просто быть рядом... я думала, что смогу излечить её сердце.

— ...

— Как смешно. Я была наивной. Вспоминаю сейчас и понимаю, как всё это потешно. Сендзёгахара-сэмпай совсем не хотела ничего такого.

Камбару опустила голову.

— Я не думала о тебе ни как о кохасе, ни как о друге, ни тогда, ни сейчас. Вот что она мне сказала.

— Ну...

Тогда она, наверное, могла выдать такое. Резкие оскорбления Сендзёгахары Хитаги опасны не меньше её канцтоваров.

— Сперва я подумала, что Сендзёгахара-сэмпай думает обо мне как о возлюбленной, но это не так.

— А ты оптимист.

— Да. Но она продолжила. Я водилась с такой преуспевающей младшегодкой, как ты, чтобы повысить свою популярность, только ради этого всего я возилась с тобой и притворялась заботливым сэмпасом.

— Какой ужас...

Всё, чтобы ранить...

Всё, чтобы Камбару ушла...

Но вчера Сендзёгахара признала, что в средней школе они дружили, и сказала, что Камбару её кохай, назвав «та девочка». Возможно, это просто, чтоб я легче понял, но тем не менее.

— Хотя я счастлива, что она назвала меня преуспевающей младшегодкой.

Оптимистка.

До мозга костей.

— Но я осознала, что бессильна. Я слишком возомнила о себе, подумав, что если буду рядом, то исцелю её. Сендзёгахара-сэмпай не желала никого видеть рядом.

Не одинока, будучи одной.

Если взглянуть со стороны, я бы отнёс Сендзёгахару к этой категории людей, по крайней мере, не видит смысла водиться с множеством людей. Если в средней школе она и была общительной, Сендзёгахара всё равно в душе считала так, однако...

Не одинока, будучи одной.

И хотеть быть одной это разные вещи.

Так же, как и есть разница между не любить общение с людьми и не любить людей.

— Поэтому с тех пор я не приближалась к Сендзёгахаре-сэмпай. Это единственное, что она хотела от меня. Конечно, мне ни за что не забыть Сендзёгахару-сэмпай, но, если тем, что я отступлю, тем, что ничего не буду делать, тем, что я не буду рядом с ней, если я хоть как-то этим помогу Сендзёгахаре-сэмпай, я могу смириться с этим.

— Ты...

Не знаю, что нужно сказать. Меня впечатлил не героизм сказанных ею слов, а её выбор: не «не было другого выхода», «уже ничего не сделать», а «могу смириться», вот что поразило меня. Сендзёгахара сказала ей не возвращаться, но это не так, Камбару оставила её по своей воле.

Она и правда серьёзна.

Насчёт Сендзёгахары.

За последний год средней школы желание только усиливалось.

И до сих пор ведёт её.

— Я позаботилась, чтобы не пересекаться с Сендзёгахарой-сэмпай. Я полностью сдвинула свой режим, чтобы не столкнуться с ней в коридоре, не встретить её на утренней линейке, даже не встать в одну очередь в столовой. Я постаралась не только, чтобы я не замечала Сендзёгахару-сэмпай, но и чтобы Сендзёгахара-сэмпай не замечала меня. Конечно, из-за моей игры в клубе начнут ходить слухи обо мне, потому я пустила свои слухи и контролировала их.

— Неудивительно, что твоя личность казалась такой разношёрстной, слухи ходили больно разнообразные.

Понятно.

Но такая тщательность... не сталкерство, а антисталкерство какое-то... даже не знаю, как назвать.

— Так прошёл первый год. Это было даже не серостью, а чернотой моей юри-жизни. Я стала сорвиголовкой, с головой ушла в баскетбол, не знаю, хорошо это или плохо... Но спустя год я узнала о вас, Арааги-сэмпай.

— ...

Я чувствовал, что для той, кто беспокоится о Сендзёгахаре, Камбару поздно вато узнала про наши отношения, но причина не в разных годах обучения — Камбару специально избегала Сендзёгахары, так?

Но тем не менее.

Она узнала про Арараги Коёми.

— Я больше не могла оставаться в стороне, и через год я сама пошла... встретиться с Сендзёгахарой-сэмпай. Попыталась встретиться. Конечно, за год бывало несколько случайностей, но в тот раз я шла с твёрдым намерением увидеть её. Впервые. И Сендзёгахара-сэмпай нежно ворковала в классе с вами, Арараги-сэмпай. С такой счастливой улыбкой, какой никогда не улыбалась мне в средней школе.

— ...

Улыбка, с которой она в который раз измывалась надо мной своими оскорблениями... Лишь в такие моменты её непроницаемое выражение лица сменяется на улыбку.

— Понимаете? — Камбару обратилась ко мне. — Вы, Арараги-сэмпай, как ни в чём не бывало делали то, что я бросила, но очень, очень, очень хотела, очень, очень, очень хотела.

— Камбару... Нет, это...

— Сначала я позавидовала.

Камбару делала паузу после каждого слова.

— Позже я попыталась передумать.

Её голос переполняли эмоции.

— И в итоге завидовала.

ЗаклЮчила она.

— ...

— Почему не я? Я завидовала вам и потеряла надежду о Сендзёгахаре-сэмпай. Я думала, что лучше бы мне быть парнем. Думала, что я не подхожу, потому что девушка. Не друг и не кохай, но возлюбленный. Тогда...

Камбару поглядела мне прямо в глаза.

Впервые на меня смотрят с таким обвинением.

— Тогда разве я не лучше бы подходила?

Хоть она мой кохай и на год младше, и я понимал, что она не вцепится в меня в приступе безумия, но тем не менее я испугался, настолько зло она выглядела.

— Я завидовала вам, я потеряла Сендзёгахару-сэмпай. И тогда я поразила себя. Исцелить Сендзёгахару-сэмпай? Отступить? Разве это всё не фальшь? Разве это всё не мой эгоизм?

Разве от этого не хорошо лишь мне? И я думала, что за это Сендзёгахара-сэмпай похвалит меня? Глупо. Лицемерно. Но я всё равно хотела, чтобы Сендзёгахара-сэмпай, как и в старые времена, снова была добра ко мне. Эгоизм или ещё что, но я хочу быть с ней рядом... Поэтому.

Камбару коснулась левой руки.

Своей звериной руки.

— Поэтому я пожелала эту руку.

Примечания

1. Гамбару - стараться, прилагать усилия.
2. Псевдоним авторского дуэта мангак Хироси Фудзимото и Мотоо Абико, создатели Дораэмона.

Наверное, не нужно пускаться в объяснения и пересказывать здесь содержание «Обезьяньей лапы» Уильяма Уаймарка Джекобса, но я вот не читал рассказа, но очевидно это какая-то история о призраках или страшилка. История с налётом старины и древним прошлым по всем канонам страшилок, да, у нечитавшего создастся примерно такой вот что-то напоминающий, словно где-то уже слышал образ.

Наверное, это из классиков.

Как уже сказала Камбару, обезьянья лапа, хоть и не в таких масштабах, как вампиры, частенько используется как основа сюжета различных медиа-материалов и постановок. Различных версий полно, они разрастаются и разрастаются словно эволюционное древо, однако у них есть кое-что общее, что их всех объединяет, в общем, главной завязкой является то, что появляется обезьянья лапа и...

Говорится, что обезьянья лапа исполнит желания владельца.

Говорится, что она, впрочем, не особо считается с его намерениями...

Эти два пункта.

Вот такой предмет с интересной историей.

Например, пожелает много денег. На следующий день вся семья умирает, и он получает наследство. Или, например, пожелает успешную карьеру в компании. На следующий день компания разорется, верха уволены, и вот он уже построил карьеру в разорённой фирме.

Вот так.

Рассказывается, что обезьянью лапу создал один старый факир, чтобы научить людей жить согласно своей судьбе, неповиновение предначертанному грозит страшными бедами. В истории говорится, что лапа заколдована таким образом, что может исполнить три желания трёх людей.

Когда я услышал про исполнение трёх желаний, первая ассоциация у меня — магическая лампа с джинном, ну, похожая история и похожая мораль. По всему миру полно подобных рассказов. Наверное, истории, в которых какое-то существо появляется перед человеком и исполняет любое его желание, это основа, людей вечно терзают их неисполнимые желания. И думаю, «обезьянья лапа» просто одна из самых известных страшилок...

— Так... Его зовут Ошино Мэмэ? Мэмэ катаканой?

— Ага. Имя миленькое, но сам он не очень. В смысле, это мужик в гавайской рубашке. Не ожидай чего-то особого. По крайней мере *так* он не выглядит, будь готова.

— Нет... я не об этом. Написание и правда впечатляющее или даже символическое... Ну, неважно. Но для «Мэмэ» трудновато придумать прозвище.

— И правда... Интересно, как его в детстве звали. Хотя забавно... Даже как-то не представляю его ребёнком.

Обиталище Ошино — несколько отдалённая от спального района четырёхэтажная вечерняя школа, если точнее, её развалины. И как настоящие развалины, это не то место, к которому кто-то отважился бы приблизиться, и уж тем более ни один нормальный человек не выбрал бы это здание для жилья. Если случится сильное землетрясение, дом, скорее, развалится до основания, срок эксплуатации уже истёк... Хотя, какие сроки, эта вечерняя школа обанкротилась из-за большой подготовительной школы у станции, наверное, самое большее пару лет назад. Это здание отличный пример того, насколько легко людские творения приходят к упадку, не пользуясь ими несколько лет. Так что это не совсем обиталище Ошино, он просто поселился там, можно сказать, даже незаконно занял. Кругом знаки «Частная территория», «Проход запрещён». Уже где-то два месяца, как он поселился здесь на весенних каникулах. Спит на партах, оставленных в развалинах, да бродит по городу целыми днями.

Бродит.

Да, на одном месте не задерживается.

Поэтому, хоть мы и идём к нему, окажется он внутри или нет — воля случая. У Ошино нет ни PHS, ни мобильного, так что встречу с ним, честно говоря, устраивает лишь сама госпожа удача.

От дома Камбару чуть меньше часа на велосипеде.

Конечно, для Камбару чуть меньше часа бегом.

Мы поглядели на эту вечернюю школу.

— Кстати, Арааги-сэмпай, когда вас укусил вампир, вы тогда впервые встретили... странности?

— Ну, вроде того.

Возможно, раньше просто не замечал.

По крайней мере, осознанно, это первый раз.

— Весенние каникулы, Сендзёгахара-сэмпай, а теперь я... Ничего определённого, но три раза подряд, словно намекает на что-то.

— Ох.

На самом деле с Ханэкавой и Хачикудзи это будет пять подряд, но исходя из защиты частной информации и в целях сохранения приватности, я решил скрыть данные факты.

— Один раз попробуешь, второй уже легче пойдёт, так говорят? Наверное, со мной так же.

— Тяжело, наверное.

— Не совсем... есть и хорошее. Благодаря встречам со странностями, благодаря этому необычному опыту, я многое осознал и даже многое получил, — сказал я, однако всё равно прозвучало будто обманываю себя и пытаюсь сместить тему разговора.

Вообще, «есть и хорошее», если вспомнить только опыт весенних каникул, я и сам понимаю, что просто уваливаю изо всех сил. Я с неловкостью почему-то глянул на левую руку Камбару, стянутую белой повязкой. Скрытое не видно, однако один раз увидев, даже за повязкой поймёшь какая неестественная у неё форма и длина. Наверняка она по несколько раз на одном месте туго накладывает повязку, чтобы было труднее понять, но...

— Я думала, раз вы с Сендзёгахарой-сэмпай три года подряд учились в одно классе, то в какой-то степени должны быть знакомы, но судя по вашему рассказу, вы, похоже, три недели назад только впервые заговорили друг с другом.

— Ну, вряд ли совершенно впервые, но... по крайней мере, если б она тогда не оступилась, я бы не заметил её секрета, ну, и тогда мы бы не стали встречаться. К тому же, не знай я Ошино, то не смог бы помочь Сендзёгахаре... В каком-то смысле это всё случайность. Удача... или неудача. Просто так получилось, что ты знаешь об обезьяньей руке, а я о вампире.

Год назад, когда Камбару узнала о секрете Сендзёгахары, скорее всего, она так легко смогла принять это, потому что уже знала о обезьяне, как я уже знал о демоне и кошке. Разница между Камбару и мной лишь в том, что я знаю Ошино, борца со странностями.

Так что ничего другого мне не оставалось.

Если б Камбару Ошино... нет, даже не Ошино, если б она знала какого-нибудь профессионала, который мог бы оказать помощь Сендзёгахаре, тогда бы секрет Сендзёгахары разрешился ещё год назад. И тогда сейчас на моём месте была бы Камбару? Если отбросить пол и возраст...

Случайность?

Судьба... простое совпадение.

— Я рада, что вы внимательны ко мне, но не стоит так говорить, Арааги-сэмпай. Сендзёгахара-сэмпай не такая. Не из тех, кто спутает любовь с благодарностью. Это просто самое обычное совпадение.

В голосе Камбару чувствовалась толика одиночества.

— И потому мне жаль. Когда Сендзёгахара-сэмпай отказала мне, я отступилась. Вы же побежали за ней, Арааги-сэмпай. Если есть между нами разница, то это не обезьяна и демон, не знакомство с Ошино, разница в этом.

— ...

— Критическая, — пробормотала Камбару.

А она, похоже, анализирует свои поступки... Совершенно противоположно представлению о бойкой и жизнерадостной спортсменке. Но думаю, мы с Камбару одинаково чувствуем себя виноватыми.

Как же так?

После разговора с Камбару, у меня такое чувство, будто эта вина вонзилась иглой мне в сердце. Думаю, ей не нужно было делать этого, но она продолжила свои слова.

Чувствую всё большую вину.

— Да... Но я правда рада, что проблема Сендзёганхары-сэмпай уже разрешилась. Наверное, будет странно, если я поблагодарю вас, но спасибо вам от всего сердца, Арараги-сэмпай.

— Это всё заслуга Ошино, а не моя... Хотя, нет, не так. Сендзёгахара спаслась лишь благодаря себе. Спасла себя своими силами.

Вот так.

Нельзя считать меня с Ошино.

Ни за что, только она...

— Вот как... Наверное. Но, можно вопрос, Арараги-сэмпай?

— Какой?

— Я понимаю, почему Сендзёгахара-сэмпай влюбилась в вас. Я так завидовала и отчаивалась, считала это нечестным... Да, я хочу понять. За что вы полюбили Сендзёгахару-сэмпай? Больше двух лет вы были обычными одноклассниками, даже не очень разговаривали друг с другом.

— Ну...

Трудно ответить на такой прямой вопрос. Более того, когда так просят ясную причину... Но тогда, в День матери, в том парке...

А, вот как.

Ясно.

Такова сущность моей вины?

— Почему ты спрашиваешь, Камбару?

— Хм. Если вас интересует лишь тело, то думаю, я могу занять её место.

— ...

Вот это заявление.

Камбару прижала обе руки к груди и приблизилась. Она не передела школьную форму, и в сочетании с практически дерзким несоответствием получалась обольстительная поза, сияющая странным очарованием.

— Думаю, я достаточно милая.

Сказала про себя.

— Думаю, если отрастить волосы, я буду женственной, а ещё у меня держится лоск кожи. К тому же, да, я давно занимаюсь спортом, потому у меня тонкая талия и стройная фигура. Мне говорили, что у меня изумительное тело, которая о которой мечтают все парни.

— Приди к тому, кто это сказал, и убей его.

— Это куратор клуба.

— Мир уже не спасти!

— Мне нельзя убивать. Мне ещё в соревнованиях участвовать.

«Так что?» — снова спросила меня Камбару.

Она не шутила, даже не сказала вполшутку, с самым серьёзным видом Камбару упорно ждала от меня ответа «да» или «нет».

— Я не шучу. Если захотите, я в любое время и в любом месте готова стать укэ для вашего сэмэ¹, Арараги-сэмпай.

— Сэмэ?! Укэ?! С чего я вообще должен хотеть такого?!

— М-м? Ох, ясно. Похоже, вы не знаете о BL, Арараги-сэмпай. Неожиданно.

— Не хочу и слышать о BL от своей кохай!

— М-м? BL это же boy's love?

— Знаю я! Я всё понял сразу!

Ох, я только осознал.

Когда убирался в комнате Камбару, среди книг, разбросанных по полу, заметил просто чёртову кучу обложек с яоем!

Но я не трогал, нет!

Я ничего не видел, ладно?!

— Всё поняли сразу? Я просто думала уточнить из-за вашей реакции. Тогда почему вы злитесь, Арараги-сэмпай? Я не хотела обижать вас, но, наверное, вы хотите быть укэ?

— Закончим об этом уже!

— Я нэко², так что не очень привыкла к сэмэ.

— М-м?.. Э, чего-то не понял.

Кошка?

Похоже, я ступил на опасную землю.

Чувствую, разговор словно стоит на тонком льду.

— Вообще, Камбару, почему парень и девушка должны изображать роли из BL? Не нужно так углубляться в это.

— Но, Арараги-сэмпай, я берегу свою девственность для Сендзёгахары-сэм...

— И слышать не хочу!

Лёд сломан, разговор ушёл ко дну!

Сендзёгахара Хитаги и Камбару Суруга вдвоём пытаются разбить мои фантазии о девушках?! Теперь я уверен, система безопасности моего сознания со всей решительностью утверждает, что вы действительно старые знакомые, Вальхалакомбо!

Я вздохнул, всем телом чувствуя, как счастье бесчисленными частичками бесшумно уплывает от меня на неподвластной человеку скорости.

Ох... ну серьёзно, от одних только щекотливых разговоров о всяких «интересует лишь тело» и о изумительном, своенравном и гибком теле, о котором мечтают все парни, у меня уже мозги плавятся... Хачикудзи, конечно, не по годам развит, но наш вчерашний разговор получился удивительно невинным и действительно весёлым... Мне дороги беседы с младшеклассницей.

Это уже край.

— При всём уважении, позвольте мне сказать вам кое-что дерзкое, Арараги-сэмпай. Как по-вашему вы войдёте в современное общество, если не можете наслаждаться непристойными разговорами со своей кохай? Вам стоит как можно скорее исправить свои детские фантазии о девушках.

— Не хочу слышать таких нравоучений!

И что вообще за непристойные.

Никакие другие не сойдут?

— Скажу вам так, Арараги-сэмпай, перестаньте так цепляться за это, из-за ваших дешёвых фантазий о добродетельной девушке с вами никто и здороваться не станет. Ничего не попишешь, даже девушек интересуют грязные разговорчики.

— Ух...

Прямо пробуждает другие фантазии о девушках... Но, думаю, в твоём случае и случае Сендзёгахары тут совсем другие обстоятельства.

— Ну так, Арараги-сэмпай, не продолжить ли нам разговор о том, плавки вы носите или семейнички?

— Мы вообще говорили о таком?!

— Ой? Неужели мы говорили о том, ношу ли я трусики под тайтсами?

— Неужто нет, Камбару-сан?!

От волнения даже вежливо заговорил.

— Т-так, тайтсы, выглядывающие из-под юбки это...

— Если и да, не нужно так удивляться. Тайтсы можно считать подвидом нижнего белья.

— Тем более, даже хуже! Это же значит, что постоянно показываешь всем свои трусики!

К тому же, когда ты... бежишь или прыгаешь, твоя юбка задирается как хочет!

— Хм. Если так говорить, мне кажется, это стильный дар от всех спортсменов.

— Нет, это извращенский эксгибиционизм!

— О, точно, вспомнила, мы говорили не об этом. Так я могу заменить Сендзёгахару-сэмпа...

— Стой, не пытайся вернуться к разговору, не прояснив до конца! Носишь или нет, давай уже разберёмся!

— Ох, давайте оставим эти вульгарный вещи, Арараги-сэмпай. Сущие пустяки же.

— Никакие не пустяки, нужно чётко разделить эксгибиционистка моя кохай или спортсменка!

Пусть и похотливо.

Но я продолжаю эту никудышную тему.

— Так, значит. Тогда почему бы не думать об это там: я и спортсменка и эксгибиционистка. Спортсменка для тех, кто думает, что спортсменка, эксгибиционистка для тех, кто думает, что эксгибиционистка.

— Не играйся тут со славами! «И х, и у, х для тех, кто думает, что х, у для тех, кто думает, что у», круто лишь для среднеклассницы, ты моя сестра, что ли?!

Мы достигли полнейшей никудышности.

Больше уже некуда.

— Но знаешь, Камбару. Если говорить серьёзно, то как бы ты не старалась, тебе не заменить Сендзёгахару.

— ...

Не заменить.

Я не остановился на этом.

— Ты не Сендзёгахара. Никто не может заменить кого-то, никто не может стать кем-то другим. Сендзёгахара это Сендзёгахара Хитаги, а Камбару это Камбару Суруга. Сколько ни люби, сколько ни тоскуй, сколько ни страдай.

— Да, — согласилась Камбару, помолчав. — Я согласна с вами, Арараги-сэмпай.

— Ага. Тогда хорош трепаться и пойдём. Прекратим уже это ненужную остановку. Я только что говорил со старшеклассницей, сложившей руки на груди. Нелепая картина.

— М-м. Я и не заметила.

— Заметь уж.

Тебе много чего нужно побыстрее заметить.

— Если не поспешим, то уже стемнеет, ночью не будет опасно? Твоя левая рука, в смысле.

— Да. Но пока есть солнце никаких проблем. По крайней мере, пару часов всё будет в порядке.

— Ясно... Значит, она активна только ночью, напоминает мой случай с вампиром...

Мы вместе с Камбару пошли вдоль сеточного забора вокруг здания, пока не нашли достаточно широкую дыру. Три недели назад я вошёл сюда с Сендзёгахарой, сейчас же я иду с Камбару.

Думал, что никакой связи и ничего общего.

И снова предопределение судьбы.

Встреча по велению чего бы то ни было.

— Смотри под ноги.

— Угу. Спасибо за заботу.

Я пошёл вперёд, чтобы расчистить дорогу для Камбару от разросшейся на воле травы. Если двор уже сейчас в таком состоянии, что же тут летом-то будет? Мы вошли в находящуюся на грани разрушения, даже, наверное, за гранью разрушения, вечернюю школу.

Полнейший бардак.

Кругом разбросаны и раскиданы куски бетона, пустые бутылки, трава и ещё черт пойми что. Здесь нет электричества, и здание уже погрузилось в вечерний сумрак, отчего казалось ещё более разрушенным, чем обычно. Раз у Ошино столько свободного времени, мог бы хоть внутри прибраться. Разве не уныло жить в таком месте?

И здесь всё равно получше, чем в комнате Камбару...

Сендзёгахара хмурилась на жуткое состояние здания и неопрятный вид Ошино, однако у Камбару, похоже, никаких проблем...

— Грязно. Ну и отвратительно. Если этот Ошино живёт здесь, то почему не прибирается?

— ...

Она жестка с другими в незнакомых местах.

Или, наверное, она как-то не осознаёт свой бардак... Я думал, это всё из-за уверенности в себе, но вдруг, у неё может быть и такая сторона.

Это не так, как у Сендзёгахары.

Она до ненормальности всё осознаёт.

Ошино обычно сидит на четвёртом этаже.

Я пошёл в темноту.

Чем дальше от входа, тем гуще мгла, я столько раз сюда ходил, знал же, что фонарик нужно прихватить. Я взял с собой конверт с деньгами от Сендзёгахары, то есть, чем бы не закончился разговор с Камбару, всё равно бы сюда пошёл, должен же был понимать.

Ну да ладно.

Сейчас мне уже не страшна темнота... так что, естественно, я мог и забыть.

Отголоски времени, когда был вампиром.

— ...

Я дошёл до лестницы и обернулся к боязливо идущей, словно ей дурно, Камбару. Похоже, темнота не идёт ей на пользу. Её обычно волевые шаги спортсменки теперь обратились

беспомощными, шаткими и опасливыми шажками. Думаю, будет жестоко заставлять её так подниматься по лестнице... Ладно левая рука, но вот если она ногу поранит... Когда я привёл сюда Сендзёгахару, то взял её за руку...

Тогда мы впервые с ней взяли за руки.

Ага... Но сейчас-то что делать? Камбару отказалась от поездки вдвоём на велосипеде, думаю, случай тот же, да и вчера я на собственной шкуре испытал насколько строги стандарты Сендзёгахары по поводу других девушек, так что...

— Эй, Камбару-кохай.

— Да, Арараги-сэмпай?

— Вытяни правую руку.

— Так?

— Отлично. Держись.

Я потянул её руку к ремню, который держал мои школьные брюки.

— Здесь лестница. Чтобы не упасть. Подниматься будем медленно, осторожно.

— ...

Как ни глянь, физического контакта нет, за измену не считается, идея прекрасная. Как по мне, пахнет софистикой, но по крайней мере есть чем оправдаться перед Сендзёгахарой.

— Вы добрый, Арараги-сэмпай, — сказала Камбару, потянув ремень, словно проверяя его прочность. — Вам не говорили? Вы хороший, добрый человек.

— Не хочу слышать таких обезличенных комплиментов.

— Искренне благодарна, что вы настолько внимательны к нашим отношениям с Сендзёгахарой-сэмпай, даже когда ведёте меня сквозь темноту. Я тронута такой заботой, даже не так вас ненавижу.

— Ты сейчас это вслух сказала...

Она жёсткая.

Обычно такого не заметишь.

И если и заметишь, то специально не скажешь... слишком стыдно, наверное. Максимум обернёшь всё в шутку.

— Арараги-сэмпай. Можно вопрос?

— Какой? Спрашивай что угодно, кроме про сэмэ и укэ.

— Ох, вы решили отложить на попозже разговор о сэмэ и укэ.

— Мы вообще о них говорили?!

— Мы ведь говорили о моих трусиках и эксгибиционизме.

— Вот только не надо повторять!

— Если честно, я хотела спросить не про пошлости.

— Да кто хочет-то?! Спрашивай уже, что хотела!

— Судя по нашим разговорам... Похоже, что вы ничего не рассказали обо мне Сендзёгахаре-сэмпай.

— А? Да нет, рассказал. Как бы я тогда по-твоему узнал о Вальхалакомбо?

Если точно, то само Вальхалакомбо я услышал от Ханэкавы, но если б Сендзёгахара лично не подтвердила, то я б так и не узнал об отношениях между Сендзёгахарой Хитаги и Камбару Суругой. Если б и смог догадаться, за рамки догадок это бы не вышло. Не стал бы и думать пытаться спрашивать Ханэкаву.

— Не об этом, о моей левой руке. Моей левой руке, которая напала на вас...

— А, ты об этом. Да, я ещё не рассказал... Прошлой ночью было не до того, да и к тому же я тогда не понимал ситуацию и не знал о твоей левой руке. Даже не до конца был уверен, что напала именно ты. Лишь предположение. Сейчас она думает, что я врезался в телефонный столб на велосипеде.

— Но там такие разрушения, всё в порядке?

— У меня тело вампира, потому мне нельзя обращаться ни в больницу, ни в полицию. Если кто-нибудь узнает, будут проблемы. Конечно, я не могуечно скрывать это от Сендзёгахары... Но думаю, это должна сказать ей ты, а не я.

— Я...

— Я не добрый и не хороший. Просто, ну, мысль такая...

Расчёт исподтишка.

Коварное малодушие.

Я ни за что не смогу...

— Хм. Ох.

На лестничном пролёте между третьим и четвёртым этажами оказалась Шинобу.

Ошино Шинобу.

Девочка с золотыми волосами под лётным шлемом, на вид около восьми лет, белая до прозрачности кожа, она сидела на лестничном пролёте, поджав колени к подбородку и обняв ноги. За исключением золотистых волос, она напоминала собой фигуру дзасики-вараси³.

От неожиданности я охнул.

Шинобу бездвижно глядела на нас, пока мы поднимались по лестнице. В её глазах читались сложные чувства: укор, строгость, желание что-то сказать, недовольство.

— ...

Я просто прошёл мимо.

Не оглянувшись, молча обошёл Шинобу и направился на четвёртый этаж. Ничего другого даже и в голову не пришло... Но почему она здесь, на лестничной площадке? С Ошино, что ли, поругалась?..

— Э... Эй, Арараги-сэмпай, что это за девочка? — слегка беспокойно, как бы невзначай спросила Камбару, когда мы дошли до четвёртого этажа.

Ну, думаю, будет бесполезно без каких-то объяснений сказать ей не обращать внимания на сидящую поджав колени к подбородку девочку в развалинах... Тем более сейчас часть тела Камбару превратилась в странность, возможно, она что-то почувствовала от Шинобу?

— Она такая миленькая!

— Ты за весь день такой радостной не была!

— Хочу обнять её... Нет, хочу, чтобы она обняла меня!

— Ты такая непостоянная!

Ты же не собираешься, нет?

К тому же, она ещё ребёнок...

— Просто держи это при себе...

— Но я не хочу иметь секретов от вас, Арараги-сэмпай.

— Больно ты откровенна.

— Откровенна?

— Нечего так реагировать! Мне теперь и многозначные слова нельзя использовать?!

Но это не ветреность, и юри она не только для Сендзёгахары... Она неоднократно бомбардировками пытается уничтожить все мои фантазии, не ограничиваясь фантазиями о девушках, я мысленно поклялся ни за что не знакомить её с Хачикудзи и с всё теми же мрачными чувствами сказал Камбару:

— Ну, это лучше не трогать.

Тень.

Вампира.

Шелуха.

Вампира.

Это та золотоволосая девочка, Ошино Шинобу.

Кошки нет, мышам раздолье.

— Хм-м. Ясно... жаль.

— Теперь у тебя самое печальное лицо за весь день. Мы уже пришли, Камбару. Так, теперь вопрос, здесь ли он... Если не окажется, то, наверное, придётся завтра идти. Моя жизнь на волоске.

— Извините...

— Я не хотел ничего такого сказать. Тебе не о чём волноваться.

— Нет, это нехорошо. Я должна как-то извиниться. Да, Арараги-сэмпай, какой ваш любимый цвет?

— А? Цвет? Ты дашь мне что-то? Ну, такого определённого нет, но если выбирать, то голубой, наверное.

— Вот как, поняла, — закивала Камбару. — Тогда в нашу в следующую встречу, я обещаю надеть голубое бельё.

— Не втягивай меня в свои извращения! Это же должно быть что-то для меня! Это просто твои неудовлетворённые желания!

На четвёртом этаже три класса. Все двери выломаны. Если Ошино здесь, то где-то в одном из них...

Я заглянул в первый — никого.

Заглянул во второй — он там.

— Опаздываешь, Арараги-кун. Я так тебя заждался, что едва не уснул.

Поприветствовал меня Ошино Мэмэ, развалившись на расстеленной на полу подкладке из картонных коробок такого цвета, будто они уже сгнили. Пол покрыт линолеумом с такими глубокими трещинами, что можно споткнуться или пораниться, если пройти по нему без ботинок. Как обычно его не заботила предыстория, он уже всё знал наперёд.

Измятая психоделическая гавайская рубаша, растрёпанные волосы, да и в целом грязноватый вид. Слова «чистота» и «свежесть» явно не из мира этого парня. Можно сказать, что его вид идеально подходит развалинам, но, если честно, не могу представить Ошино в каком-то другом облике, до того, как он поселился здесь.

Ошино со скучающим видом покачал головой.

И тут я заметил, что Камбару прячется за мной и, несмотря на то, что мы уже пришли, до сих пор держится за мой ремень, то ли от волнения, то ли опасаясь подозрительного Ошино.

— Вот те на. Ты сегодня с новой девушкой, Арараги-кун. Каждый раз приводишь разных, мои сердечные поздравления.

— Прекрати. Не повторяй одну и ту же фразу снова и снова.

— Ситуация такая же, почему бы не сказать то же самое? У меня не слишком много, что предложить. Хм? Снова девушка с прямой чёлкой. Судя по форме, одноклассница твоя? У тебя в школе других причёсок нельзя? Какая старомодная система, весьма забавно.

— Нет у нас таких правил.

Совпадение.

Или, хоть волосы у них и разной длины, но думаю, Камбару пытается подражать причёске Сендзёгахары. Не знаю причин такой причёски у Сендзёгахары, а Ханэкава, ну, наверное, символ её серьёзности. Такие дела.

— Так тебе всё-таки такие нравятся, Арараги-кун? Хм-м. Коль так, то я и Шинобу-тян так подстригу. У неё как раз отросли волосы, пора бы и подстричься. Приведи в следующий раз девушку с каре, Арараги-кун. Наверное, это бесполезно, но я не оставлю надежду.

— Я видел Шинобу на лестнице. Почему она там?

— А, Шинобу-тян дует, что я съел один её пончик из Mister Donut. Она со вчерашнего дня такая.

— ...

Что это вообще за вампир.

И что ты вообще за взрослый.

— Я, проглотив обиду, уступил ей Пон де ринг, но Шинобу-тян такая жадная. Стоит научить её ставить качество выше количества.

— Да неважно... реально неважно. Но я тебя поправлю, Ошино. Она не моя одноклассница. Приглядишься, у неё же цвет галстука отличается от ханэкавиного и сендзёгахариного? Она на год младше, зовут Камбару Суруга. «Камбару», «神» из бог, а затем «原» из «поле», читается «бару». А Суруга... э-эм...

Блин.

Я знаю кандзи, но объяснить трудно...

У Арараги Коёми действительно не очень с японским.

— Первые два кандзи из суругадои, — пришла на помощь Камбару.

Отлично... Но что за суругадои? Слово незнакомое, но явно где-то слышал, это из какой-то известной викторины? Загадка из разряда вопросов Сфинкса...

— А, суругадои. Понятно, — понимающе закивал Ошино.

Чёрт... Если б он не знал, ей пришлось бы объяснить... Я разлепил губы и, чувствуя неловкость от того, что до сих пор не понимаю, спросил Камбару:

— Что такое суругадои?

— Известная пытка периода Эдо. Человеку связывают ноги и руки сзади и подвешивают к потолку, потом кладут тяжёлый камень на спину и раскручивают.

— Не объясняй своё имя пытками!

— Хочу, чтоб меня однажды так связали.

— !..

Юри-BL-нэко-укэ-мазохистка-лоликонщица!

Невообразимое сочетание...

Звезда моей школы тронулась и без всяких противоречивых слухов.

У меня нет слов.

— В общем, Камбару Суруга.

Напряжение ушло из разговора, и Камбару наконец отпустила ремень и вышла из-за моей спины, а затем со своей обычной непоколебимой уверенностью в себе приложила правую руку к груди и представилась.

— Кохай Арараги-сэмпая. Приятно познакомиться.

— Приятно познакомиться, барышня. Ошино Мэмэ.

Камбару улыбнулась.

Ошино ухмыльнулся.

На вид улыбнуться и ухмыльнуться довольно похоже, однако, если приглядеться, впечатление оставляют совершенно разное, я бы даже сказал, противоположное. Остро чувствовалось, что это не обычная ухмылка. Ошино звонко рассмеялся в своём стиле, однако настолько звонко, что стало наоборот даже неприятно. Всё это казалось фальшивым и напускным.

— Хм-м. Если ты кохай Арараги-куна, то и кохай Цундере-тян, так? — спросил Ошино, вглядываясь вдаль, словно что-то видел за спиной Камбару.

Будто не очевидно, что раз мы с Сендзёгахарой оба третьеклассники, то Камбару и её кохай тоже.

Хотя, может, я слишком накручиваю.

— Ошино, сперва вот, я тут принёс тебе. От Цундере-тян, Сендзёгахары.

— М-м? Конверт? А, деньги. Деньги-денюжки. Прекрасно, у меня как раз мало осталось. Хотя я мог бы терпеть до сезона дождей. Уж думал, придётся дожидаться дождя, чтобы смочить горло.

— Оставь свои грязные рассказы чувствительным детишкам.

У них так всё плохо, что они дерутся за пончики из Mister Donut... Понятно, почему Шинобу сердится. Хотя она и вампир, но родилась в знатной семье. А сейчас она живёт вместе с бомжеватого вида мужиком в этих развалинах, куда уж ниже... Сложные чувства об этом всё...

Ошино проверил содержимое конверта.

— Угу, ровно сто тысяч. Теперь между мной и Цундере-тян всё чисто. Передала через тебя, а не отнесла лично, ну разве не мило? Цундере-тян, похоже, смекает, что к чему.

— Разве не наоборот? Типа отдать самому будет искренней и благодарней...

— Пришла она сама или нет, разницы нет. Ну, я не собираюсь спорить тут с тобой, Арараги-кун, мы так ни к чему и не придём. Так... что с этой девочкой?

Ошино беззаботно запихнул конверт в карман рубахи (смяв новые хрустящие банкноты) и подбородком указал на Камбару.

— Ты же не привёл её сюда, чтобы просто познакомить меня со своей миленькой кохай. Или может, ты просто пришёл сюда похвастаться, Арараги-кун? Коль так, то я недооценивал тебя как мужчину... Ха-ха, как ни крути, сложно представить такое от тебя. Ну что ж... М-м, ох, эта повязка? Ха...

— Ошино-сан. Я... — начала было что-то говорить Камбару.

Ошино медленно помахал рукой, останавливая её.

— Разберёмся по порядку. На весёлую историю не смахивает. У меня всегда так с историями с руками. Тем более, когда рука левая.

Примечания

1. В яое укэ - персонаж, принимающий пассивную роль в сексе, сэмэ принимает активную.
2. Пассив в юри, с японского - кошка.
3. В японском фольклоре — домовый дух, ёкай. По функциям близок русскому домовому.

Во время уборки в комнате Камбару Суруги среди всяческих упаковок еды быстрого приготовления, пакетов чипсов и смятых банок из-под газировки лежал один тонкий продолговатый деревянный ящик. Судя по цвету, довольно старый, и, наверное, из-за небрежности Камбару, весь в вмятинах, однако выглядел он внушительным и массивным. Я думал, там внутри, наверное, какая-нибудь старинная редкость, может, ваза какая. Учитывая величие этого японского дома, ничего удивительного в этом бы не было.

Однако.

Ящик был пуст.

Конечно, только из-за этого я не мог посчитать его мусором, потому положил его сверху кипы картонных коробок, но, когда дело дошло до рассказа, Камбару потянулась за ящиком и поставила его между нами. А затем спросила, что, по-моему, было внутри. Я ответил, что, наверное, какая-то ваза.

— Даже Арараги-сэмпай может ошибиться... Может, это и грубо, но у меня прямо камень с плеч. Спасена. Такое чувство, что смогла подсмотреть в вас обычного человека, Арараги-сэмпай.

— Так что было внутри?

— Мумия, — мгновенно ответила Камбару. — *Левая рука мумии.*

— ...

Деревянный ящик с левой рукой мумии внутри.

Впервые Камбару использовала руку в начальной школе. Восемь лет назад, когда Камбару ещё училась в третьем классе начальной школы, её мама доверила ей этот ящик.

И это оказался последний раз, когда она видела маму.

Её мама словно предчувствовала, что через несколько дней после этого погибнет вместе с мужем в автокатастрофе. Камбару сидела на уроке математики в школе, а её родители в это время мгновенно умерли в столкнувшейся словно бильярдные шары куче авто на отдалённом шоссе. Автомобиль загорелся, и тела было практически не опознать.

Камбару забрали бабушка и дедушка по папиной линии.

Забрали в этот дом в японском стиле.

До этого она с мамой и папой жила отдельно, наверное, это был брак против воли родителей. Неблагословлённый брак. Её отец из большой семьи с историей и традициями, а её матери совершенно нечего противопоставить этому... вот так. Я задумался, действительно ли такое возможно в наши дни, но Камбару сказала, что это нередкое явление.

— Мама была сложным человеком. А папа... Он словно пытался идти против течения, но всё бесполезно. Они практически не общались с семьями. На самом деле до похорон родителей я ни разу не встречалась с бабушкой и дедушкой. Я не знала, как их зовут, а они — как меня. Первое, что они спросили, это моё имя.

— Хм-м...

Сверху вода, снизу огонь.

О родителях можно совсем не волноваться.

Вот как, значит?

Несмотря на вражду с её матерью, Камбару — единственная дочь их сына, другими словами, их внука. Конечно же, они забрали её, так что, естественно, Камбару переехала и перешла в другую начальную школу.

И похоже, не смогла освоиться.

— Мы говорили по-разному. Сейчас мне кажется, что мама с папой специально выбирали место подальше от этого дома: мы жили на окраине Кюсю, там сильный диалект... Меня дразнили, хоть и не до откровенных издевательств, но я всё равно не могла ни с кем подружиться.

— Э-эм... Это была не та начальная школа, в которой училась Сендзёгахара?

— Нет. Я встретила её с ней в средней школе.

— Ясно.

Ну, судя по адресу, так и должно быть.

И наверняка не та школа, в которую ходила Ханэкава.

— Знаете, не сказала бы, что нет моей вины за ту дисгармонию с другими. Очевидно, но смерть родителей сильно повлияла на меня. Из-за этого я закрылась в себе. Не думаю, что можно сказать другим быть добрее ко мне, когда закрылась в себе. Такое я могу сказать лишь сейчас, тогда меня глубоко охватила потеря мамы с папой. Но я не могла и погрузиться в воспоминания о них. Не могла даже предаться воспоминаниям. Бабушка с дедушкой убрали все мамины и папины вещи. Думаю, они хотели воспитать меня так, чтобы я не пошла по примеру своих родителей. Но уверяю вас, — говорила Камбару. — Бабушка и дедушка — прекрасные люди, я глубоко их уважаю и искренне благодарна за воспитание. Они никогда не втягивали меня в свои споры с моими родителями.

Вот как.

Для вражды прошло слишком много времени.

И потому все воспоминания о родителях, что остались у Камбару, это её память и этот деревянный ящик, которой ей доверила мама.

Он был крепко закрыт.

Но тем не менее ей не говорили не открывать его.

И она открыла.

Левая лапа мумии.

Однако в то время лапа *была лишь по запястье*. Вместе с ней в ящике лежало письмо её матери. Ну, если быть точным, до письма немного не дотягивает — скорее, просто инструкция к лапе.

Артефакт, исполняющий желания.

Исполнит любые желания.

Любые три желания.

Такой вот предмет.

Тогда она уже перешла в четвёртый класс начальной школы — где-то десять или девять лет, в общем, тот тонкий возраст, когда веришь и не веришь в подобные сказки. Одновременно продолжаешь и уже перестаёшь верить. Где-то в этом возрасте половина детей уже не верит в Санту, да? Или это всего лишь иллюзии с высоты моего возраста?.. По крайней мере, в четвёртом классе начальной школы я уже не верил в Санту, хотя верил в секретные инструменты Дораэмона.

Камбару — прямо на границе.

В общем, с сомнением, без особого волнения, словно при проверке чар из журнала для девочек, она «попросила» мумию.

Первое желание может быть каким угодно.

Если это обычные «чары».

Просто для проверки.

— Я уже решила, что загадаю, если первое исполнится... — проговорила Камбару.

Но это и так ясно.

Это желание о родителях.

Желание вернуть их к жизни.

«Хочу быть быстрой».

Пожелала четвероклассница начальной школы Камбару Суруга мумии. В те времена она бегала медленно... Помимо диалекта, одноклассники её дразнили и из-за этого. Если подумать с позиции старшекласника, то причина такая же дурацкая, как и диалект, но для младшеклассницы медленно бегать несравнимо серьезней и ужасней. Как раз в то время по случаю в её школе проходила спартакиада, и Камбару пожелала, надеясь, что если она возьмёт первое место в беге, то мнение о ней изменится.

— Тогда у меня были проблемы с двигательным нервом. Я двигалась вяло, даже мешкотно, падала от простой ходьбы.

— Хм-м... Но сейчас-то...

Ас баскетбольного клуба.

Звезда.

— Может, тогда...

— Хорошо, если так. Однако, — сказала Камбару. — Той ночью я видела сон. Сон, в котором детей избивает *чудовище в дождевике*. *Левая рука* чудовища безжалостно била детей, спящих в футонах, вот что я видела.

— ...

— Думаю, вы со своей интуицией уже догадались о концовке этой истории. На следующий день я проснулась и пришла в школу — тех четверых не оказалось. Те самые четверо, с которыми я должна была бежать на спартакиаде.

Обезьянья лапа.

Говорится, что обезьянья лапа исполнит желания владельца.

Говорится, что она, впрочем, не особо считается с его намерениями...

— Я ужаснулась. Я побежала в библиотеку, чтобы узнать об этой мумии, и тут же наткнулась на «Обезьянью лапу» Джекобса. Я задрожала от страха... если я загадаю второе желание, даже представить не могу, что вообще случится. Эти четверо могли даже умереть... но к счастью, ничего серьезного с ними не произошло.

Камбару положила мумию обратно в коробку, закрыла ещё крепче, чем раньше, и положила в дальний угол шкафа.

О втором и третьем желаниях не могло быть и речи, она хотела всё оставить позади. Хотела всё забыть.

Но.

Не получилось.

Как бы она не хотела, забыть у неё не вышло. До спартакиады ещё оставалось время, так что на следующий день, во время тренировки, Камбару решила записаться в другую группу.

Теперь пять человек.

Другие пятеро, с ними она побежит.

— И что случилось, по-вашему?

— ...

— Что-то хорошее?

И без её подталкиваний, понятно, что случилось — это ясно как день. Случилось то же самое... повторилось. Если так рассудить, то нужно было загадать желание мумии — желание, чтобы отменить первое желание. Но она боялась. Уже знала о ней и боялась. Она не считается с намерениями владельца, неизвестно, не исполнит ли она и второе желание так же.

Поэтому Камбару бежала.

Бежала и бежала, и бежала.

Потому что была медленной.

Старалась изо всех сил, чтобы стать быстрой.

— Оставалось лишь самой исполнить желание. Тогда мумия не станет нападать на моих одноклассников. К счастью, у меня практически с самого начала стало хорошо получаться — ноги я не ранила и толстой не была, так что физически мне ничего не мешало, и несмотря на проблемы с двигательным нервом, у меня получилось. На спартакиаде я легко взяла первое место... А после я подружилась с парой ребят из моего класса. Всё-таки это потребовало некоторое время.

И Камбару, успешно исполнив желание своими силами, после той спартакиады больше не ослабляла усилий. Наверное, грубо будет сказать, что у неё талант с рождения, но всё-таки её громадные усилия расцвели в ней невиданной удаей, и уже в шестом классе начальной школы Камбару приходили приглашения из легкоатлетических клубов средних школ.

Однако Камбару не могла вступить в клуб лёгкой атлетики. Она не могла пойти туда, *где могут быть люди быстрее её*, неизвестно сколько будет длиться эффект первого желания. Возможно, всё закончилось, когда она заняла первое место на спартакиаде, но возможно, это будет продолжаться всю жизнь. Подтвердить невозможно. Даже больше, она содрогалась от одной возможности подтвердить.

В случае Камбару.

Она уже тогда понимала, что длинные дистанции ей не потянуть, марафон средней школы совсем другое дело по сравнению с начальной. А если будут люди хоть немного быстрее, то всё повторится снова.

Поэтому в средней школе Камбару вступила в баскетбольный клуб, никому не превзойти её на небольшом ограниченном кортом поле.

— Можно, конечно, было выбрать никуда не вступать и не тренироваться, но тогда в нужный момент меня может подвести тело, тренировки всё-таки многое давали. Если бы я перестала заниматься, меня бы обошли. Меня можно назвать спортсменкой, но на самом деле это не такая уж правда, наверное. Мной движет лишь страх.

Но.

Баскетбол ей понравился.

Она его полюбила.

Место, где она могла с полной пользой использовать натренированные в тяжком труде ноги. Место, где она могла, помимо всего прочего, нет, скорее это и было целью, убежать своими натренированными ногами от мумии.

К тому же.

Став асом команды...

Она встретила с Сендзёгахарой Хитаги.

— Сендзёгахара-сэмпай тогда была асом клуба лёгкой атлетики... Я была очень быстрой, потому она пришла посмотреть на меня. Она, наверное, уже забыла... а если и помнит, наверное, считает это чем-то неважным, но она первая подошла ко мне.

— Да?..

Слегка удивлён.

Даже для Сендзёгахары времён средней школы это удивительно.

— Она меня вызвала на дружескую стометровку. Я едва смогла ей отказать. Она была прекрасным сэмпаем. Я не влюбилась с первого взгляда, но полюбила Сендзёгахару-сэмпай уже на третий день нашего общения. Я хотела быть рядом с ней. Она исцелила меня.

Исцелила.

Это слово так же далеко от нынешней Сендзёгахары, как Плутон от Солнца, но встретив Сендзёгахару, Камбару действительно перестала думать о деревянном ящике в дальнем углу шкафа, о мумии, доверенной ей матерью.

Смогла забыть.

Смогла забыть то, что хотела забыть.

Однако.

— Это всё равно оставалось на дне сознания, где-то даже в подсознании. Похоже я несколько раз хотела воспользоваться мумией. Хотела положиться на мумию. Например, когда на баскетбольном матче мы выходили против команды профессионалов. Например, когда сильно поссорилась с другом. Или, когда, например, пыталась поступить в Наоэцу, чтобы учиться с Сендзёгахарой-сэмпай... Например, когда Сендзёгахара-сэмпай отказала мне.

Но всё это она выдержала.

Сделала со всем этим что-то своими силами.

Или просто оставила это.

Тогда Камбару и поняла, почему мама доверила ей этот ящик — чтобы в тяжёлых ситуациях её дочь умела справиться с трудностями лишь своими силами. В отличие от истории «Обезьянней лапы», где лапа учила покорности судьбе, эта лапа учила самому изменять свою судьбу. Её мать переняла это от своей матери, та от матери своей матери, та от матери матери своей матери, а та от матери... можно продолжать бесконечно. Судьбу можно изменить своими силами, своими силами можно исполнять свои желания. Потому и скорость и ум она приобрела сама.

Она не с рождения такая.

Трудилась до кровавых мозолей.

И всё это время осознавала.

Поэтому.

Загадай желание, Камбару, наверное, смогла бы разрешить проблему, секрет Сендзёгахары, но она этого не сделала.

Промолчала.

Сама отступила.

Забыла даже о «быть рядом».

Сжала кулаки, плотно сомкнула зубы и забыла.

Ради Сендзёгахары готова умереть.

Камбару Суруга чётко сказала это.

Она убила себя ради Сендзёгахары.

Убила свои чувства.

То, что не хотела забывать.

То, что не могла забыть... забыла.

— Но в этом году... я узнала о вас, Арараги-сэмпай. Узнала, кто вы. Увидела вас рядом с Сензёгахарой-сэмпай.

И не смогла перетерпеть.

Не смогла что-то сделать с этим.

Не смогла забыть.

Когда она открывала шкаф, когда доставала ящик, когда снимала печать, когда загадывала желание мумии, Камбару ещё не понимала, что *лапа, которая должна быть длиной по запястье, выросла до локтя*, она не думала об этом, и потом заметила.

Её левая рука превратилась в странность.

Рука стала лапой зверя.

Камбару...

Впервые за семь лет ужаснулась.

— А затем ты начала таскаться за мной... И каждый раз спрашивала не приключалось ли чего странного за сегодня.

Так это так нужно было понимать?

Это не пустая болтовня.

Она не пыталась выведать о Сендзёгахаре... Она волновалась обо мне, из-за этой скрытой повязкой руки, которой она уже не могла играть в свой любимый баскетбол и которую никому не хотела показывать?

Однако на четвёртый день.

Ночью четвёртого дня.

Это случилось.

Камбару увидела сон...

Сон, в котором на меня нападает чудовище в дождевике.

Потому-то, когда я сегодня пришёл к классу 2-2, Камбару встретила меня там со спокойным видом.

Она всё уже поняла.

Что произошло.

Подоплёка совершенно отлична от моего первого суждения.

Я понимал, что здесь имела место странность, но ожидания Камбару мне были не ясны... Да, это всё мумия.

Говорится, что обезьянья лапа исполнит желания владельца.

Говорится, что она, впрочем, не особо считается с его намерениями...

Чтобы она могла быть рядом с Сендзёгахарой, нужно устранить её нынешнего парня, Арараги Коёми, это будет самый быстрый метод, так посчитала мумия.

Похоже, так.

Эти страшные преследования...

Однако предчувствия Камбару не ошиблись.

Если посмотреть трезво, то если б это был не я... не Арараги Коёми, не человек с бессмертным телом вампира, то всё кончилось бы убийством. Я бы не смог увернуться от первого и второго ударов, а если б и смог, то третий всё бы завершил. Такая невероятная мощь, такая разрушительная мощь. Полагаю, в начальной школе травмы не получились такими серьёзными из-за того, что тогда у неё было тело четвероклассницы, ну, Камбару всё-таки не очень хорошо двигалась тогда, сегодняшняя же Камбару это совсем другое дело. Иронично, тело, закалённое тренировками, чтобы избежать исполнения первого желания, нанесло куда более серьёзные травмы при исполнении второго. Она использовала лишь левую руку для ударов, но вся эта скорость, неподвластная глазу, — это мощь Камбару Суруги. Её повышенная мощь.

Разрушительная мощь.

Грубая сила.

И.

Проблема не исчерпала себя. Покуда я жив, она не закончится. Зайдёт солнце, и на меня снова нападёт чудовище в дождевике, а Камбару увидит сон об этом.

И это будет повторяться и повторяться, покуда я не умру.

Покуда не исполнится мечта.

Покуда не сможет исполниться желание.

Покуда не сможет исполниться второе желание Камбару.

Быть рядом с Сендзёгахарой Хитаги.

И хоть Камбару желает лишь этого...

— «В дом мой родной / людей тьма нахлынула / тяжело быть здесь / но знаю всем сердцем я / тебе всегда рады, друг»...

— А? — Камбару удивилась моей внезапной цитате. — Что это?

— Да так... Просто задумался, как примет нас тот, с кем сейчас встретимся...

И.

Мы поужинали и, не сменив одежды, я на велосипеде, Камбару — бегом, направились в отдалённую от спального района вечернюю школу, в которой обитают Ошино Мэмэ и Ошино Шинобу.

И наконец сейчас.

Сейчас.

На четвёртом этаже мы с Камбару стоим напротив Ошино. Рассказ закончился, но Ошино никак не реагировал и просто глядел на люминесцентные лампы, подвешенные к потолку (электричества, естественно, нет, так что они там просто висят), в середине рассказа он зажал во рту незажжённую сигарету и теперь тихо покачивал ей вверх-вниз... и молчал. Мы уже рассказали всё, что могли, включая и про Сендзёгахару, и предложить нам больше было нечего...

Почему-то чувствовалась неловкость.

Обычно он такой болтливый, будто из языка родился, но когда он вдруг замолкает с таким видом, понимаешь: у Ошино Мэмэ действительно затруднения... На самом деле, наверное, просто невероятно увидеть этого весельчака таким мрачным.

— Повязка, — вскоре Ошино наконец заговорил. — Не снимешь её, девочка?

— А, да...

Камбару мельком, словно ища помощи, глянула на меня. Я сказал ей, что всё в порядке, чтоб она расслабилась. И она размотала повязку. Мягко.

А затем показалась её звериная рука.

Камбару задрала рукав и вытянула руку. Она согнула локоть, словно показывая, где заканчивается звериная и начинается человеческая, затем шагнула и спросила Ошино:

— Так?

— Да, сойдёт. Ясно. Как и думал.

— Как и думал? Что ты там придумал, Ошино? Тебя со стороны вообще не понять, вечно ты со своими постоянными намёками. Неужто разыгрывать всемогущество так весело?

— Не наседай, бодрый ты больно. У тебя праздник какой, Арараги-кун?

Тут же он выплюнул так и не зажжённую сигарету (хотя, не припоминаю, чтобы видел его с зажжённой), а затем ухмыльнулся мне как обычно.

— Арараги-кун, да и девочка. Для начала развею небольшое недоразумение. Это не обезьянья лапа.

— Что?

Ошино вдруг опрокинул всё наше вступление. Я в шоке. На лице Камбару тоже отразилось удивление.

— У обезьяньей лапы Джекобса столько вариаций, что на самом деле не поймёшь, на оригинал ты смотришь или нет, однако ни разу не слышал, чтобы она сливалась с рукой владельца. Если б обезьяна девочки была как краб Цундере-тян, то мы бы душевно посидели за какой-нибудь японской легендой, однако ничего такого нам не светит. Девочка, ты сама выясняла? Нет же такой истории, где обезьянья лапа сливается с рукой владельца? Если есть, то прошу простить моё грубое невежество.

— Я тогда в начальной школе была...

— Да и ладно. Но почему ты посчитала её обезьяньей лапой? Думаю, твоя мама никогда не говорила тебе ничего такого... Ну, вероятно, это из-за выполненных условий.

— Условий? Какие ещё?

— Те два пункта, Арараги-кун. Обезьянья лапа — предмет с историей. Говорится, что обезьянья лапа исполнит желания владельца. Говорится, что она, впрочем, не особо считается с его намерениями... так же?

Ошино расплылся в неприятной улыбке.

Злая улыбка.

Или скорее, гнилая.

— Такое толкование удобно девочке, нет, должно быть, оно даёт ей облегчение? Ну да разницы никакой. Это точно не обезьянья лапа, изначально это была мумия, так? А затем она ожила, слившись с девочкой, так вот. Тогда поздравляю, это Ненастный дьявол.

— Ненастный?..

В ответ на мою реакцию Ошино крикнул и, не давая мне времени, повёл разговор дальше:

— Арараги-кун, ты читал «Фауста»?

— Э?

— Судя по реакции, нет. Похоже, о самом существовании не знавал. А я и не удивлён вовсе. Уже привык к твоим вечным переспрашиваниям, Арараги-кун. Что насчёт тебя, девочка? Читала?

— А, э-эм...

Внезапный вопрос ввёл Камбару в ступор, однако она тут же, словно выработанным рефлексом ответила:

— Нет, я не особо старательная и ещё не читала. Но, конечно, знаю краткое содержание и события истории.

— Ясно. Ну, достаточно и краткого содержания. Ага. Обычно старшеклассники где-то это и знают. Ох, стыдоба, Арараги-кун.

— Не издевайтесь над Арараги-сэмпаем! Любой может о чём-то не знать! Арараги-сэмпай просто не из тех, кто ставит чтение во главе жизни!

Камбару вдруг взорвалась и закричала на Ошино. Тот от такой внезапной реакции рассеянно перевёл взгляд на меня, словно желая объяснений.

Я мог лишь опустить глаза.

Камбару...

Я так счастлив, что кто-то заступился за меня... Никогда бы не представил, что кто-то так ярко станет защищать меня, но почему я почувствовал себя идиотом, когда она закричала на Ошино?..

— Камбару... давай остановимся на этом. Это, конечно, очень весело, но если ты станешь так реагировать каждый раз, когда Ошино будет подшучивать надо мной, мы с места не сдвинемся...

— Хм. Ясно. Мудрые слова мудрого человека, который со всеми обходится беспристрастно. Если честно, такой низкоморальной раздражительной особе, как я, трудно принять это, но, если это сказали вы, Арараги-сэмпай, я проявлю всю волю в дисциплине.

Камбару кивнула и склонила голову перед Ошино.

— Извините.

Словно ребёнок.

Послушный ребёнок.

— Да неважно. Было забавно. Но даже с такой рукой, ты сама бодрость, девочка. У тебя праздник какой? Так вот, «Фауст». Иоганн Вольфганг фон Гёте, писатель движения Бури и Натиска, и кульминация его творчества — драма «Фауст». Ну а по теме... Девочка, раз ты знаешь, то может, поведаешь Арараги-куну?

— М-м, хорошо.

Камбару с неуверенностью посмотрела на меня.

Во взгляде читается лёгкое извинение.

Она мне также объясняла и содержание «Обезьяньей лапы» Джекобса, но, похоже, Камбару Суруге как-то не по себе, когда ей приходится объяснять что-то кому-то, кого она уважает.

Настоящая спортсменка.

— Это кульминация творчества Гёте, как и сказал Ошино-сан... Да, для удобства она разделена на две части. «Профауст» и «Фауст. Отрывки», первая и вторая части соответственно. Гёте работал над замыслом на протяжении шестидесяти лет, это его главный труд. Восхищаюсь автором. У Гёте, конечно, есть и другие хорошие произведения, вроде «Страдания юного Вертера» или «Избирательное сродство», но главнейшим всё-таки считается «Фауст». Главный герой, Доктор Фауст, продал душу демону Мефистофелю, если коротко, то это история о попытке получить всеобъемлющие знания. Подробно я не могу рассказать, чтобы не спойлерить, но тема первой части это любовные отношения с простой горожанкой Маргаритой, а второй — попытка построить идеальное государство. «Фауста» традиционно относят к философским произведениям или к произведениям о поиске знаний. И вы наверняка знаете, Арараги-сэмпай, но есть выражение «фаустовский человек», так говорят про человека, одержимого жаждой новых знаний и опыта.

— ...

И почему моя спортсменка-кохай считает, что её сэмпай, который не знает про самого «Фауста», знает про «фаустовского человека»?

— Продал душу бесу, вот соль истории, доктор Фауст продал душу, чтобы исполнить своё желание «фаустовского человека»... А чем это закончилось ты узнаешь, когда сходишь в книжный, Арараги-кун. Ну вот так. Объяснения девочки дали тебе общее представление, и если ты понял, то мне будет легче продолжать. Впечатлён, что ты так красноречиво расписала произведение, которое не читала. Я бы мог кое-чего добавить, удивительно, что этого не знают... Ну, это можно найти и в комментариях Гёте, но на самом-то деле никому никакого дела до классиков. Это к тебе не относится, девочка, но многие сейчас не считают нужным прочитать известную книгу, словно стесняются прочитать непрочитанное. Потому ничего не поделаешь, что ты не знаешь, в общем, история «Фауста» основана на реальном человеке.

— Что? Правда? — удивилась Камбару.

Её сэмпая, незнающему про самого «Фауста», не понять, что её так поразило.

— Иоганн Фауст. Говорят, он жил в эпоху Ренессанса или Возрождения, если по-другому... Ну, я сказал, что это реальный человек, но о нём ходит столько разных слухов, что он впоследствии стал частью фольклора. Он вёл жизнь бродячего алхимика и доктора, продал душу Мефистофелю и в обмен на все возможные знания и весь возможный опыт пообещал бесу стать врагом церкви. А затем двадцать четыре года жил в духе «фаустовского человека», пока однажды договор не был исполнен, и он не встретил трагический конец. Погляди на досуге, всё описано в «Докторе Фаусте».

— Хм-м... Так, значит?

Камбару восхитили познания Ошино. Ну, каким бы этот «Фауст» не был, раскусывать легенды это по части Ошино, так что ничего удивительного в некоторых отсылках, но чувствуется мне, после этого она и Ошино восхлавлять начнёт. Понятия не имею, какие у Камбару планки на этот счёт. Но она, вроде бы, не из тех, кто сыплет комплименты направо-налево без разбору...

— Я думала, что всё это выдумка Гёте. Так он основывался на легендах?

— Ну, Гёте добавил кое-что от себя, так что это скорее можно назвать гётевской версией «Доктора Фауста». Это как «Беги, Мелос!» Дадзая или «Расямон» Акутагавы. Впечатление от акутагавовского «Расямона» и Кондзяку моногатари довольно разные, не правда ли? Кроме Гёте много разных людей интерпретировали легенду Фауста. Довольно известный из них Марло из Англии. Знаешь Марло? Я не про Филипа Марлоу Раймонда Чандлера. Кристофер Марло. Многие считают его учителем Шекспира, короче, «Доктор Фауст» его работа.

— Немного забавно, что Фауст врач, — с тонким смущением проговорила Камбару.

— А? — слегка изумился Ошино, похоже, он не совсем понял её смущения.

— Но... Ошино.

Что-то мне кажется мы начали отходить от темы, и я до сих пор не совсем понимаю про «Фауста», так что я попытался вклиниться в разговор Камбару и Ошино.

— Так что с этим такого? Долгая неторопливая беседа это всегда прекрасно, но я до сих пор не понимаю, как это связано с Камбару. Мы не увлеклись с этим Гёте? Может, обезьянья лапа как-то и похожа на демона, исполняющего желание в обмен на душу, но рука Камбару это же не рука этого Мефистофеля из «Фауста»? Если не обезьянья лапа, а рука дьявола, то...

— Нет, всё именно так, Арараги-кун. Больно ты активный сегодня.

Ошино.

С важным видом указал на меня.

— Рука дьявола хорошо подходит девочке, в фамилии которой кандзи «бог», да само это прямо «Обезьяна и краб», не хватает только Потеряшки-тян. Чувствуется прямо какой-то намёк. Конечно, Мефистофель не какой-то там особый страшный демон, самый банальный бес. Низкоуровневый, а может вообще без уровня, существо в форме фамильяра. Здесь

трудновато определить изначальный тип, но если бес в дождевике с лапой обезьяны, то это определённо сузит круг поисков, а если он ещё и сливается с владельцем, то это Ненастный дьявол.

Ненастный дьявол.

Дождливый бес.

— Это не обезьянья лапа, а рука беса. Ха-ха, если так подумать, то разве всё не становится проще? Почему обезьяна исполняет желания, не забирая ничего взамен? Если спросить почему обезьянья лапа исполняет желания, то ответом будет потому что её так заколдовал один старый факир из Индии, но если это бес, то это объяснение не сойдёт, не так ли? Он исполняет желание в обмен на душу.

— Душу...

— Исполнит три желания в обмен на душу. Обычное дело для бесов.

Ошино хмыкнул.

Снова издевается.

— И вообще, обезьянья лапа правая, а не левая.

— Правда?..

— Обезьянью лапу используют зажав в правой руке. Само собой она будет правой. А рука беса? Даже если это и не системный демон, это удивительно. Наверное, встреча Арааги-куна с вампиром даже более удивительна... Однако бес подобного рода в Японии — штука поразительная. Интересная вещица в коллекцию. Ну, в Японии и своих ёкаев, исполняющих желания через руку, хватает. Немного из того же ряда, что и Староста-тян, Цундере-тян и Потеряшка-тян... это город действительно занятный. Как бы вы в конце Эмма¹ не призвали... Девочка, ты сказала, что эту мумию тебе передала мать? Камбару это наверняка фамилия твоего отца. Знаешь её девичью фамилию?

— Да, э-эм, она немного необычная, — ответила Камбару, шарясь в памяти. — «Гаэн». «臥» из «проходить сквозь трудности» и «煙» из «дымовая завеса»... До свадьбы маму звали Тооэ Гаэн.

— Ха. Вот как. «Тооэ», «遠» и «江» из «Янцзы». В общем, Тотоми. А тебя зовут Суруга². Ха-ха, интересно получается.

— После она, естественно, стала Камбару Тооэ. Но причём тут это, Ошино-сан?

— Причём? Ты меня спрашиваешь, девочка? Непричём. Я просто тяну время, это никак не связано. Позиция здесь не имеет значения. Так, Арааги-кун и девочка, когда вы всё услышали, может, для вас и одинаково, что рука беса, что обезьянья лапа, но всё-таки для чего вы пришли ко мне?

— Для чего...

— Ну, Арараги-кун, я, конечно, хороший специалист. С высоты своих «авторитетных» знаний я могу помочь с этой ситуацией.

— Вы... — Камбару склонилась. — Спасёте меня?

— Не спасу. Лишь помогу. Только ты сама спасёшь себя, девочка. Если ты ищешь спасения, то пришла не по адресу, меня это не касается. Но даже так, что мне нужно делать, Арараги-кун?

Ошино говорил жестко, но это не был очередной риторический вопрос, он действительно ждал моего ответа и молчал. Почему? Что нужно делать... Разве это не очевидно?

— Эй, Ошино...

— В общем, я сейчас спрашиваю, с чем именно мне помочь, Арараги-кун. Мне помочь с исполнением второго желания? Или помочь с отменой второго желания? Или помочь вернуть руку в изначальное состояние? Или всё сразу? Всё сразу будет немного слишком, но... Да и сложновато будет, я б сказал.

— Нет... Э-эм...

Если скажу «всё сразу», он это сделает?

Но.

— Есть два решения этого феномена. Первое, Ненастный дьявол, чудовище в дождевике, убивает Арараги-куна этой ночью. Желание исполнено, рука девочки становится нормальной. И второе, эту звериную руку, руку, слившуюся со странностью, отрезать.

— От-третать... — Меня смутило это опасное предложение Ошино. — Ты сможешь отрезать только обезья... демоническую часть? А затем вырастет нормальная рука...

— Это тебе не хвост ящерицы. Если всё разрешится только одной рукой, это считай ещё легко отделалась, — беззаботно проговорил он, но это не шутка.

Что посеешь, то пожнёшь.

Так и в обычных случаях, но в случае Камбару это особо остро. Если мы сделаем это, то Камбару уже никогда не сможет играть в баскетбол. Баскетбол так помог ей и наверняка продолжает поддерживать и сейчас, нельзя такого предлагать, да даже думать об этом не стоит.

— О-ох. Как не посмотри, нехорошо для меня...

— Ты пыталась убить человека. Равноценный обмен, не считаешь, девочка?

Камбару вдруг смутилась от резких слов Ошино, в такие моменты он беспощаден. С Ханэкавой и Сендзёгахарой было так же, но...

— Ну, наверное, легче всего просто убить Арараги-куна.

— Э-эй, знаю, что ты хочешь сказать, но погоди секунду, Ошино. Пыталась убить человека... Это обо мне? Но Камбару не этого желала. Она просто хотел быть рядом с Сендзёгахарой...

— Просто быть рядом? Смешно, — всё так же резко ответил мне Ошино. — Ты и правда добрый, Арараги-кун. Хороший добрый человек, ага. Истинно благородный. Когда ты уже насытишься ранить людей своей добротой? Даже Шинобу-тян. Просто быть рядом, ты до сих пор веришь в эти сладкие речи?

— Не так, что ли?.. — возразил я Ошино и оглянулся на Камбару.

Она молчала.

— Эй, Камбару...

— Вот пример, Арараги-кун. Тебе не показалось странным? Первое желание в начальной школе. Почему левая рука побила всех, а не ускорила девочку?

— Потому что обезьянья лапа не особо считается с намерениями владельца...

— Но это не обезьянья лапа, — отрезал Ошино. — Бес берёт взамен душу. Желание должно исполниться, как и было загадано. Ненастный дьявол низший демон, ему свойственно насилие и обман, но контракт есть контракт. Сделка. Если б она пожелала стать быстрой, то наверняка бы стала. Сделает ли избиение одноклассников быстрее? Странная логика, не думаешь? Она избила тех, с кем должна была бежать, а после просто перешла в другую группу, разве это не самоочевидно?

— ...

Если так смотреть, то да, но...

— Тогда почему? Почему чудовище в дождевике одноклассников...

— Потому что она хотела избить их. Девочка не освоилась в новой школе, и дети дразнили её. Она сказала, что до издевательств не доходило, но практически все, над кем издевались, говорят так. Если кого-то притесняют, когда у него только умерли родители, то он естественно захочет мести. Странно не захотеть.

— Я... — начала было Камбару, но замолкла.

Она пыталась объяснить.

Почему остановилась?

Что поняла?

— Бессознательно, конечно. Где-то в подсознании она пожелала. Если б она сделала это намеренно, то уже поняла бы. Сознанием она загадала, что хочет быть быстрее. Но это лишь на поверхности, на дне лежало другое. На дне лежали её тёмные желания. Она хотела с торжеством посмотреть на одноклассников, хотела побить их. Подсознательно девочка желала этого. Бес глядит в глубь желания. Читает между строк. Но девочка и так это всё, конечно же, знает, не так ли? Хотя и подсознательные, но это её настоящие чувства. Но она не хочет признавать этого и захотела другого объяснения... «Обезьянью лапу». Не *исполняет желания*, а исполняет их *по-своему*, такова же основная формулировка? Это лишь обычное самооправдание, что она напала на одноклассников не по своей воле. Ну, это довольно важно, всё-таки.

Самооправдание.

Проблема истолкования.

— Многие герои, встретившие странность исполняющую желания, кончают плохо, так не только с обезьянней лапой, в этом плане неудивительно, что во время своих поисков девочка наткнулась на другую странность. «Обезьянья лапа» Джекобса попалась случайно. Но так ли всё? Встретила ли девочка несчастье на самом деле? Охватила ли её печаль об исполненном желании? Скажи Арааги-куну, действительно ли ты несчастна из-за того, что одноклассники, которые издевались над тобой, пострадали? Разве не просто подумала, ну случилось и случилось?

— Просто... Но Ошино...

— Ха-ха, Арааги-кун, хочешь доказательств? Разве не очевидно после всех этих разговоров? Элементарно. Что было в начальной школе... с рукой девочки?

— ...

Если так подумать.

Тогда рука мумии была длинной по запястье, это, что ли?

— Она не упомянула повязку, значит, на следующий день она пришла в школу и ничего не заметила, пока не узнала об отсутствии четверых, так? Если б её рука превратилась, то она бы осознала случившееся. То есть, как так? То есть, ночью, когда она побила одноклассников, желание и исполнилось. Той ночью странность, которую не заметила девочка, слилась с её рукой, а после отделилась от её руки. И забрала с собой *частицу души за исполненное желание*, потому мумия и выросла с запястья до локтя.

— Эй, Ошино, тогда же...

Я понимал это.

Но эти слова...

— Так что твоя первая мысль была правильной, Арааги-кун. Редко ты радуешь нас верными ответами. Я говорил? Сегодня Арааги-кун весьма активный. Не нужно выдумывать

сложностей, чем проще ответ, тем он лучше. Веришь оправданиям преступника, ну не хороший ли парень? В суде тебе точно не работать. Парень, который увёл её горячо любимую сэмпай. Ничего необычного, что она заревновала так, что захотела убить. Это не извращённое намерение девочки, именно этого она и хотела. Думал, это рука всё? — сказал Ошино.

Примечания

1. Бог-властитель и судья мёртвых в японской мифологии, правит подземным адом — дзигоку. Другое имя Яма.

2. Тотоми и Суруга — название провинций в префектуре Сидзуока.

Ненастный дьявол бес довольно жестокий — больше всего он любит злобу и враждебность, обиду и терзания, ревность и зависть, в общем, все отрицательные, негативные эмоции. Бес глядит прямо в тёмные глубины человека, выявляет, вытаскивает и осуществляет. Слышит в желании человека всё плохое и исполняет всё плохое. Контракт — исполнение трёх желаний в обмен на душу человека. Когда три желания исполнятся, человек теряет своё тело и жизнь. В общем, человек в итоге сам становится таким же бесом. Если бы Камбару год назад, узнав о секрете Сендзёгахары, загадала желание, то вряд ли бы оно исполнилось как следует. Ненастный дьявол исполняет лишь злые, негативные желания.

Демон читает меж строк.

Если есть верх, есть и низ.

Хотела быть быстрой, потому что ненавидела одноклассников.

Хотела быть рядом с Сендзёгахарой, потому что ненавидела Арараги Коёми.

Он прочитал это на дне.

Он увидел это на дне.

Разглядел бессознательное желание.

Бес видел её насквозь.

Она не жалела, что отступила, но кого-то другого на этом месте стерпеть не могла. Если кто-то и должен встать на это место, то разве не она?

Ненастный дьявол.

Бес, пришедший из Средневековой Европы.

Многие изображают его как обезьяну в дождевике.

В этом плане её левую руку всё-таки можно назвать обезьяньей лапой, но всё равно первые два желания Камбару загадала неосознанно, намёком.

Одноклассникам, дразнивших её.

И мне.

В начальной школе её одноклассники обошлись лишь небольшими травмами, меня же едва не убило, такая вот разница в чувствах Камбару... Разница в количестве негативных эмоций. Спортивная форма тоже, конечно, сыграла свою роль, но всё-таки психическая часть здесь важнее.

Ну, Ошино тогда сказал.

Наверное, я недостаточно хорошо подумал.

Если Камбару правда загадала Ненастному Дьяволу, что хочет быть рядом с Сендзёгахарой, тогда странновато, что она волновалась о моей безопасности, но после эпизода в начальной школе, понимаешь, что жестокая левая рука попытается удалить Арааги Коёми. Однако откуда Камбару знала, что случится на самом деле? Нельзя узнать, как левая рука исполнит желание, в каком виде она не посчитается с намерением владельца.

Подсознательно знала то, что подсознательно загадала.

Знала, что мне грозит опасность.

Странность слилась с её левой рукой, однако чудовище в дождевике показалось передо мной не сразу, Ошино сказал, это из-за того, что Камбару сопротивлялась этому порыву.

— Все её старания, чтобы стать быстрой это лишь оправдания для себя. «Если я исполню желание сама, мумия ничего не сделает», что за бред. Девочка так верила в это, так хотела верить, в принципе она и не ошибалась, но желание, исполненное насилием Ненастного дьявола, лежало на дне, а не на поверхности. Но на этот раз отношение девочки справиться своими силами сыграло хорошую роль... странность слилась с её рукой, но девочка смогла подавить её. Здесь странность некого рода артефакт. Она зависит от сознания владельца... Ну, если говорить конкретней, бес в данном случае лишь рука, потому Ненастный дьявол и не смог проявлять своих сил. Подсознанию не превзойти сознания. Короче, пока девочка волновалась за Арааги-куна, рука не активировалась. Четыре дня тасканий это хорошо работало. Сама девочка так об этом не думала, всё происходило подсознательно. Однако, что вчера? Девочка узнала о твоей встрече с Цундере-тян наедине для, так сказать, учебной группы. И наконец до того лишь слух, что вы возможно встречаетесь, подтвердился. И она не смогла стерпеть. Как и предположил Арааги-кун.

Бес воспользовался трещиной в сердце.

Так Ошино никогда не говорит.

Он ненавидит подобную детскую слабость.

Но...

Камбару сказала прямо: сначала я позавидовала, и в итоге завидовала.

Сказала.

— М-м, всё уже, — сказал я Шинобу и легонько похлопал по её маленькой спинке, когда она уже до необходимого предела выпила моей крови, мы сидели обнявшись.

Шинобу мягко вытащила клыки из двух дырочек у меня на шее, потёкшую кровь она начисто слизала языком. Наверное, стоит подумать, входят ли такие объятия с Шинобу в категорию измены Сендзёгахаре, однако в другой позе ничего не выйдет, потому остаётся лишь принести ей свои извинения. Сейчас тело Шинобу несравнимо с весенними каникулами, оно

очень маленькое, я едва чувствую её на своих руках, такое ощущение будто держишь мираж или туман.

— Ой-ой...

Я поднялся с корточек, и меня слегка зашатало. Это естественно, сразу после питья крови появляются симптомы, как при анемии, а в этот раз я дал довольно много.

В пять раз больше нормы.

Я легонько попрыгал.

Ну, на самом деле не очень-то что-то поменялось в ощущениях и восприятии... Строго говоря, не знаю, насколько параметры моего тела повысились в сравнении с нормой.

Шинобу уже снова уселась подогнув коленки к подбородку.

Села на пол, подогнув колени к подбородку.... Она обняла себя обеими руками, словно утверждая для себя своё тело.

На меня она не смотрела.

— ...

Добрый хороший человек, говорите.

Как бы я не настаивал, что я не хороший и не добрый, всё-таки реальность в том, что большую часть травм приходится этому златоволосому вампиру... Не удивительно, что Ошино так выразился.

Это больше к Шинобу относится, чем ко мне...

Я схватил верх авиашлема и покачал девочку из стороны в сторону. Какое-то время Шинобу никак не отвечала, будто игнорировала, но после ей, похоже, надоело, и она грубо сбросила мою руку.

Ага.

Удовлетворившись этим, я ничего не сказал и, в лучших традициях Ошино, не попрощавшись, развернулся к лестнице на третий этаж. В следующий раз, как встречу, надо будет подарить ей Ди-поп¹, думал я, спускаясь мимо третьего этажа на второй.

Ошино, скрестив руки на груди, прислонился спиной к стене и ждал в коридоре у дверей в класс, беззаботно постукивая ногой.

— О, я уже заждался, Арараги-кун. Похоже, это заняло больше времени, чем я думал.

— А. Просто сложновато понять, сколько нужно. Может, даже не хватит немного... Но лучше слишком много не давать. Для нас обоих.

— М-м. Ну, это, конечно, верно, но тебе не нужно так волноваться о Шинобу-тян, Арараги-кун. Её существо связано моим именем, ничего не случится. Имя приручает. Я бы больше волновался, не умрёт ли она от голода. И вообще ты собираешься дать бой один на один демону, не тот случай, когда стоит переживать о постороннем, не думаешь? В итоге всё оборачивается простым ломанием комедии. Хотя она и испила по максимуму, но это не сильно повысит твои шансы на победу, не думаешь? Несмотря на то, что твой противник лишь левая рука.

Метод против Ненастного дьявола.

Экзорцизм изначально довольно трудоёмкая и времяёмкая работа, и Ошино не в состоянии изгнать даже такого низшего демона, как Ненастный дьявол. Тонкость здесь в прощении, однако, по крайней мере, Ошино и сам не настроен помогать в этот раз.

Это не случай Сендзёгахары.

Краба Сендзёгахары тоже, наверное, можно назвать странностью, исполняющей желания, но то был бог, сейчас же бес. Даже такой любитель, как я, понимает, что ничего тут не сделаешь.

Дьявол «Кам»бару.

Скорее ирония, чем какой-то намёк.

Но нельзя терять время.

Если мы побыстрее с этим не разберёмся, я могу сегодня ночью и жизни лишиться. Либо убить меня, либо отрезать Камбару руку — к сожалению, я не из тех людей, которые совсем не дорожат своей жизнью, так что первый вариант отпадает. А вариант отрезать руку даже не рассматривается.

Потому есть третий вариант.

— Контракт, да?.. Надеюсь, этот бес просто послушно вернётся в демонический или духовный мир.

— Ни демонический, ни духовный это не другой мир, это «здесь», ну, это сложно, так что мы рискуем как обычно перейти к нашим долгим дискуссиям. Всё будет в порядке, я тебе гарантирую, Арараги-кун. *Если контракт невозможно выполнить*, то он аннулируется. Не скажу, что всё сойдёт на нет, но желание девочки тоже аннулируется. Немошный бес, который не смог выполнить такую жалкую работу, просто уйдёт без лишних слов.

Бес уйдёт.

Если не сможет выполнить контракт.

— В общем, *если бес не убьёт меня*, да?

— Вроде того, — с улыбкой сказал Ошино. — Конечно, сейчас совершенно неважно сколько бы ты не поил Шинобу-тян своей кровью, Арараги-кун... Если ты надеешься вернуть хотя бы

десятую часть той силы, что и на весенних каникулах, когда ты был настоящим вампиром, то, боюсь, ты переоцениваешь себя.

— У меня достаточно много.

— Но это потому, что этот Ненастный дьявол *лишь левая рука* — будь он целым, у тебя бы не было и шанса, а если прибавить сюда ещё и «вес» человека, то шансы на победу у тебя сейчас весьма сомнительные.

Ненастный дьявол — странность в корне отличная от обезьяньей лапы, объединяет их лишь исполнение желаний, бес в дождевике получил такое имя, потому что обычно эта странность охватывает всё тело (в данном случае определение всего тела может варьироваться, потому оставим это). Это лишь левая рука, к тому же, она наверняка стала мумией, потому что прочно «запечатана». Так Ошино сказал.

— Ну, похоже, что у семьи матери была проблема, может даже, это и стало причиной их бегства? Ладно, я не собираюсь тут выставить и лезть в чужую жизнь своими догадками. Мумия беса это, на самом деле, сильно. Я кроме мумий русалок ни о чём таком не слышал. Хм-м, если девочка получила руку по запястье, то, наверное, *остальная часть* от человека?

Матери?

Сендзёгахара Хитаги, Хачикудзи Маёй.

В их странностях замешаны матери.

Камбару Суруга, похоже, продолжает традицию.

Ну, похоже, её родители одинаково разорвали связи с семьями, потому сама Камбару Суруга более чем в стороне от семьи её матери, так что сейчас тут уже и не узнаешь...

— Кстати, что будет, если бес обретёт всё тело? Ненастный дьявол. Наверное, и Шинобу в лучшие времена не сможет его победить?

— Ни в коем разе. В конце концов это лишь низший демон, ему не выстоять против клыков истинного вампира. Даже скажу, что если б она бросила вызов Мефистофелю, то всё заняло бы не больше двух секунд. Она бы повергла его и испила все соки тела, и дело с концом. Забыл, что ли, каким ужасающим легендарным вампиром была Шинобу-тян? Ей никто не ровня. Да и если глянуть по рангу, то он слабее даже похотливой кошки Старосты-тян. Ох, ты же понимаешь, что нельзя пользоваться силой Шинобу-тян? Может, это и простой способ, но в таком случае нам останется только отрезать руку девочки без лишних угроз. Если ты начнёшь подавление, так и будет, Арараги-кун.

— Так Ненастный дьявол захватывает тела людей, чтобы исполнить их желания? И с каждым желанием человек всё больше становится демоном... Изначально мумия была по запястье, а когда бес исполнил первое желание Камбару, выросла до локтя, тогда что дальше, Ошино? Он исполнит второе желание и из ненависти убьёт меня, а затем исполнит какое-нибудь третье желание, что случится с Камбару? Если бес и захватит её, то только же до плеча максимум, да?

— Могу дать тебе лишь официальное заявление: раньше подобного прецедента я не наблюдал. Но если поглядеть на порядок, то думаю, ты прав, Арараги-кун, скорее всего, бес захватит тело лишь до плеча. Но это ничего не меняет, Арараги-кун. Захватить до плеча равносильно, что захватить всё тело. Это как приобрести тридцать процентов акций в компании.

— Вот как...

— Душу он заберёт в любом случае. Останется лишь бездушная оболочка тела. О, можешь сумку и ценности мне оставить, Арараги-кун. С ними двигаться неудобно будет.

— Точно... спасибо. Тогда подожди секунду.

Я вынул телефон из заднего кармана и ключи от дома из кармана формы, после закинул их в рюкзак и передал Ошино. Он хмыкнул и повесил сумку на плечо.

— Можно ещё кое-что, Арараги-кун?

— Что?

— Почему ты пытаешься спасти того, кто хочет убить тебя? Эта девочка, хоть и бессознательно, хоть и *в подоплёке своего желания*, но ненавидит тебя. Она видит в тебе соперника в любви, Арараги-кун.

Его обычного шутилого, противного тона...

Словно и не бывало.

— Да и вообще, зачем ты с ней заговорил, узнав её в дождевике? Любой бы без всяких разговоров прогнал девочку и поспешил бы ко мне.

— Все в своей жизни ненавидят кого-то. Я, конечно, не позволю ей убить себя, но Камбару делает это всё из-за Сендзёгахары...

У странностей всегда есть подходящая причина.

И если это и есть причина...

— Я могу простить её.

Если, как сказал Ошино, моя первая догадка верна, то ситуация не изменится. Всё лишь вернётся к началу, ни обезьянья лапа, ни Ненастный дьявол тут совершенно не при чём. Никогда бы не подумал, что стану чьим-то соперником в любви, но тем не менее.

Расчёт исподтишка.

Коварное малодушие.

Может, я и добрый и хороший, но мне не стать таким же кристально чистым и проникновенным человеком, как Ханэкава.

Ханэкава Цубаса.

Девушка с поражающими воображение перьями.

Лишь ей можно искренне и чисто завидовать.

Правда приревновать.

— Ясно. Ну, раз ты сам так решил, то ладно. Я умываю руки, это не моё дело. Тогда помоги девочке, Арараги-кун. Кое-что ещё для тебя: когда войдёшь, ты уже не сможешь выйти, пока всё не кончится. Дверь изнутри нельзя открыть. Заранее прими, что сбежать у тебя уже не будет возможности. Тебе не нужно напоминать ситуацию на весенних каникулах, когда у тебя уже не было другого выхода, ты готов?.. И конечно же, если что-нибудь случится, мы с Шинобу-тян не придём тебя спасать. Не забывай, я не стойкий пацифист и уклоняюсь от гуманизма при первой же возможности. Только я увижу, как ты вошёл, то пойду спать на четвёртый этаж, и мне дела не будет до того, что тут творится. Когда пойдёте домой, не нужно заходить попрощаться. Думаю, к тому времени Шинобу-тян тоже будет спать, так что просто возвращайтесь по домам.

— Спасибо за заботу.

— Не за что.

Ошино отлип от стены и открыл дверь.

Я без колебаний вошёл.

Он тут же закрыл за мной.

Теперь уже не выйти.

Дальний класс на втором этаже. Структура, в принципе, такая же, как и на четвёртом этаже, только это единственный класс в этой школе, в котором вместо окон не зияют дыры. Тем не менее это не значит, что окна тут не выбиты. Просто здесь к оконным рамам, словно против ураганов, прибита плотным слоем куча толстых досок. Даже непонятно, зачем здесь столько. Когда дверь закрылась, в комнату не проходило ни лучика света, сейчас уже полночь, но не видно даже света звёзд.

Черным-черно.

Но видеть могу.

Я дал Шинобу выпить своей крови, потому темнота мне больше не помеха. На самом деле в темноте даже лучше видно. Я медленно огляделся.

И сразу же заметил.

Фигуру, стоящую в не таком уж просторном классе...

Фигуру в дождевике.

— Привет... — позвал я, но ответа не последовало.

Похоже, она уже в трансе.

Тело Камбару Суруги, но левая рука и дух Ненастного дьявола... Кстати, за этим дождевиком Камбару сбегала в ближайший супермаркет, пока Шинобу пила мою кровь. Не сказать, что дождевик так уж нужен, по крайней мере, это опциональный предмет, в котором нет строгой необходимости, однако он создаст привычную атмосферу, настроит на состояние церемонии.

Из класса убраны столы и стулья, чтобы не мешались. Сейчас в комнате лишь я и Камбару. Лишь *левая рука* Ненастного дьявола и вампироподобный *нечеловек*.

Оба в половинчатом состоянии, всё честно.

Хотя, нет, ничего честного.

Я должен быть сильнее беса.

Как и прошлой ночью, под капюшоном словно вход в пещеру, ни выражения лица, ни само лицо не разглядеть...

— ...

Классический метод борьбы не только с Ненастным дьяволом и обезьяньей лапой, но со всеми странностями, исполняющими желания, — загадать желание, которое эта странность выполнить не в состоянии.

Завышенное желание.

Или противоречивое желание.

Совершенно невозможное желание.

Желание, застрявшее в дилемме противоречий.

Ошино сравнил это с черпаком, скребущем по дну. Так можно победить странность, так можно её предвосхитить.

Но Камбару уже загадала своё желание — быть рядом с Сендзёгахарой. И из-за этих чувств бессознательно загадала убить ненавистную помеху — Арараги Коёми. Ненастный дьявол попытался ответить на это желание.

Желание нельзя отменить.

Однажды она уже его пыталась исполнить.

Тогда нужно попробовать вывернуть причину.

Нужно сделать это желание невыполнимым.

Сделать так, чтобы Ненастный дьявол не мог убить Арараги Коёми...

— Наверное, можно и перекрыть всё это... смахивает на очередной софизм, типа обезьяньего ума, но думаю, здесь можно найти... Ой!

Я даже не успел понять, как дождевик вдруг прыгнул ко мне. Силу прыжка Камбару Суруги усилила сила злобы. Если вчера ночью мои глаза не поспевали за её скоростью, то сейчас другое дело.

Я вижу.

И могу отреа...

— Ёй, воу!

Я изогнулся словно под действием центробежной силы и увернулся от левого кулака дождевика, едва успел на самом деле. Продолжая вращение, я ушёл с того места, где стоял, вышло не очень, но лучше поскорей сменить позицию.

Что это было?

Похоже, он куда быстрее, чем вчера ночью, хотя нет, просто у меня глаза ещё не привыкли. Ладно, уклоняясь от левой руки дождевика, углядеть щель «веса», схватить Камбару и сдержать её изо всех сил...

— !..

Меня уже догнали.

Бред, я, конечно, не думал, что смогу соревноваться с дождевиком в скорости, но благодаря Шинобу я сейчас несравнимо сильнее, чем прошлой ночью, но вот так легко и дождевик уже заносит левый кулак. Уклониться слева не получится, потому я крутанулся перед дождевиком вправо...

Голая, покрытая чёрной шерстью рука, пролетела едва не коснувшись моей щеки. Мощный порыв ветра ударил по мне, но я несмотря ни на что махнул ногой, целясь в бок открывшегося чудовища.

Прости, Камбару!

Мысленно извинился перед ней.

Как я и думал, отклонение лишь в левой руке — тело под дождевиком послушно отлетело вслед за ударом. Дьявол потерял равновесие и полуупал на линолеум.

Всё-таки контроль одной лишь левой рукой это слабость дождевика... Баланс нестойкий, естественно, левая рука не соответствует остальному телу.

Но что насчёт скорости?.. Прошлой ночью дождевик не действовал на всю силу? Или он повысил скорость в противовес моему усилению?.. Но неужели странности нужно вытворять такое?

Не знаю.

И пока я гадал, дождевик поднялся.

У-ух... Даже если не считать, что это тело принадлежит Камбару, бить лежащего это всё-таки как-то не по мне... Я знаю, что должен, но всё равно колеблюсь. Даже несмотря на то, что колебаться не время.

Добрый, хороший человек.

Ненавижу, когда так называют.

Так говорят только про серых личностей без капли индивидуальности.

По прямой, самой короткой траектории, левый кулак дождевика врезался мне в правое плечо — удар словно запуск катапульты. Должно быть, он целился мне в грудь, но я смог как-то отклониться... Однако полностью увернуться не удалось. Не успеваю, слишком быстро. Я пролетел спиной вперёд с три метра... но с помощью чувства равновесия развернулся в воздухе и приземлился на ноги. Вчера левый кулак дождевика словно бумагу смял мой велосипед и разнёс бетонную плиту, но сейчас ему не отбросить меня и так легко не повредить тело. Удар, конечно, почувствовался, но двигаться я могу. Похоже, плечо вывихнуло, и ключица треснула, но благодаря вампирской силе регенерации всё тут же восстановилось. Острая боль в миг отступила. Знакомое чувство. Ох-ё, уже жду завтрашнего дня... Интересно, насколько сильные ожоги я получу?

Но сейчас не время. Дождевик тут же бросился туда, где я приземлился, бросился в атаку. Он не колебался. Левый кулак приближался к моему лицу. Глаза ещё полностью не привыкли, потому я встретил удар лицом. С хрустом сломался нос. Если б такая разрушительная мощь обратилась против простого человека, то от головы остались бы лишь ошмётки, даже представлять жутко. Я отпрыгнул от дождевика и по жалкому согнулся на полу. За это время сломанный нос уже восстановился. Действительно отвратное чувство. Ощущаю себя амёбой какой-то. Если это одна десятая, то какими же адскими были мои весенние каникулы?

От следующего удара я смог увернуться.

Но следующий за ним уже на грани.

— Чёрт!..

Почему?

Почему я не уворачиваюсь?

Даже если это безупречно прямое движение, но сама эта атака — когда левый кулак просто со всей дури разорвал мне плечо, словно Ракетный удар² из аниме про роботов — движение простое. Перед ударом должно быть небольшое предварительное движение, и я вижу его, но почему же не могу успеть? Почему не могу увернуться? Скорость поднялась в десятки раз, по сравнению с вчерашним днём. Сила, вроде бы, та же... один-два удара, нет, даже десяток не особо повредят мне в нынешнем состоянии, но почему только скорость настолько изменилась?

Разница между вчера и сегодня...

Дождевик...

Голая звериная рука.

Правая рука тоже незакрыта, но под капюшоном всё также непроглядно, словно там ничего и нет, будто вход в глубокую пещеру... Хотя? Ясно, вот отличие. Вчера дождевик надел резиновые перчатки, обе руки были закрыты. Но как это влияет? Резиновые перчатки не должны ограничивать скорость движения.

И тут я заметил.

Заметил ошибку.

Не перчатки — сапоги!

В супермаркете Камбару купила лишь дождевик... ни резиновых перчаток, ни сапог не прихватила, но не потому что посчитала ненужным взять их для создания атмосферы, просто даже не подумала о них. Я и сам не замечал до этого момента. Не знаю, как изображают образ Ненастного дьявола, и Ошино как-то намёком дошёл до этого, но если одного дождевика достаточно, чтобы очертить странность, то ни я, ни Камбару не ошиблись.

Однако это значит, что сейчас дождевик в кроссовках. Это логично. Раз руки обнажены, это ещё не значит, что он босиком, следовательно, дождевик сейчас в обуви, которая изначально была на Камбару.

Высококласные кроссовки.

Скорость совершенно другая, чем в сапогах.

Тем более для такой спортивно сложенной Камбару Суруги.

— Дерьмо...

Простое утяжеление и связывание ног, чтобы увеличить вес Камбару, изначально не входило в наш план или скорее в нашу цель, однако с сапогами всё вышло бы довольно удобнее... И почему я сам создал ситуацию, где дождевик смог полностью раскрыть свой потенциал? Тело Камбару Суруги, изначально лишь дополнительный «вес», помеха левой руке, а теперь стало преимуществом!

У-у...

Обложили со всех сторон...

Уже легко не поуворачиваться... Сейчас, если я смогу едва-едва уклоняться или уворачиваться и не накоплю сильных повреждений, то меня не сотрут, как в какой-нибудь файтинге, однако о *победе преимуществом* уже не может быть и речи. Уж тем более этого не добиться, когда у меня глаза до сих пор не привыкли. Потому придётся встречать удар ответным ударом. Я наклонился и развёл руки в стороны словно вратарь во время пенальти. Хотя в данном случае, наверное, будет лучше сравнить с выходом один на один в баскетболе?

Но в баскетболе такое очевидно посчитается фолом (интересно какой категории?), дожdevик летел, целясь мне в основание шеи, и я попытался встретить левую руку дожdevика, попытался обвить её обеими руками: правой схватить кулак, левой зажать запястье, но не успел. Нет, не «не успел», схватил я вовремя, однако руки не смогли остановить этот снаряд катапульты. Я почувствовал, как черт знает сколько моих пальцев сломались, следом левый кулак ударил мне в ключицу. Моё тело тут же начало заваливаться на спину, однако мне как-то удалось напрячь ноги и выстоять. Остановить не удалось, но силу кулака, прежде, чем он ударил в торс, я уменьшил.

Перед тем, как дожdevик потянул руку обратно, я крепко ухватил её уже сросшимися пальцами обеих рук. Наконец смог остановить дожdevика, как и планировал изначально. В конце концов мне удалось зажать его. Отлично, теперь...

— Камбару, прости! — крикнул я извинения.

Одновременно с этим я, продолжая удерживать бешено рвущуюся лапу дожdevика, применил три последовательных сокуто гери³: по его ноге, в живот и в грудь. Из-за строения тела человек в нормальном состоянии не способен на такой тип атаки. Дождевик пользуется лишь левой рукой, я же могу работать всеми конечностями, нужно воспользоваться этим преимуществом по максимуму.

Левая рука дёргается словно обезумев.

Чувствует боль.

Наверное, как и сказал Ошино, имей Ненастный дьявол всё тело, у меня не было бы и шанса, но покуда я так блокирую его левую руку, есть возможность взять верх — повреждения от кулака в возможном ему диапазоне я могу в момент восстановить, потому большей проблемой будет возросшая мощь ног Камбару, да и кроссовки это действительно неожиданный просчёт, но раз я так держу лапу, нужно продолжать удары, пока Ненастный дьявол не сдастся. А если не сдастся, то покуда из него весь дух не выблюю. Мне, конечно, не по себе от таких пыток в стиле суругадои, однако я ни за что не могу оторвать левую руку Камбару, ни за что не могу оборвать жизнь Камбару, потому остаётся лишь продолжать отпинывать, покуда бес не уйдёт...

Дождевик подогнул колени.

Похоже, мои упрямые удары наконец возымели эффект, подумал я, но всё оказалось не так. Подогнутая нога, скорее, согнутая, понеслась по кратчайшей траектории мне в подбородок. Не левая рука, а левая нога дождевика, нога Камбару с разворота с точностью словно в ушко иголки ударила мне в висок. Силе удара, конечно, не сравниться с мощностью левой руки, но тем не менее ударная сила ноги Камбару равносильная мощи её ног, к тому же, удар оказался совершенно неожиданным, потому мозги хорошо потрянуло, и в глазах потемнело. Удар по органам чувств эффективен против (псевдо) вампиров — это ценный урок весенних каникул.

Я отпустил левую руку дождевика.

Чтобы защититься от следующего удара.

Удар пришёлся на скрещённые руки и не был таким же катапультным, как левой рукой, однако от толчка у меня все мысли смешались в жалкую хаотичную кучу.

Он использует не только левую руку?..

Ошино же говорит «вес»...

— Так это *так* понимать?

Вдруг пришёл мне в голову этот вопрос.

Если для Ненастного дьявола негативные эмоции людей являются источником энергии, то сейчас его питает ревность Камбару Суруги ко мне... Если левый кулак это снаряд катапульты, то тело Камбару это сама катапульта. Жгучими мыслями, жгучими чувствами он раздувает давление и обращает его в силу мышц. Поэтому всё тело просто находится под влиянием левой руки как «вес»... Ну, так в основном, но в кризисных ситуациях, подобным недавней, Ненастный дьявол может охватить всё для самозащиты?..

Нет, это просто словоблудие.

Если я собираюсь говорить, что могу простить Камбару, я не должен увиливать от правды. Нечестно выгораживать, будто нога двинулась рефлекторно, как лапка лягушки под током.

Другими словами.

Нога двинулась по воле Камбару.

Камбару Суруга ударила сама.

Она подсознательно отказалась.

Терять левую руку Ненастного дьявола.

Не исполнять второе желание.

Не убивать меня.

Не желает отказываться от Сендзёгахары.

— Коварное малодушие, да?..

Знаю это чувство.

Знаю, насколько это больно.

Знаю, насколько это ранит.

Я тоже отбросил, потерял.

Снова мне не получить.

Почему дождевик не двигается? Дождевик, который бил левым кулаком по прямой линии, словно притягиваемый магнитом, замер. Словно задумался о чём-то.

Или.

Словно колебался.

Движение дождевика, не знающего смятения, остановились.

Камбару Суруга.

Кохай Сендзёгахары Хитаги.

Ас баскетбольного клуба.

«Отрежьте», — сказала она.

Как только Ошино разбил заблуждение о том, что это не лапа обезьяны, а рука беса, и он исполняет желание так, как загадала Камбару... на несколько секунд она опустила глаза, однако тут же решительно подняла лицо и сказала это глядя прямо на меня с Ошино.

— Мне не нужна такая рука, — сказала Камбару.

Без тени улыбки.

Эта личность странным образом безмерно уважающая своих сэмпаяв... Теперь говорила плоским, безразличным, лишённым эмоций тоном.

— Отрежьте. Я хочу отрезать. Прошу вас. Это может быть трудно, но пожалуйста. Я не могу сама себе отрезать руку...

— П-прекрати это.

Я спешно оттолкнул протянутую руку. Ладонь ощутила неприятную мохнатость. Холодок прошёл по коже.

Меня передёрнуло.

— Не говори глупостей, мы не можем так поступить. Как ты будешь играть в баскетбол после этого?

— Ошино-сан всё правильно сказал. Я пыталась убить человека. Это естественная плата.

— Н-нет... Камбару, я совсем не в обиде...

Комизм и клоунада.

Какие же нелепые слова.

Проблема не в том, обижаюсь ли я.

Тем более совершенно неважно, могу ли я простить. Проблема в том, сможет ли простить Камбару Суруга.

Она продолжала бегать, потому что не хотела, чтобы одноклассники пострадали.

Она подавила и задвинула подальше все свои негативные эмоции.

Она закрыла их.

Силой воли сдержала себя.

Укорила.

— В-вообще, мы не можем отрезать её. Не говори глупостей. О чём ты думаешь? Дура, реально дура. С чего тебе взбрело такое? Не воспринимай эту идею серьёзно.

— Ясно. Да, думаю, нельзя кого-то просить отрезать тебе руку. Наверное, никто не скажет «да, конечно», если его попросить. Поняла, попробую придумать, как это сделать самой. С машиной или поездом что-нибудь да выйдет.

— Э-э...

Машиной или поездом?

Звучит, как самоубийство.

Не самоубийственно, а чистое самоубийство.

— Кстати, у нас же есть способ лучше? Что же ты не подсобишь человеку в беде, Арарагикун? Как нехорошо. Разве Шинобу-тян не готова предоставить свои услуги? У неё сердце под клинком, и если она использует свой драгоценный клинок, то отрежет руку, что даже боли не почувствуешь. Сейчас клинок Шинобу-тян не так остёр, как раньше, но тоненькую руку девочки он разрежет как горячий нож масло.

— Заткнись, Ошино! Эй, Камбару! Не нужно это так воспринимать! Ты не должна винить себя во всём, это же не ты! Это всё обезьянья лапа... то есть, Ненастный дьявол, тут странность всё...

— Странность, которая просто исполняет желания?

Ошино не заткнулся.

Разносился всё красноречивей и живописней.

— Просто даёт ей, что она хочет, разве нет? Разве с Цундере-тян было не так же? Вот у тебя на весенних каникулах случай отличался, Арараги-кун. Случай Шинобу-тян совершенно иной... ведь *ты ничего не желал от странности*.

— ...

— Поэтому тебе не понять чувств девочки. Тебе не понять её сожаления и самобичевания. Никогда.

Так он говорил.

— Кстати, в оригинальной «Обезьянней лапе» человек, первым использовавший лапу, после исполнения первых двух желаний, пожелал себе смерти. Нужно объяснять, что это желание значит?

— Ошино...

Говоришь правильно.

Но ты ошибаешься, Ошино.

Я медленно прокручивал это в памяти, пока мы с дождевиком бездвижно, будто застряв стояли напротив друг друга.

Потому что я понимаю.

Насколько это больно, насколько это ранит сердце.

И чувства Сендзёгахары Хитаги.

И чувства Камбару Суруги поэтому понимаю.

Хотя, наверное, всё-таки не понимаю.

Наверное, обычное самодовольство.

Но...

Мы носим одну боль.

Разделяем.

Можно ли говорить, что я ничего не загадаю, если передо мной явится артефакт, исполняющий желания? Так же, как и у меня на весенних каникулах, хоть и не из-за желания, но даже кристально чистой и проникновенной Ханэкавой за некоторый разлад и искажение завладела кошка...

Моя связь с Шинобу принципиально не разнится со связью Сендзёгахары с крабом и связью Камбару с демоном.

— Всё хорошо, Арааги-сэмпай.

— Хорошо? Ничего не хорошо. Что ты говоришь. А как же Сендзёгахара? Я, чтобы ты с ней...

— Ладно уже. Ладно с Сендзёгахарой-сэмпай, — пронизывающе до костей проговорила Камбару. — Уже ладно. Я смирилась.

Ладно, говоришь?

Смирилась?

Разве тебе родители не доверили мумию, чтобы ты исполняла свои желания сама. Разве не хотели научить тебя не бросать свои желания...

Так что не делай такое лицо.

Не делай такое далёкое лицо.

Как можно сдаться с почти плачущим лицом?

Ненастный дьявол.

Дожливый бес, бес-плакса.

Его происхождение — ребёнок, который в один дождливый день поругался с родителями из-за какой-то глупости и убежал из дома, но потерялся в горах, где его убила и съела стая диких обезьян. Удивительно, но никто из деревни, включая его семью, так и не смог вспомнить имя этого ребёнка...

— Проклятье!..

Не в силах больше выносить этого застоя и своих мыслей, калейдоскопом крутящихся у меня в голове, я побежал на дождевика. С прошлой ночи я впервые атаковал вместо защиты. Можно сказать, я просто не смог вытерпеть такого давления.

Стоя на месте ничего не добьёшься. Если я и снова схвачу левую руку, он тут же отобьётся ногами. Придётся навалиться на дождевик всем телом как в нэ вадза из дзюдо или как в реслинге...

Я раскинул руки в стороны, чтобы обхватить тело Дождевика, однако схватить не смог — если б он двинулся вправо или влево, я бы, наверное, среагировал, но дождевик выбрал другое направление. С другой стороны, он и не отступил, тогда я бы просто сделал больше шагов.

Дождевик прыгнул вверх.

Прыгнул, встал ногами на потолок класса и побежал. Со знакомым топотом он, словно игнорируя гравитацию, словно позабыв о законе всемирного тяготения, бежал по потолку.

А затем спрыгнул с потолка и приземлился на пол.

И мгновенно отпрыгнул в сторону.

Мгновенно приземлился на доску, отвалившуюся от стены; мгновенно прыгнул ещё; мгновенно приземлился на доски, приколотенные к оконной раме; мгновенно прыгнул ещё; мгновенно снова на потолке.

По всем направлениям и диагоналям.

Дождевик прыгал, что голова кружилась.

Словно фейерверк он скакал от стены к стене, от стены к потолку, от потолка к полу, от пола к стене. Дождевик прыгал натренированными ногами Камбару Суруги.

Словно попрыгунчик, запущенный на высокой скорости.

Как неистовая пляска бликов при рассеянном отражении.

Прыжок за прыжком.

Глаза не успевают.

В разы быстрее моих глаз.

Он ускорялся и ускорялся, словно ускорение свободного падения, и постепенно с каждым прыжком смело увеличивал скорость. Разница между сапогами и кроссовками мало-помалу, постепенно, дерзко, неоспоримо охватывает меня.

Кто бы подумал, что всё так изменится сделай он плоскость движения трёхмерной? Ошибно поставил барьер на этот класс, чтобы решить всё чисто и без лишних разрушений, но... К тому же простой расчёт, что небольшая комната будет выгодней просторной при сражении с сверхскоростным дождевиком сейчас дал противоположный эффект. Прямо обратный эффект.

Обратный.

Почему я не понял этого?

Камбару выбрала баскетбольный клуб вместе легкоатлетического, потому что никому не обогнать её на небольшом баскетбольном поле! Со своим телосложением Камбару Суруга легко делаем слэм-данк, так что можно догадаться, как она поведётся себя в такой низкой комнате!

Обратный эффект всё продолжается.

Слишком много просчётов. Насколько же я глуп?

Вечные ошибки.

Пока дождевик скакал кругом, словно забавляясь надо мной, я, будто к полу прибитый, не мог и шагу ступить. Я не успевал за движениями вверх-вниз: от пола к потолку или от потолка к полу — проблема в структуре человеческого глаза: если он и соответствовал движениям вправо-влево, то вверх-вниз уже нет. Движения дождевика не вписывались в поле моего зрения.

Я развернулся на пятках...

Наконец дождевик прыгнул с потолка на меня. Крутанувшись вперёд в воздухе, словно при ролл спайке⁴ в сепак такрау⁵, он со всей силы приложил меня по темени, я почувствовал, как треснул череп. Когда меня бросило вперёд, дождевик уже приземлился на пол и ударил меня коленом в подбородок как заправский тайский боксёр. Эта комбинация из тайского бокса и сепак такрау, выполненная практически одновременно, словно сандвич, вывела меня из строя от боли. Похоже, сотрясение мозга, сознание на секунду померкло, и вдруг я рухнул в беспамятство.

Но не умер.

Раны тут же зажили.

Настоящий ад.

Санджива-нарака⁶.

Даже если тело разорвут на кусочки, оно вернётся в изначальную форму в считанные секунды, ещё раз разорвут, ещё раз восстановится, а затем снова и снова и снова тело будет разрывать. Вот они, Восемь горячих адов, вот они мои весенние каникулы.

— Эк...

Я протянул руку, дождевик увернулся. А когда он широко замахнулся левым кулаком, я отреагировал, хотя, вряд ли можно так сказать, скорее, это был рефлекс. Я так сосредоточил внимание на левой руке, что стал более чувствительным к её движениям. Однако мне нужно было серьёзней принять этот *проактивный* двойной удар, когда левую руку ничего не сдерживало. Или скорее значение того, что дождевик вдруг так внезапно начал носиться на ужасающе головокружительных скоростях. Значение того, что он использует всё тело, а не лишь левую руку Ненастного дьявола.

Если играешь с бесом, сам становишься бесом.

Не обязательно исполнять желание, не обязательно продавать душу, не обязательно захватывать тело, не обязательно что-то делать...

Если загадываешь желание бесу, становишься бесом.

Левый кулак это уловка.

Дождевик, до того применявший исключительно прямолинейные удары, теперь же начал использовать боевые техники: маневрирование, комбинации и уловки.

Хотя нет, не уловка.

Правильнее всё-таки обманка.

Потому что эти техники без объединения с Камбару Суругой невозможны для дождевика...

Я сосредоточился лишь на левом кулаке, что и стало фатальной ошибкой: дождевик три раза подряд ударил меня в одно и то же место в правый бок носком кроссовка. И когда я согнулся от этих трёх последовательных ударов, противоречащих расчётам вероятности, дождевик подошвами обеих ног пнул меня в грудь.

Словно катапульта.

Я не выстоял и завалился назад, но подставил ладони на пол, как при стойке на руках, и тут же кувыркнулся, мгновенно отдалившись от дождевика.

Пинок достал до лёгких.

Похоже, пробито.

Больно дышать.

Быстро не восстановить... Значит, сейчас дождевик обрёл силу, разрушительную мощь в разы выше, чем левый кулак?

Значит, чувства Камбару превосходят беса?

Ревность.

Ненависть.

Негативные эмоции.

«Тогда разве я не лучше бы подходила?»

— Ты... — говорил я сквозь пробитые лёгкие. — Ты не можешь... Камбару Суруга!..

Никто не может заменить кого-то другого, никому не стать кем-то другим. Сендзёгахара это Сендзёгахара Хитаги, а Камбару это Камбару Суруга.

Арараги Коёми это Арараги Коёми.

Мы с Камбару разные.

Один из нас знал Ошино.

Один из нас отступил.

Один демон, другой обезьяна.

Внезапная случайная встреча.

Не могу стереть чувство вины.

Чувство вины к Камбару и к Сендзёгахаре. Но это не значит, что я хочу, чтобы кто-то занял моё место. Я не намерен уступать своё нынешнее место.

Да.

Если я твой ненавистный соперник в любви, то и ты тоже мой ненавистный соперник. Я должен ненавидеть её.

А если это настоящая суть моего чувства вины?

Я не принимал Камбару как равную.

Я глядел на неё сверху вниз.

Пренебрегал.

С абсолютно надёжных высот, с позиции совершенной свободы насколько же отвратительно было пытаться воссоединить Камбару и Сендзёгахару, надеяться, что они поладят. Добрый, хороший человек, ага. Жестокий и ужасный человек.

Желание.

Исполнить желание своими силами.

Если своими силами, то можно сдаться.

Если не забываешь, можно сдаться.

— !.. !.. !..

Дождевик выдавал один яростный удар за другим, мощные настолько, что с каждой атакой у меня менялись очертания тела. Из четырёх я ни разу не смог увернуться. Разорванные части

тут же автоматически восстанавливались, однако дождевик бил даже быстрее скорости регенерации.

Не успел я и опомниться, как оказался загнанным в угол класса. Не двинуться ни вправо, ни влево, ни назад, меня словно опутали невидимыми нитями. Дождевик здесь больше не сможет маневрировать, здесь он будет твёрдо стоять на ногах, как в бою с ближней дистанции в боксе. Только ближний бой слишком односторонний. Мои светлые надежды, что даже резина подошв этих первоклассных кроссовок сгорит и износится от трения с таким жутким ускорением, обратились лишь ничтожным оптимизмом. Кулак, локоть, колено, голень, носок кроссовок, подошва, всё в различных вариациях и в быстрой последовательности истязало моё тело. Непрерывные удары не давали мне даже закричать.

Это уже не просто удары.

Это чистое давление.

Всё не ограничивается сломанными костями, куда приходится удар, там разрываются и рвутся кожа и мышцы. Чувствуется разница, когда он твёрдо стоит на ногах: разрушительная мощь левого кулака в разы резко усилилась.

Но тем не менее.

Не до уровня силы ног Камбару Суруги.

— Фор... ма...

Тело, может, и бессмертное, а вот одежда нет.

Одежду уже давно разорвало в клочья.

Ой-ёй, ещё одна форма испорчена.

До летней смены формы всего несколько дней, а тут высокий воротник.

И как мне теперь оправдывать перед сёстрами?

— Гх...

На таком расстоянии...

Однако на таком расстоянии, если дождевик хоть на секунду замнётся, я мгновенно обхвачу телом Камбару и смогу закрыть движение дождевику... Если всей тяжестью своего тела я прижму его к полу, то смогу обернуть ситуацию.

Ещё не всё потеряно.

Сейчас я формально загнан в угол, но не загнан по сути. Сколько бы не бил дождевик, покада у меня держится усиленная регенерация, мне нечего бояться.

Лишь боль.

Боль, как и в сердце Камбару...

Боль значит, что ещё жив.

— Ненавижу.

Прозвучал голос.

—

Ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу!

Голос Камбару Суруги.

Словно из глубин пещеры, что лежит под капюшоном, звучал, словно поднимался прямо мне в душу.

—

Ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу!

— ...

Ненависть, ненависть такая, что человеку не вынести её.

Злоба, враждебность.

Негативные проявления позитивного кохая.

Словно водоворотом хлынули внутрь дождевика.

Напряжение достигло пика.

— Как посмел, как посмел, как посмел, как посмел, как посмел, как посмел, как посмел!

Продолжала она с каждым ударом.

Голосом, полным ненависти.

— Ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненави...

— Камбару, прости, — снова выдохнул я.

Извинился перед Камбару.

— Но я не ненавижу тебя.

Может, мы и соперники в любви.

И ты, и я может, чрезвычайно разные, но тем не менее.

Разве не можем мы стать друзьями?

— ■■■■■■!

Из глубокой пещеры поднялся неимоверный крик — пинок дождевика пробил мне живот. Пробил. Не разорвал внутренности, а совершенно не обратив внимания на мышцы и суставы, он буквально пробил мой живот, раздробил рёбра и позвоночник и достал ногой стену позади меня. Я нанизан на ногу.

Урон прошёл сквозь пределы моей регенерации.

С чавканьем он вытащил ногу.

Кишки потянулись за ней.

Полностью.

Вытянулись, и теперь я — глубокая пещера.

И внутри ничего.

— Камбару...

Хреново.

С такой дыриной в животе от одного лишь неосторожного движения тело развалится на две половинки. Значит, никаких неловких движений. Я ещё в сознании, но в таком состоянии следующий удар закончит это дело. Насколько же я беспомощен, если позволил одолеть себя? Разве так не исполнится второе желание Камбару? Этого нужно избежать во что бы то ни стало...

Хотя так ли нужно?

Это ещё второе желание.

Если Камбару после этого... сможет воздержаться от третьего желания, разве это не хорошо? Рука Камбару примет прежний вид, к тому же, само желание в некоторой форме исполнится, и она будет рядом с Сендзёгахарой.

Я не намерен уступать своё место.

Не намерен отдавать.

Но намерен простить.

Я должен был умереть ещё тогда, на весенних каникулах... Если так, то как и сказал Ошино, разве это не лучшее решение?

Я дорожу жизнью.

Но это не значит, что боюсь смерти.

— А... ау... — простонал я.

Просто бессмысленный стон.

Словно агония.

Уже неважно, что там с формой.

— Камбару Суруга...

И тогда.

Шквал ни на секунду не затихающих атак дождевика остановился.

Вдруг остановился.

Задержка, которой я так долго ждал.

Однако прижать дождевика, как планировал, я не смог. Дырина у меня в животе не выказывала никаких признаков регенерации, сознания уже практически померкло, но я тоже застыл.

Скорее всего, по той же причине, что и дождевик.

Застыл.

— А вы тут во всю веселитесь.

Двери класса открылись.

Двери, которые не открыть изнутри, открыли снаружи.

А затем вошли.

Сендзёгахара Хитаги в будничном наряде.

— Веселишься без меня, Арараги-кун. Расстраиваешь.

Лицо, на котором не читается эмоций. Ровный тон.

Оглядев класс, она слегка прищурилась.

Как обычно появилась без всякого предупреждения.

Футболка того же цвета, что и джинсы без ремня, растянутый широкий свитер, слабо убранные назад волосы — весь вид Сендзёгахары Хитаги говорил, что она вышла из дома как была.

— С-Сендзёгахара...

С дырой в животе особо хорошо не поговоришь, так что я практически беззвучно позвал её.

Почему ты здесь?

Вот что я хотел спросить.

Но не нужно и спрашивать, ответ очевиден. Определённо позвал Ошино, не стоит и решение искать. Но как? Вряд ли, Ошино мог как-то связаться с ней, Сендзёгахара Хитаги ни за что не даст ненавистному Ошино Мэмэ свой номер. Ни шанса.

Мобильник?

Ох, точно.

Этот паршивец, ни минуты не задумываясь о защите частной информации, полностью проигнорировал всяческую приватность и взял мой мобильник. Перед тем, как войти в этот класс, я положил сотовый в рюкзак, который отдал Ошино... Мобильник не запаролён, так что даже такой ламер, как Ошино, мог бы со временем разобраться со списком контактов или с исходящими/входящими. Да Сендзёгахара в День матери в какой-то степени научила его...

Но почему?

Для чего вообще Ошино позвал Сендзёгахару в такое место с такой ситуацией?..

Сейчас.

Дождевик отпрыгнул назад, раза два-три проскакал по потолку и стенам и очутился в противоположном мне углу класса.

Почему?

Последний удар решит всё.

Исполнит желание.

Наверное, при появлении Сендзёгахары сознание Камбару мгновенно подавило подсознание, отданное дождевику? И для этого Ошино позвал сюда Сендзёгахару? Но разве это не временная мера? Ненастный дьявол питается негативными эмоциями людей, потому, пока не устранишь их, ничего не изменится. Тут всё не решит сила любви, как в старых иностранных фильмах. Раз позвал Сендзёгахару, мог бы и сам явиться, Ошино Мэмэ!

Сендзёгахара однако, нисколько не интересуясь передвижениями дождевика, сурово глядела на моё предсмертное состояние холодным взглядом. Взгляд сокола, нацелившегося на жертву.

— Арараги-кун, ты солгал мне.

— Э?..

— Ты обманул меня, что врезался в телефонный столб, и скрыл про Камбару. Когда мы начали встречаться, разве мы не пообещали ничего не скрывать? Не держать в секрете то, что кажется хоть немного странным.

— А, ну...

Это конечно так.

Я вовсе и не забывал.

— Ты заслуживаешь десять тысяч смертей.

Сендзёгахара расплылась в жестокой улыбке.

Жуткий страх, который я не чувствовал, даже когда дождевик избивал меня, электрическим током пробежал по моему телу. Жуткая... Она реально жуткая. Она Медуза Горгона? Как таким взглядом можно глядеть на людей... не говоря уже о любимом? Эй, серьёзно, что ли? Она сейчас реально сделает это со мной? Ты немного не чувствуешь ситуации, Сендзёгахара.

— Но, похоже, ты уже поумирал где-то десять тысяч раз, Арараги-кун.

Сендзёгахара направилась ко моей скрючившейся фигуре в углу.

— На этот раз я тебя прощаю.

Нет.

Всё-таки не думаю, что умер десять тысяч раз.

Дождевик, чутко среагировав на её движение, тоже кинулся в мою сторону. Неожиданный забег, которой не случился во времена средней школы, между Сендзёгахарой Хитаги и Камбару Суругой. По прямой расстояние до меня в два раза короче для Сендзёгахары, но, хоть она и была асом клуба лёгкой атлетики, но уже больше двух лет не занималась, к тому же, дождевик сейчас пользуется мощностью ног Камбару... нет, эта мощь уже стала мощностью беса. И первой достигла до моего бездвижного тела, конечно же, Камбару.

Дождевик тут же занёс левый кулак в завершающем ударе, однако в этот миг запоздавшая Сендзёгахара встряла между мной и дождевиком.

Опасно.

Я даже не успел подумать об опасности.

Прямо перед ударом дождевика отбросило назад. Отбросило? Кто мог сейчас отбросить дождевика? Я уж точно нет, Сендзёгахара тем более. В таком случае не отбросило, должно быть, дождевик просто сам отпрыгнул. Хотя и вышло довольно неуклюже.

Я изумился.

Это движение... такое противоестественное движение, словно он боялся задеть Сендзёгахару, словно избегал поранить её, почему?

Значит, сознание Камбуру Суруги всё-таки... Нет.

Должна быть целесообразность.

Странности логичны.

Где-то должна лежать причина.

Причина, которую сразу не понять человеку.

Но тогда...

— Арараги-кун. Неужто в твою глупую головушку пришла мысль, что твоя смерть всё решит?

— сказала мне Сендзёгахара, по-прежнему не обращая внимания на дождевик.

Она всё ещё стояла спиной ко мне и не оборачивалась. Но не оборачивалась не потому, что не хотела смотреть на мои ужасные кровавые раны, нет.

— Не шути. Никому тут не нужно такое ничтожное самопожертвование. Если ты умрёшь, я убью Камбару всеми известными мне способами. Разве я не говорила тебе? Ты хочешь сделать из меня убийцу, Арараги-кун?

Всё разгадала...

По-настоящему мягкосердечная.

Нельзя так беззаботно умирать.

Её любовь полностью извращена.

— Что мне больше всего противно, так это то, что ты наверняка и без такого тела сделал бы то же самое. Если вытворяешь такие глупости, полагаясь на своё бессмертное тело, то пожалуйста, но, когда ты как ни в чём не бывало по милости обстоятельств доходишь до такого, это уже чересчур.

— ...

— Ну, сование носа не в свои дела, лишние вмешательства и ненужная помощь от тебя, наверное, не так уж и плохи, Арараги-кун...

Сендзёгахара, так и не поглядев на меня, решительно шагнула к по-прежнему не поднявшемуся дождевику. Дождевик, словно боясь Сендзёгахары, лёжа пятился назад.

Словно боясь...

Боясь... Почему?

Хотя, если так подумать, прошлой ночью было так же. Дождевик вдруг перестал бить меня. Потом появилась Сендзёгахара с забытым мной конвертом... Неужели дождевик сбежал из-за Сендзёгахары? Как-то это странно, разве нет? Если бы это был маньяк-«человек» или расчленитель-«человек», то всё нормально, однако «странности» незачем волноваться о свидетелях. И с такой силой левой руки одна Сендзёгахара не сможет как-то помешать.

Тогда почему убежал?

Потому что появилась Сендзёгахара?

Что это значит?

Сила любви, что ли, реально?

Целесообразность. Неужели чувства Камбару Суруги к Сендзёгахаре преобладают над бесом?.. Неужто эмоции настолько сильны, что оттолкнули странность, что сам этот мир, достигли Небес с земли?.. Нет.

Нет.

Не это... понятное чувство.

Даже после того, как Камбару пожелала левой руке Ненастного дьявола, и её собственная рука стала звериной, потребовалось четыре дня, чтобы она активизировалась. Камбару всеми силами сдерживала свою ненависть ко мне. Её отношение «исполнить желание самой» сдерживало напор беса. Ошино рассмеялся этому отношению, прочно укоренившемся в Камбару за семь лет с исполнения первого желания, но здесь не такой поверхностный смысл.

Должен сказать, ошибка не полная.

Чувства Камбару.

Чувства... Желание Камбару Суруги.

Ненастный дьявол заглядывает в самые тёмные уголки человеческих эмоций, читает меж строк. Хочет стать быстрой, потому что ненавидит одноклассников. Хочет быть рядом с Сендзёгахарой, потому что ненавидит Арараги Коёми.

Но это лишь обратная сторона.

Если есть верх, есть и низ.

Если есть низ, есть и верх.

Если Ненастный дьявол ранит Сендзёгахару Хитаги, пытаясь убить ненавистного Арааги Коёми, то *высказанное желание* Камбару уже нельзя выполнить... Тут не такая чувствительная и трогательная загвоздка, вроде силы любви, всё намного реалистичней и примитивней.

Контракт.

Сделка.

Ненастный дьявол исполняет лишь скрытое, но это не значит, что он игнорирует высказанное. На самом деле в начальной школе, вместе с невысказанным желанием отомстить одноклассникам, сбылось и высказанное желание стать быстрее. Даже если причины и следствия не связаны, желание действительно исполнилось. Смешно было так думать о Ненастном дьяволе, он истолковывает глубь из поверхности, но это не значит, что глубь выводит из ниоткуда, низу не существовать без верха. Если верить Ошино, то у левой руки своей воли нет. Всё это из бессознательных намерений Камбару Суруги, причины и следствия поверхности и глубины никогда не пересекаются из-за противоречий.

Контракт с бесом.

В обмен на душу.

Сойдёт на нет.

Пожелать неисполнимое желание.

Дилемма противоречий.

Дилемма поверхности и глубины.

Потому, поэтому Ненастный дьявол не коснулся Сендзёгахары. Потому что контракт, потому что сделка, потому что дождевик не может пробить щит Сендзёгахары даже ради прененавистного меня.

Не может коснуться левой рукой.

Превзойти беса и сделать невозможным исполнения скрытого желания сработает так же, как невозможность исполнения явного желания.

Тем более сейчас Сендзёгахара поклялась перед бесом, что убьёт Камбару, если я умру. Теперь не отговориться, что не знал. Ситуация уже решилась для Ненастного дьявола.

Проглядел всё...

Проглядел даже лучше беса.

Ошино, ты... ты реально несравнимо со мной, невероятно жестокий и ужасный человек!

— Давно не виделись. Камбару. Выглядишь бодро, — проговорила Сендзёгахара.

И пригвоздила пятящийся спиной вперёд дождевик... нет, пригвоздила старую подругу Камбару Суругу, медленно нависнув над ней.

Пока я тут валялся практически бездыханный...

Она сделала то, что мне не удалось.

То, чего я никогда бы не смог.

Левую звериную.

И правую человеческую она мягко сжала.

Степлер...

Его уже нет у Сендзёгахары.

— Сендзёгахара-сэмпай, — донёсся шёпот из капюшона.

Словно призыв, словно эхо.

Однако капюшон уже не был входом в пещеру. Не лицом, готовым расплакаться. Не расплакаться, она уже плакала. Я ясно видел её улыбку на заплаканном лице.

— Я... — выдавила она сквозь слёзы.

Высказывала свои чувства.

— Я люблю вас, Сендзёгахара-сэмпай.

Высказала своё желание.

— Ясно. Я не особо тебя люблю, — ровно проговорила Сендзёгахара.

Честно высказала, что у неё на душе, своим обычным тоном.

— Но не хочешь быть рядом со мной?

Прости за ожидание.

Очень ровным голосом проговорила.

Глупо...

Ничего глупее не придумаешь.

Похоже, реально ни шанса.

И как обычно словно под заказ разыгрываю эти комедии. Поразительно, насколько это бесполезно.

Послушный ребёнок, который знает, когда извиниться.

Я давно уже знаю, насколько жадна Сендзёгахара Хитаги. Давно знаю, насколько сложно ей сдаться.

Если действительно важное.

Сендзёгахара ни за что не сдастся.

Не моё дело и лишнее вмешательство.

Ненужная помощь.

Однако... Но тем не менее как же тут всё переплетено между нами...

У всех есть две стороны.

И поверхность, и глубина одно и то же, как кольцо Мёбиуса.

Если так, нет ничего лучше силы любви.

Очень обидно, когда тебя забывают.

Я раздумываю об этом, ожидая пока дыра в животе наконец не затянется, и наблюдаю эту открывшуюся перед моими глазами юри-сцену, лишённую моего грубого вмешательства. Будь я Ошино, я бы не к месту скорчил из себя нигилиста, зажал губами незажжённую сигарету и спросил бы этих двоих не праздник ли у них какой, но, к сожалению, я ещё слишком молод.

Примечания

1. Набор пончиков из Mister Donut.
2. Атака, когда кулак отделяется от руки и летит с невероятной скоростью в противника, частая техника Андроиды 16 из Драгон Болл.
3. Удар внешней стороной стопы в каратэ.
4. Удар по мячу с разворота.

5. Сепактакрау, вид спорта, популярный в Юго-Восточной Азии, напоминает волейбол, только мяч перекидывает ногами или головой.

6. Один из восьми горячих адов в буддизме, ад оживления, грешники страдают от диких мучений, умирают, однако тут же воскресают и снова.

Эпилог, или скорее, кода.

На следующий день меня как обычно разбудили младшие сёстры, Карэн и Цукихи. Я протёр сонные глаза и, питая слабые надежды, что хоть сегодня мне удастся отведать еды от Сендзёгахары, как и обещал, направился к ней домой для дополнительных занятий на всё воскресенье. Я вышел из дома, открыл калитку, сел на теперь единственный свой велосипед и встретил девушку, со скуки разминающуюся перед телефонным столбом. В будничной одежде, однако короткая юбка в складку и тайтсы по колено оставляли такое же впечатление о школьной звезде Наоэцу, моём кохае, Камбаре Суруге, что и в школьной форме.

— Доброе, Арараги-сэмпай.

— Доброе утро, Камбару-сан.

— М-м. Такое вежливое приветствие, я тронута. Ваша учтивость и вежливость превосходит планку таких грубиянов, как я. Ваши раны уже в порядке?

— Ага... Сейчас скорее солнце страшнее, но не настолько, чтобы волноваться. Урон потихоньку восстанавливается. А откуда ты знаешь, где я живу, Камбару?

— Как грубо, Арараги-сэмпай, вы ведь уже всё поняли. Или вы дали мне шанс выйти на первый план? Я же преследовала вас, Арараги-сэмпай. И даже вычислила адрес вашего дома.

— ...

Я растерялся от её весёлого смеха.

— Так что на этот раз?

— А, утром мне позвонила Сендзёгахара-сэмпай и сказала встретить вас. О, давайте вашу сумку.

Не успел я и слова сказать, как Камбару левой рукой выхватила мой рюкзак из корзинки велосипеда.

— Я ещё смазала цепь у вашего велосипеда. Если будут ещё какие-нибудь поручения, обращайтесь.

С невинной улыбкой она глядела на меня.

Прошла мимо друга в посыльные.

Не скажу, что хоть немного намерен использовать школьную звезду для своих нужд, однако если ревнивая до ненормальности Сендзёгахара доверила такую роль Камбару, то не поспешу ли я, прочитав в этом воссоединение Вальхалакомбо и восстановления былых отношений между Сендзёгахарой и Камбару? Наверняка поспешу.

— Как насчёт массажа перед отправлением? Вы выглядите усталым, Арараги-сэмпай. У меня довольно хорошо выходит.

— А как же клуб? Вы же, наверное, и по воскресеньям занимаетесь? Стоп, сейчас же экзамены скоро, ходить нельзя.

— Ну, я больше не смогу играть в баскетбол.

— Э?

— Я недавно ушла.

Камбару продемонстрировала мне левую руку, держащую рюкзак. Левая рука до локтя обмотана белой повязкой. Даже снаружи заметна некоторая неестественность длины и формы.

— Всё лишь наполовину. Бес ушёл, но рука не изменилась. С такой рукой в баскетбол уже не сыграешь. Хотя она довольно удобная, да и сильная.

— Сейчас же верни мою сумку.

Ну а как тут.

Желание исполнилось, хоть и не совсем.

Такова естественная плата.